Институт философии РАН Московско—Петербургский философский клуб

Государство как произведение искусства:



150-летие концепции

Институт философии РАН

Московско—Петербургский философский клуб

бсударство как произведение искусства:

150-летие концепции

Ответственный редактор А.А. Гусейнов



Г72 Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / Ин-т философии РАН; Московско-Петербургский философский клуб; Отв. ред. А.А. Гусейнов. — М.: Летний сад, 2011. — 288 с.

ISBN 978-5-98856-120-0

В сборник включены материалы проведенного при участии Флорентийского общества «Круглого стола» и избранные работы конкурса молодых ученых, посвященные одной и той же теме: «Государство как произведение искусства». «Круглый стол» состоялся 14 апреля 2010 года в Институте философии РАН как совместное заседание философов и юристов, академических специалистов и практикующих гуманитариев; он был приурочен к 150-летию публикации книги швейцарского историка Якоба Буркхардта «История культуры Ренессанса: Попытка исследования» и 75-летию Пакта Рериха — действующего международного договора о защите культурных ценностей от военных действий государств, подписанного по инициативе президента США Франклина Рузвельта, но разработанного и вдохновленного знаменитым русским мыслителем и художником Николаем Рерихом, в честь которого договор официально и был назван. Конкурс молодых ученых, проходивший в период с мая по сентябрь 2010 года, охватил студентов, аспирантов и молодых преподавателей философских, юридических и других гуманитарных специальностей из 20 регионов России. Оба мероприятия были организованы Институтом философии РАН и Московско-Петербургским философским клубом в рамках их совместных усилий по разработке и публичному обсуждению проблем философии права.

This book contains the materials of a roundtable discussion, held with the participation of the Moscow Florentine Society, and a selection of the best articles from a young scholars' competition, both of which were devoted to the same topic: «The State as a Work of Art». The roundtable discussion took place on April 14, 2010 at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences as an interdisciplinary meeting of philosophers and lawyers. It was timed to commemorate the 150th anniversary of the first publication of the book «The Civilization of the Renaissance in Italy» by Swiss historian Jacob Burckhardt and the 75th anniversary of the Roerich Pact, «The Treaty on Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments from warfare». This treaty was named after eminent Russian philosopher and painter Nicholas Roerich, who had originally developed and inspired it to be signed on the initiative of the President of the United States Franklin Delano Roosevelt by 40 percent of independent countries in 1935. The young scholars competition, held from May to September 2010, was participated in by undergraduate and graduate students, as well as young researchers under 35, representing 20 different regions of Russia. Both events were co-sponsored by the RAoS Institute of Philosophy and Moscow-Petersburg Philosophical Club, as part of their collaborative effort for developing the philosophy of law in Russia.

Предисловие

В предлагаемый сборник включены материалы «круглого стола» и избранные работы участников конкурса молодых ученых, посвященные одной и той же теме: «Государство как произведение искусства». «Круглый стол» состоялся 14 апреля 2010 года как совместное заседание философов и юристов, академических специалистов и практикующих гуманитариев; он был приурочен к 150- летию публикации книги швейцарского историка Ренессанса Якоба Буркхардта «История культуры Ренессанса: Попытка исследования» и 75- летию Пакта Рериха действующего международного договора о защите культурных ценностей от военных действий государств, подписанного по инициативе президента США Франклина Рузвельта, но разработанного и вдохновленного знаменитым русским мыслителем и художником Николаем Рерихом, в честь которого договор официально и был назван. Конкурс молодых ученых, проходивший в период с мая по сентябрь 2010 года, охватил студентов, аспирантов и молодых преподавателей философских, юридических и других гуманитарных специальностей; в нем приняли участие 52 человека из 20 регионов России. Оба мероприятия были организованы Институтом философии РАН и Московско-Петербургским философским клубом в рамках их совместных усилий по разработке и публичному обсуждению проблем философии права.

Тема «Государство как произведение искусства» восходит к известному исследователю Ренессанса Якобу Буркхардту. Однако ее обсуждение в предлагаемых текстах не замыкается на ту отдаленную от нас эпоху и не ограничивается эстетическим аспектом государства. Она стала отправным пунктом для более широкого, чем это принято в нашей литературе, взгляда на государство с акцентом на его изменяющуюся роль и функции в современном глобализирующемся мире. Особое внимание было уделено соотношению государства и гражданского общества в условиях становящейся российской демократии. Нестандартное сопряжение государства с искусством позволило выявить ограниченность, узость превалирующих в специальной литературе и общественном сознании представлений, согласно которым государство отождествляется с центральными органами управления и легитимным насилием. Оно высветило ряд аспектов и подходов, которые обычно остаются в тени: государство как публичное пространство; связь политики с культурой, в том числе и прежде всего, с культурой повседневной жизни, ее зависимость от культуры и обязанности по отношению к ней; справедливость как основная добродетель государственных институтов; и др.

Предлагаемый сборник призван привлечь внимание ученых и общественности к проблемам философии права.

А.А. Гусейнов, Директор Института философии РАН, академик РАН

Совместное заседание Московско-Петербургского философского клуба и Флорентийского общества в Институте философии РАН 14 апреля 2010 года по теме Государство как произведение искусства

Список участников дискуссии по теме: «Государство как произведение искусства»

- 1. *Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович*. Директор Института философии РАН, член Управляющего совета Московско-Петербургского философского клуба (МПФК), доктор философских наук, профессор, академик РАН.
- 2. *Баренбойм Петр Давидович*. Адвокат, Президент Флорентийского Общества, кандидат юридических наук.
- 3. **Бернацкий Георгий Генрихович**. Заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор.
- 4. *Голованова Ирина Павловна*. Старший юрист компании «Сквайр Сандерс энд Демпси ЛЛС», кандидат философских наук.
- 5. Захаров Александр Владимирович. Председатель Попечительского Совета Московско-Петербургского философского клуба (МПФК), старший вицепрезидент Сбербанка России, кандидат экономических наук.
- Иванов Лев Олегович. Заместитель заведующего лабораторией конституционной экономики Института экономики переходного периода, кандидат юридических наук.
- Кашкин Сергей Юрьевич. Заведующий кафедрой права Европейского союза Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.
- 8. *Лафитский Владимир Ильич*. Заместитель директора института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юрилических наук.
- 9. *Ливеровский Алексей Алексеевич*. Декан юридического факультета Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, профессор, доктор юридических наук.
- Межуев Вадим Михайлович. Главный научный сотрудник Института философии РАН, член Управляющего совета МПФК.профессор.
- Осипов Игорь Дмитриевич. Профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.
- 12. **Филиппов Игорь Святославович.** Заместитель декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор, член Управляющего совета МПФК, доктор исторических наук.
- Шевченко Владимир Николаевич. Заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН, доктор философских наук, профессор.
- 14. Яковенко Игорь Григорьевич. Член правления Фонда «Институт Развития», член Ассоциации политических экспертов и консультантов (АСПЭК), член Философского общества РАН, член Научного совета по комплексной проблеме История мировой культуры РАН, кандидат культурологических наук, доктор философских наук, профессор.

«В государствах того времени впервые проявляется дух современного европейского государства, поглощенного собственными интересами, демонстрирующего свой ужасный и ничем не ограниченный эгоизм, ставящего себя выше права и подавляющего в зародыше любое здоровое начинание; но там, где эта тенденция преодолевается или как-то уравновешивается, на исторической сцене появляется нечто новое: государство как рассчитанное и продуманное творение, государство как произведение искусства».

Я.Буркхардт. «Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования»

А.А.Гусейнов

Государство как произведение искусства — тема неожиданная, необычная, в этом сила и слабость этой темы. У нас сейчас сложилась такая ситуация, когда ни в нашей политологии, ни в нашей философии, ни в нашей юридической науке, насколько я понимаю, нет какого-то устоявшегося представления о том, что такое государство. В рамках нашей политологии и политической мысли тема государства сведена на какой-то маргинальный уровень. А ведь традиционно государство было концентрированным, высшим воплощением политики.

Если говорить о «государстве как произведении искусства», что прежде всего должно иметься в виду? С одной стороны, эстетическое оформление государства, парадность, ритуальность, одним словом, все, что связано с дизайном пространства государства.

С другой стороны, то место, которое отведено культуре и искусству в государственных приоритетах. Этот аспект темы уходит своими корнями как раз в Ренессанс, во времена расцвета итальянских государств.

Но мне кажется, эту тему — государство как произведение искусства — можно понимать не только в том смысле, что государство, как и всякое иное явление, имеет свой эстетический аспект и оно может быть осмыслено с эстетической точки зрения. Государство, на мой взгляд, может быть понято и в прямом значении — государство как произведение искусства, как, скажем, роман Л.Толстого «Война и мир» или опера П.Чайковского «Евгений Онегин». Такой подход может пролить некий новый свет на понимание государства.

Эстетическое как срез реальности есть единство смысла и чувственной конкретности. В этом случае предметы берутся в своей самоценности, их рассмотрение соответствует их собственной мере. Если хотите — ког-

да смысл вещи не отрывается от самой вещи, в отличие от других форм культуры. Наука отрывает смысл вещи от самой вещи, который задается в форме каких-то упорядоченностей, законов и так далее. Мораль отрывает смысл вещи от самой вещи тем, что задает некие обязательные правила поведения. Даже религия отрывает вещь от самой себя тем, что помещает ее в какую-то другую реальность, где эта вещь уже не является причиной самой себя. Искусство тем и отличается, что оно рассматривает вещь не в какой-то пассивной, страдательной перспективе. Здесь предметы утверждаются в их уникальности, индивидуальности и самодостаточности.

На самом деле государство — это всегда определенная общность людей. И вне ее государство не существует. Что это за общность? Об этом наиболее ясно высказался Аристотель. Исходным пунктом его рассуждения, поскольку у него политика вырастает из этики, является человек, который стремится к некоему совершенству. Он стремится к добродетельно-счастливому существованию.

Рассуждая далее, Аристотель приходит к выводу, что для добродетельной счастливой жизни нужен досуг, нужно свободное время, чтобы человек был свободен от тягот жизни, от всего того, что задается и предписывается ему природной и социальной необходимостью — забота о пропитании, семье, собственной безопасности и т.д. Одним словом, он должен иметь досуг.

Досуг — это пространство эвдемонии, или пространство человеческого счастья, говорит Аристотель. В нем человек может реализовать свое стремление быть совершенным, наполнить свою жизнь тем смыслом, который он, как разумное существо, находит наилучшим. Это пространство находится по ту сторону экономики, по ту сторону семьи, по ту сторону всех необходимостей.

Аристотель задается вопросом: хорошо, попал человек в это пространство, и что он там находит? Ничего, кроме таких же индивидов, как он, озабоченных тем же, что и он, — желанием или стремлением к лучшему, к совершенному, к бессмертию. И между ними устанавливается общение, в ходе которого и возникает то, что Аристотель называет политическим общением. Возникает полис, возникает государство. Вот где исток и тайна государства. Это — свободное общение индивидов, или общение индивидов, поскольку они свободны, общение индивидов в той мере, поскольку они стремятся к высшему благу. Это общение, в ходе которого индивидуальное стремление каждого из них к высшему благу становится общим благом всех. Общее благо всех оказывается тем солнцем, вокруг которого все объединены, но в отличие от солнца, которое видят все, это — мысленно заданное и невидимое солнце их совместного существования.

Итак, согласно Аристотелю, политика — это публичное пространство, внутри которого люди ведут разговоры и совершают поступки, которые имеют определенную нацеленность — на высшее благо. Потом появляется справедливость как принципиально новый способ организации отношений между людьми в рамках этого пространства, в отличие от того, как эти отношения задаются, скажем, социальной необходимостью, где обязательно должна быть иерархия, насилие и так далее. Здесь принципиально другая ситуация, связанная с тем, что мы обобщаем в понятии справедливости ее назначение быть цементирующим основанием этого публичного пространства.

Почему же государство есть произведение искусства? Да просто потому, что из такого подхода вытекает, что государство — это то, что создают граждане в процессе своего общения, когда они общаются ради прекрасной цели и в формах прекрасной деятельности. Это означает, что нет каких-то изначально данных канонов, что государство не является экземпляром какой-то серии, частным случаем каких-то законов. Оно есть изначальная, прекрасная в себе реальность в том виде, в каком люди ее создают. И при таком понимании государство, конечно, есть произведение искусства. Граждане в их совместной деятельности творят и создают то же, что отдельный художник создает своим индивидуальным творчеством, когда пишет роман, рисует картину и так далее.

Излишне говорить, что такое понимание государства, конечно, имеет огромные следствия, в том числе достаточно важные и актуальные и для нашего Российского государства, для его демократического строительства.

Но здесь возникает вопрос, является ли наше государство, как оно представлено, союзом граждан и где эти граждане.

П.Д.Баренбойм

«Государство как произведение искусства» как тема и концепция вытекает из вопроса соотношения государства и культуры. Политологи, философы и тем более юристы, как мне кажется, привыкли несколько снисходительно относиться к идеям представителей художественной литературы и искусства, например, о природе того же государства. Поэт Евгений Евтушенко написал: «Плохой вкус — это рычаг политики... Плохой вкус — это наша национальная проблема... Когда политика, ведущая себя, как путана, напяливает подвенечное платье, плохой вкус не делает ее девушкой... Употребление блатного лексикона, чтобы «стать ближе к народу», — это плохой вкус... Считать войну до победного конца единственным выходом, даже если война бесконечна, — это плохой вкус... Да и сам наш парламент — это выбесконечна, — это плохой вкус... Да и сам наш парламент — это вы

ставка вопиюще плохого вкуса некоторых избирателей... Считать, что спасение России лишь в устаревших системах, скомпрометированных историей — в монархии, в капитализме, в тоталитарной версии социализма, не предлагая ничего нового, — это плохой вкус». Строки из книги «Памятники не эмигрируют» (2005 г.) заслуживают цитирования, хотя их автор, на мой взгляд, не может считаться мыслителем уровня Бродского, провозгласившего в своей Нобелевской лекции необходимость развития эстетической концепции государственности в качестве противовеса современному государству. Мандельштам в трех стихотворениях 1933 года («Мы живем, под собою не чуя страны...», «Квартира тиха, как бумага...» и, конечно, «Власть отвратительна, как руки брадобрея...») лучше выразил суть сталинской государственности, чем тысячи (в основном последующих) томов философских, исторических и юридических исследований. Именно о нем (сознательно) и о Бродском (невольно) очень удачно сказал Евтушенко:

«...Немыслим профессионал-пророк. Бессмертны лишь герои-дилетанты, Неловкие с эпохой дуэлянты, Не знающие, как нажать курок».

Можем вспомнить умевшего нажимать на курок охотника и бойца Эдуарда Багрицкого, который посмел при жизни писать и печатать, что «зеленое сукно на столе вождя как болото всасывает в себя карандаши и пресс-папье», чтобы в другом стихотворении уже продолжить образ: «Стол раскидывался как страна, в крови и чернилах квадрат сукна, ржавчина перьев, бумаги клок — все друга и недруга стерегло... Их нежные кости сосала грязь. Над ним захлопывались рвы. И подпись на приговоре вилась струей из простреленной головы». Правда, он умер на три года раньше 1937 года, который пережить у него шансов не было, но ведь печатал в цензурных условиях, и его, в отличие от литературных критиков XXI века, понимали некоторые его современники. У культуры есть, и как мы видим, в любых условиях прорывается врожденная функция одергивания зарвавшегося государства, но также и придания смысла и содержания его существованию, если мы, конечно, заговорим о конституционном правовом государстве.

Недавно скончавшийся великий сербский писатель Милорад Павич писал, что государство может иметь родословную, а может быть и выскочкой, может быть дешевой проституткой или дорогой женщиной, может быть хорошо или плохо одето, может предать свой род. Далее он пишет: «Государство приходит в упадок, если в нем хорошо живут те, кто его разрушает, и плохо живут те, кто его укрепляет... Должен признаться, что мне было довольно неуютно в государстве, созданном нашими отцами, боровшимися за светлое будущее, я никогда не чувствовал себя в нем хорошо. Потому что государство отцы кроили не по

моим, а по своим меркам, они создавали его не для потомков, не для детей, не для нас, а только для себя». Павича еще в XX столетии критики заслуженно назвали «первым писателем XXI века». И он, по сути, выразил то, что должны чувствовать современные молодые люди в России по отношению к нашему более старшему поколению.

Боюсь, что не все мы, родившиеся до, скажем, 1970 года, осознаем, что государство под названием Россия (официально СССР) при нашем участии (а равнодушное участие недеянием еще более ответственно) благополучно (то есть почти без крови) исчезло с лица Земли, а в новом ранее никогда геополитически не существовавшем государстве, тоже под названием Россия, мы не более чем не очень понятные пришельцы из советского прошлого. Мы люди, потерявшие свое государство, а значит. и не обладающие каким-либо авторитетом перед лицом его нынешних граждан, тем более что мы продолжаем мыслить старыми категориями: кто в масштабе СССР, кто — Московской Руси. Подлинные же хозяева современной России — люди, родившиеся в ней, и пожалуй, те, кто не успел в СССР присягнуть Ленину и партии даже в качестве пионера, то есть родившиеся не раньше 1983 года. Они другого государства, кроме нынешнего, не знают и не очень интересуются историческими комплексами, реминисценциями и мемуарными всхлипами. Кроме того, они все больше отдаляются от нас на волне современной технологической революции. Между сегодняшними и постсоветскими россиянами не просто разрыв поколений, а разрыв стран и среды обитания. Если мы сейчас, когда Россия географически отброшена от Европы на тысячи километров, все еще продолжаем говорить об окнах и форточках в Европу, то наша молодежь не нуждается даже в двери, так как просто не видит никакой стены. Возможность съездить дешевым туром пока не лимитирована, а при желании, настойчивости и знании языка каждый из них может надеяться прорваться по грантам на учебу, а без грантов и на работу. Скоро любой референдум и выборы, опрос об отношении к любому закону и т.д. можно будет проводить в 12 часов московского времени одновременно по всей стране с использованием компьютеров и мобильных телефонов, с контролем, предотвращающим подтасовку результатов. Думаю, лет через несколько они просто разгонят всю политическую элиту, играющую с ними сейчас в комсомольские поддавки типа «наши — ваши», а заодно и научную элиту, если та не предложит идеи, соответствующие задачам XXI столетия. Тем более что они начали жить сознательной жизнью в стране, у которой почти с самого начала была современная демократическая передовая Конституция.

Я так прямо говорю об этом сейчас в здании Института философии Российской Академии наук потому, что организатор нашей дискуссии

самый мудрый человек России и по должности и по существу, Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов так сильно поставил вопрос о современном звучании идей Якоба Буркхардта для современной России, что к этому уже нельзя не прислушаться. Думаю, публикация нашей дискуссии внесет положительный перелом в изучение философско-правовой проблемы формирования новой конституционной модели правового государства в России XXI века, которая поможет становлению страны и в конечном счете может стать образцом для многих других государств. Как раз это наше поколение и должно делать, поскольку наш последний исторический шанс (свой мы упустили во время перестройки) — дать молодым гражданам современной России для обдумывания те мысли, которые помогут им использовать свои преимущества хозяев совершенно нового государства, чтобы основать его на передовых идеях, которыми они еще и поделятся с человечеством, а также противодействовать попыткам загнать страну в старое прокрустово ложе «нового милитаристского Советского Союза». Не ответив на этот последний исторический вызов, мы без большого почета сойдем со сцены и почти мгновенно можем стереться в памяти молодого поколения.

Ровно 150 лет назад в 1860 году в Базеле швейцарским мыслителем Якобом Буркхардтом впервые была высказана в форме названия главы книги великая концепция-гипотеза: «Государство как произведения искусства», как концепция, стихийно рожденная самим итальянским Ренессансом.

Хотя Буркхардт считал, что философия истории не существует поскольку в ней отсутствует система («любая система неисторична») и говорил о Гегеле, что не понимает соответствующих идей последнего, он сам стремился выявить в деятельности государств периода Ренессанса «плодотворную политическую концепцию» как он сам «проговорился» в первой главе.

Сторонников идеи эстетической концепции государственности, а значит и сторонников Буркхардта и Рериха можно заподозрить в какой-то пристрастности, поэтому процитируем уважаемого английского профессора Берке из Кембриджского университета, написавшего в предисловии к новому и сейчас уже неоднократно переизданному изданию «Цивилизации Ренессанса в Италии» 1990 года, что первая глава «Государство как произведение искусства» является одной из центральных в книге и иллюстрирует «влияние культуры на политику». В посмертно опубликованных записях лекций периода 1868 — 1871 годов Буркхардт утверждает, что существуют три главные власти: государство, культура и религия, находящиеся в постоянном взаимодействии. В лекциях он говорил, что «существуют первичные

политические и религиозные эпохи и завершающие эпохи, которые живут для великих целей культуры». Древние Египет, Мексика и Перу представляют примеры «культуры, определяемой государством», исламские страны показывают примеры «культуры, определяемой религией», а городские полисы Древней Греции демонстрировали «государство, определяемое культурой».

Поэтому мы можем сформулировать интерпретацию Буркхардта рассмотренной им в первой главе ренессансной концепции, используя его же слова, следующим образом: «Государство как произведение искусства — это государство, определяемое культурой».

Понятно, что Ренессанс для него был после полисов античной Греции еще одной из эпох, которая жила «для великих целей культуры». Эта глава концентрируется, по мнению уже упомянутого английского автора, на «подъеме новой самодостаточной концепции государства», которая иллюстрируется, в первую очередь, флорентийским и венецианским государствами периода Возрождения, новой концепции, названной Буркхардтом «Государство как произведение искусства» (Der Staat als Kunstwerk). Здесь следует обратить внимание, что в своих лекциях по философии истории Гегель за несколько десятилетий до выхода книги Букхардта говорил о политической системе античной Греции как о «политическом произведении искусства» (Das politische Kunstwerk), что может свидетельствовать о его влиянии на Буркхардта, по крайней мере, при формулировке названия концепции. Буркхардт на прогулках с Ницше называл Шопенгауэра «нашим философом». Поэтому объясним слова Буркхардта, что он не философ истории, его скромностью, а, кроме того, говоря о целях нашего исследования, мы скорее назвали бы его философом права.

Величайшим собственным, а не скопированным с западных образцов достижением российской правовой мысли, возможно, за всю ее историю, является концепция взаимосвязи государства и культуры, которую мы назвали «концепцией эстетической государственности» Николая Рериха. Она не только важна для построения в XXI веке в России правового государства, к чему обязывает статья 1 Конституции РФ, но и требует осмысления ее корней и истоков, из которых важнейшими являются идеи швейцарского мыслителя XIX века Якоба Буркхардта, который умер в Базеле в 1897 году, когда Рерих закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (а заодно и Академию художеств).

Николай Рерих, которого все знают как художника, а многие знают и по другим каким-то увлечениям, в том числе по политической деятельности невероятного направления, оказывается еще и теоретиком государствоведения, теоретиком государства как произведения

искусства. Он продолжил мысль Буркхардта о приоритете культуры в государстве и мысль Достоевского о том, что красота спасет мир, оформив эти мысли в конкретные юридические формы.

Пакт Рериха есть набор идей, каким должно быть государство и каким должен быть путь к тому, чтобы государство стало, в моем понимании, государством как произведением искусства. В первую очередь, по Рериху, это такое государство, в котором доминантой является культура. Эта утопическая мысль, очень абстрактная, легко может быть оспорена с таких же абстрактных позиций. Но Рерих с этой наивной формулой покорил половину земного шара, то есть почти половину независимых государств того времени. Он не только добился от них поддержки этой идеи, но и подвиг их к подписанию конкретного юридического документа — Пакта Рериха, значимость которого до сих пор еще не осознана, а сам он до сих пор не воплощен в жизнь. Завтра будет как раз 75-летие того дня, когда в кабинете Франклина Рузвельта, в Овальном офисе в Белом доме двадцать одно государство подписало Пакт Рериха.

В чем суть этого короткого документа? Рерих быстро убедился после Первой Мировой войны, что ничего сделать нельзя с ростом уровня насилия и агрессии, который существует в мире. Поэтому он добивался обуздания военной силы, запрета для военных разрушать произведения культуры и науки, в том числе и университеты, которые оказывались под защитой Пакта Рериха.

Если говорить о государстве, то главное зло, идущее от государства — это войны. Государство воюет, гонит своих граждан на убой, а потом никто и не может разобраться после прошедших мировых войн, кто за что воевал. Остаются миллионы убитых, разрушаются памятники культуры. Рерих выдвинул простую и — я еще раз говорю — наивную мысль: запретить уничтожать произведения искусства в ходе войн. Был принят документ о приоритете культуры над военной необходимостью. Советский Союз, надо сказать, приглашенный к участию в этом пакте, замалчивал его и не подписал. Сразу после войны появилась Гаагская конвенция ООН, где идеи Пакта Рериха и сам пакт упоминаются в тексте конвенции, но его главная мысль была перевернута: военная необходимость была поставлена первой, а затем уже шла речь о защите культурных объектов.

В соответствии с этой конвенцией, каждая страна должна представить список своих культурных объектов, которые, после регистрации их в ООН, подлежат защите в случае военных действий. И Советский Союз, и нынешняя Россия до настоящего времени не подали списка своих культурных объектов в соответствии с этой конвенцией для защиты от войны. И просто специально для наших гостей из Санкт-

Петербурга: единственное, чем сейчас юридически защищен Санкт-Петербург, — это то, что он находится под охраной ЮНЕСКО, имеет особый статус, единственный в России.

Государство как произведение искусства — это государство, где поощряется творчество; это государство, которое верит в идеалы.

Что касается Пакта Рериха, у нас среди юристов почти никто не знает о существовании этого документа. Я не к вам, к философам обращаюсь, я говорю, что юристы об этом не знают! Поэтому, мне кажется, что государство как произведение искусства — это то государство, где ценятся идеи типа идей Рериха.

А. А.Гусейнов — Можно так сказать, что государство — это пространство, где процветают свободные занятия. Правильно? Свободные занятия — искусство, культура, философия...

В. М.Межуев

Я сторонник не сакрализации государства, не его эстетизации, а его рационализации. Потому что эстетизация государства — это есть своеобразный вид его сакрализации.

Теория государства, которая была разработана Аристотелем и в какой-то степени Платоном, — Платон просто больше преимущества отдавал не политикам, а философам — это была теория для избранных. Это была теория свободного пространства, но только предназначенного для граждан, для эллинов, и то не для всех, а для афинских эллинов. Эллины были свободнорожденными, а все остальные — варвары, и их судьба — быть рабами.

Только возникает вопрос: а кто их кормить будет? Кто будет заниматься производством? Кто будет заниматься созданием тех жизненных благ, без которых слишком много философией не позанимаешься? Здесь возникает другая проблема — государство должно определиться в отношении этих вопросов. Ну, хорошо, оно будет вольным сообществом философов, художников и кого-то там еще. Тогда непонятно, зачем нужна политика.

В новое время государство, конечно, обрело иные функции. Оно стало синонимом уже не избранных, не полиса, а общества.

Если общество — это прежде всего сфера приватности, тогда, спрашивается, — каким здесь должно быть государство? Государство выступает действительно как некоторая машина, но никак не эстетическая конструкция. Это во времена Возрождения можно было так говорить, потому что в Возрождение, конечно, было очень эстетизированное мировоззрение. В Новое время государство выступает как

машина, которая принуждает частных собственников, людей, преследующих свой частный интерес, действовать так, чтобы они не перегрызли друг другу горло — вот его главное назначение.

Государство здесь выступает не функцией произведения искусства, оно выступает функцией правового государства. Правовое государство — это и есть рационализация государства, есть правовой рационализм. Что там эстетически можно объяснить — я понятия не имею!

Эпоха Возрождения — это время имперских театров, имперской архитектуры, имперской музыки, имперского зодчества. Вся высокая культура работала на покровителей, не только светских, но и религиозных. Все делалось по заказу либо двора, либо священных иерархов. Надо сказать, что вкусы у заказчиков, видимо, были достаточно высокими, потому что создавались шедевры, несмотря на то, что работали на государственный заказ.

Правовое, рациональное государство патронирует не художника, а потребителя. Единственно, оно обязано обеспечить следующее. Все то, что создал художник как свободный творец, должно дойти до потребителя. Это и обеспечивает государство демократическое, в отличие от недемократического государства, которое патронирует искусство. Я.Буркхардт мог как угодно описывать деяния государства, но он не жил в новое время. Он описывал не эпоху демократии правового государства, а жизнь отдельных княжеств и королевств итальянского периода Ренессанса.

Совершенно очевидно, что жить в XXI веке и идти по пути эстетизации и сакрализации государства, отбрасывая момент рационализации, — это путь в никуда. А что такое рационализация — я повторяю еще раз: введение государства в правовое пространство, вот чего мы никак в России не можем достигнуть.

И.Г.Яковенко

Безусловно, в государстве присутствует эстетическая составляющая. Иными словами, государство в глазах его подданных, в глазах его граждан выступает как эстетический феномен. Видимо, это связано с природой сакрального. Государство сакрально — нравится это Вадиму или мне, или не нравится, но такова реальность. А сакральное понимается как антитеза безобразного. Но дело в том, что эстетическое субъективно, всякое суждение эстетическое есть суждение вкуса, а вкус — вещь субъективная. Скажем, я — человек европейских ценностей и ориентаций. Для меня формы репрезентации какого-то азиатского владыки лишены эстетического, они выражают запредельный характер власти, ее величие, несоразмерность этой власти мне, чело-

веку. И в этом отношении они глубинно безвкусны. А для носителей других ценностей и другого мировосприятия эти формы, в которых являет себя государство — архитектурные, эстетические, ритуальные — прекрасны и органичны. Поэтому надо понимать, что об этих формах как о прекрасном говорить трудно. Можно говорить о государстве как об искусстве, выражающем дух общества. В этом отношении оно — искусство, но говорить о том, что государство объективно или универсально прекрасно, с моей точки зрения, сложно.

Я так полагаю, что сакрализация государства коренится в природе государства. Люди не могут относиться к государству только как к некоторому социальному или политическому институту. Это вещи довольно известные, и нет смысла об этом много говорить. Любое государство всегда будет себя эстетизировать. Оно всегда будет работать на ритуальные формы, на самопредставление, всегда будет самовыражаться некоторым образом, который предполагает особое отношение к государству. И в этом отношении оно неотделимо от искусства. Только, я повторяю, это очень частное искусство, по частному поводу, которое адекватно конкретной данному обществу, данной локальной цивилизации и данной эпохе.

В.Н.Шевченко

Государство как организация совместной жизни людей на определенной территории есть очень часто результат неосознанного творчества по законам красоты и вместе с тем оказывается постоянно создаваемой и пересоздаваемой конкретной вещью, которую можно рассматривать и как произведение искусства. Как все это выглядит с точки зрения рассмотрения бытия государства в истории, во взаимодействии с другими государствами. Государство как деятельность и верховной власти, и низов озабочено, прежде, всего не эстетикой и не рационализацией. Любое государство, в том числе и российское, если оно желает и далее существовать в истории, должно быть озабочено тем, как преуспеть в истории, говоря сегодняшним штампом, как быть конкурентоспособным на мировой арене. И вместе с тем оно стремится так или иначе к реализации «общего блага» для всех, носителем которого оно и является. Так вот, что должно ставить государство на первое место — права, свободы, демократические процедуры или выживание государства в условиях нередко жесточайшей конкуренции на мировой арене, включая и объявленные и необъявленные против государства войны?

По замыслу, по идее, российское государство всегда было, есть и будет носителем идеи общего блага, и всегда будет потребность в сакрализации российского государства. Но это сегодня совершенно неактуальная проблематика, она становится все более и более мар-

гинальной. Теперь для нас на первое место выходят совершенно другие вещи, о которых здесь говорил В.Межуев — права и свободы человека. Но если реализацию прав и свобод ставить во главу угла, то это путь, который нами не будет успешно пройден, тупиковый в этом смысле путь. Если говорить сегодня, то нужно говорить не просто о проблемах модернизации, в том числе и государства как основы политической системы. Нужно говорить о том, как сегодня выжить Российскому государству, почему сегодня актуальным вновь становится идея особого пути развития российского государства. Именно особого. И тогда в этом плане мы можем говорить, что и право, и демократия есть средства решения вполне определенных задач, связанных с развитием европейской, шире — западной цивилизации.

Мы сможем успешно существовать только как державное, централизованное государство. Отсюда и неизбежный патерналистский характер российского государства (формы патернализма бывают разные). В противном случае мы остаемся недостроенным национальным государством, тяготеющим к распаду, потому что федерация может спокойно существовать только в том случае, если субъекты федерации находятся на более-менее одинаковом уровне развития, как в ФРГ. Но у нас в государстве сегодня все обстоит по-другому. Нельзя на это закрывать глаза.

Для нас самая главная проблема — это не строительство демократических институтов на западный манер. Для нас самая главная проблема, которая стоит перед Российским Государством, это как избежать реальной и большой опасности выпадения из истории.

Сегодняшние рассуждения об эстетике и рационализации российского государства должны быть соотнесены с той великой целью, которую мы должны перед собой ставить. Иначе выпадение из истории неизбежно, и оно может привести к тому, что мы станем еще одной Грецией или Египтом, куда будут ездить туристы, чтобы посмотреть культурное достояние великого прошлого страны. Сегодня мы наблюдаем, что идущий вот уже двадцать лет процесс деградации и регресса российского общества замедлился, но еще не остановлен. Деградация по всем параметрам — социальным, культурным, экономическим, политическим — продолжается. И в этом отношении нужно еще раз поставить вопрос о том, чем же действительно сегодня должно заниматься государство.

Все меньше мы занимаемся проблемой развития российского государства в сегодняшней весьма динамичной истории, и все больше мы ставим в центр внимания трудности внедрения западных ценностей в российское общество. Самым лучшим решением этого вопроса будет, если Россия распадется на 30-40 маленьких, по-настоящему демократи-

ческих государств. Вот тогда действительно в каждом из них можно построить настоящую демократию — маленькую, аккуратную, где все будет рационализировано, эстетически красиво и никакой сакральности. Неужели мы обречены на такой бесславный конец российского государства?

В.И. Лафитский

У меня вопрос будет очень конкретный, причем их будет два. И они будут обращены к Вам, уважаемый Абдусалам Абдулкеримович, председательствующему на нашем круглом столе, и к Вам, Вадим Михайлович.

Первый вопрос: ответьте мне, пожалуйста, как работать с вашим понятием государства в научных, в частности правовых исследованиях.

Второй вопрос. Когда заказчиком произведений искусства и его потребителем становится население в демократическом государстве, то не приведет ли это, как мы уже видим, к появлению массового искусства и массовой культуры.

А. А.Гусейнов

В каждой Конституции говорится о том, что у государства есть какието цели — процветание, благо граждан. Правильно? И государство должно служить этим целям. Если понимать государство правовое так, как говорит В.Межуев, — значит, что оно должно обслуживать потребителей. Иначе говоря, общество — это совокупность частных граждан, каждый из которых преследует свои цели, а государство их обслуживает, чтобы не передрались. Да будь трижды проклято это правовое государство, если оно в этом состоит! Не может такого быть. Тогда лишены всякого смысла все исторические поиски каких-то совершенных форм организации общественной жизни. Поэтому я должен сказать: на самом деле и в нашем государстве, и в современном мире есть какие-то стороны, сквозь которые просвечивает модель государства Аристотеля. Например, почему у нас каждый гражданин имеет только один голос? Кто может мне ответить? Почему самый последний бомж имеет такой же голос, как Абрамович, Путин и так далее? Из какого понимания государства это исходит? Это исходит из аристотелевского понимания, из того, что это союз граждан, союз равных. Или другой пункт — почему наши правители все время хотят всех убедить, что они работают ради общего блага, как рабы на галерах? Из чего они исходят? Почему они всех нас хотят убедить, что они не ради себя и своих дружков, которых они тянут во власть, работают, а ради всех нас? Да потому, что они тоже исходят из этой общей. сидящей в голове у каждого правителя мысли о том, что деятельность государства концентрируется вокруг общего блага.

В. М.Межуев

Понимаете, у нас так повелось в России — мы все время искусство называем культурой. Никакой художник культуру не создает, он создает произведение искусства. Тогда будет понятно, в чем должна заключаться деятельность государства. Простой пример. Роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита» был написан к 1940 году. Это было произведение искусства. А в культуру роман вошел в 66-м году, когда он был издан и стал достоянием читателей. Фильм, который сняли и положили на полку, никому не показали, может быть произведением искусства, даже выдающимся. Культурой он становится тогда, когда доходит до зрителя. В правовом отношении это очень важная вещь. Значит, культуру создают художник и потребитель в своем взаимодействии. Где происходит встреча художника и потребителя? Это называется институтом или учреждением культуры. Если мы возьмем, скажем, театр как союз драматурга, художника, режиссера, актера, то это вид искусства. Театр, куда приходит публика, — это учреждение культуры. Это может быть кинотеатр, это может быть консерватория, музей и т.д. Вот за учреждения культуры отвечает государство. Государство не указывает художнику, какую музыку ему писать, какую пьесу или какой роман сочинять. Это глупости. Искусством управлять нельзя. Искусство неуправляемо, это продукт свободной деятельности. Управлять можно местом, где возникает встреча художника и зрителя. Вот это подлежит правовому регулированию. Значит, эти места должны быть всем доступны, они должны быть всем по карману, они должны быть обращены в равной степени ко всем.

Действительно, когда художник переориентируется с патернализма государственного на рынок, происходит то, что вы называете массовой культурой, то есть когда художник работает на рынок. Он не поднимает до себя читателя или зрителя, а опускается до их уровня, до массовой, потребительской культуры. Культура становится товаром. Что можно этому у нас противопоставить? Это действительно большая проблема, которая решается в теории, за счет освобождения человеческого времени от давления рабочего времени.

Свободное время — это время, где я сам себя делаю. Каждый человек — художник в одном смысле слова. Любой человек создает одно, уж точно одно произведение — самого себя. Это произведение может быть интересным, нужным, вызывающим какое-то уважение, внушающим какой-то авторитет, а может быть и так — желание скорее отвернуться и забыть. Чтобы я был интересен, нужен, вызывал к себе интерес, находил общение с другими, я должен с собой что-то делать. Если перед человеком такую задачу поставить, он будет искать в искусстве не то, что его на сегодняшний день развлекает, а завтра он забудет, но тот са-

мый материал, из которого он может вылепить самого себя. Вот как я это понимаю. Если человек перед такой необходимостью не стоит, если ему все равно, кто он, — тогда он штампуется в обществе, как поточное производство какого-то предмета на заводе. Сегодня это, к сожалению, и происходит. Это есть главная проблема, над которой ломают головы философы: как выйти за рамки массового общества и массовой культуры. Возлагать здесь надежду на государство? Извините, не верю.

В.И.Лафитский

Я вернусь к теме нашего заседания — государство как произведение искусства. Я выскажу такую четкую мысль, четкий тезис: государство не возникло бы, если не было бы искусства. Можно приводить множество примеров. Израиль был создан только благодаря Торе и другим священным книгам Танаха. Не было бы этих священных книг, — не было бы Израиля. Появление священных гимнов «Авесты» Заратустры привело к созданию древнеиранского государства. Если мы пойдем дальше на восток в Индию, мы увидим, что без «Рамаяны», без «Махабхараты» не было бы ни арийских княжеств, ни древнеиндийских царств. Можно упомянуть такие великие памятники, как поэма Гесиода, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Без них не было бы эллинского мира. То есть искусство так или иначе, но рождало государство. И в дальнейшем искусство сопровождало развитие государства, оценивало государство, оно корректировало его развитие.

И последний тезис. Сейчас есть два пути: либо путь искусства, либо путь технократизма. Как раз я стою за то, чтобы государство развивалось по пути искусства, а не технократизма, который убивает душу государства.

И.С.Филиппов

Мне кажется, что в конечном счете нет такого уж большого противоречия между рационализацией государства и его эстетизацией. В конце концов, математика может быть даже очень красивой. В этом смысле нашему государству, мне кажется, недостает как рационализации, так и определенной эстетизации. Посмотрите, какого качества нашего законодательство: один закон противоречит другому, один кодекс — другому. Не успеем издать какой-нибудь кодекс, как он немедленно обрастает десятками и сотнями поправок. Кто же думал, как же такое может быть? Почему его нельзя было сделать истинно красивым изначально, непротиворечивым? У нас действительно много делается для сакрализации государства. Разрабатываются ритуалы. Они могут быть и красивыми.

Но сказать, что управление страной у нас организовано как-то красиво, было бы невозможно. Так же, как нельзя сказать, что оно организовано рационально. Об этом неприятно говорить, но смотрите на наших депутатов — как они выглядят и как себя ведут.

Мне кажется, что в известных границах рационализация и эстетизация государства совместимы.

И. Голованова

Во многом споры и дискуссии между философами и юристами возникают в силу того, что все-таки юристы исходят из понимания государства как средства. Классическое определение государства, которым оперирует современная доктрина, — это, в общем-то, концепция государства как средства. То, о чем сегодня говорил А. А. Гусейнов, — это все-таки государство как цель. Без понимания этого водораздела мы вряд ли сможем благотворно дискутировать на эту тему. И в частности, тема сегодняшнего заседания — государство как произведение искусства — это прежде всего разговор о государстве как о цели. Это моя первая реплика.

Второе мое замечание состоит в том, что достаточно одномерная романская концепция государства и метафизическая германская концепция государства принципиально различаются между собой. Только при ясном понимании того, что это абсолютно разные подходы, возможна плодотворная дискуссия.

С.Ю. Кашкин

Мы в ходе дискуссии как раз и пытаемся увидеть государство как средство, ведущее к цели. Улавливаете? И через эту призму мы выделяем в государстве несколько важных элементов. Это искусство создания государства, искусство управления государством, далее — культура управления государством, которая подразделяется на политическую культуру, правовую культуру и нравственно-этическую культуру. Последняя тоже есть составная часть государства как произведения искусства. При этом никуда не денешься еще от одной стороны — красота государства как гармония исторически изменчива, как и всякая красота.

Л.Л.Осипов

Я услышал в главных докладах три варианта определения того, что есть государство как произведение искусства.

В предыдущем выступлении говорилось о том, что в государстве должна быть гармония — это есть аристотелевская мера. Государство есть мера гармонии — между чем и чем? Между формой и содержанием. А дальше можем уже определять, насколько, в какой мере одно

соответствует другому. Я согласен с тем, что говорил А.А.Гусейнов. У Аристотеля речь идет не просто об эстетической, в том числе об этической форме. Государство Аристотеля — это государство дружбы, которое, скажем так, красиво выстроено.

Второй вариант понимания государства как искусства, о чем говорил П.Д.Баренбойм, — это то, что государство, как и искусство, имеет некую культурную функцию. Я согласен с этим. Мне кажется, это очень важная тема, которая не разработана, прежде всего, — культурная политика. На основе чего мы можем говорить о культуре, как о юридическом явлении, имеющем правовые основания? Главная часть культурной политики — культурное право — вообще выпало из нашей государственной практики, его просто не существует.

В этом отношении Рерих очень интересен как яркий пример человека, который вообще не был юристом, но дошел до юридических оснований того, что мы называем культурой.

Третий вариант для меня более близок. Первоначала государства все-таки творило не просто государство, но власть. Мы можем говорить о власти, об эстетике власти. Властвующая персона, как бы ее ни называть — царь, император — пыталась творить государство. В древнем мире, конечно, к этому процессу подключалось 15-20 процентов греков/римлян, которые участвовали в процессах творчества государственных форм бытия. Но 80 процентов, конечно, были лишены этой возможности.

Суть демократии, когда мы начинаем говорить о современной ситуации, заключается в том, что правовое государство как раз и выступает средством подключения к процессу творчества как можно большего числа людей. Я считаю, что единственная форма достижения гармонии в современном государстве это, конечно, юридическая форма. Других способов творить государство нет.

Правовая система понимается как то, что творится не только юристами, но и всеми другими людьми. Право на создание законов должна иметь не только элита, не только юристы, но и то, что мы называем гражданским обществом. То есть все люди, находящиеся на разных ступенях социальной лестницы, должны иметь возможность участвовать или, по крайней мере, влиять на создание юридических норм.

Я считаю, что современное правовое государство имеет прочную философскую базу. Начиная с XVII-XXVIII веков, философыпросветители создавали демократическое правовое государство. Это уникальная ситуация, когда философы в свое время имели большую значимость, чем властители. Короли склоняли головы перед философами. До этого, конечно, мы вряд ли сегодня доживем, но важно найти форму участия философов в решении нынешних проблем государства.

Самое последнее: хотел бы сказать, что сегодняшняя дискуссия, мне кажется, является формой такой беседы, которая, собственно говоря, и демонстрирует бытие государства как некий творческий процесс. А где его еще творить в интеллектуальной форме? Здесь, на нашем круглом столе.

Л.О.Иванов

Говорят, что наиболее близким аналогом конституции России является французская конституция. Но взгляните на наше государство и на Францию — это совершено разные вещи. Исходя из этого сравнения, я вижу прежде всего очень плодотворный подход, связанный с тем, чтобы дать феноменологическое описание нашего государства. Вот каково оно в реальности, каковы реальные отношения? Вроде бы формально у нас должно быть много похожего, а этого нет. Ведь участником построения государства является не только власть. Конечно, действия власти очень важны. Но и все мы, граждане, тоже вносим свой вклад. Поэтому и получается такой очень сложный синтез государства и гражданского общества. Далее. Отношения власти и, скажем, электората, наши межличностные отношения на уровне коллектива по сравнению с каким-либо европейским научным учреждением, а мне приходилось с ними сотрудничать, это, вы знаете, большая разница. И так во всем. Было бы очень важно описать то, что можно назвать нашим государственным бытом. В свое время француз де Кюстин описал николаевскую Россию, он оставил для последующих поколений очень интересный срез тогдашней нашей жизни. И вот, если мы сегодня смогли бы получить, условно говоря, такое описание, мы тогда, наверное, сказали бы: вот наше государство как произведение искусства. Это может быть сделано и в виде научного трактата.

Г.Г.Бернацкий

Будем ли мы рационализировать государство или, напротив, его поэтизировать — все равно мы, по-моему, рисуем некоторый идеал государства, к которому стремимся или который хотим на земле создать. А идеал, видимо, имеет и рациональные, и эстетические черты. Можно сказать, что идеал — это рационально-эстетический конструкт, который мы создаем в теории и к которому мы хотим приблизиться в жизни. Аристотель сформулировал этическое понимание государства. В современном понимании идеал государства, видимо, выражен в современных конституционных универсалиях, таких как демократическое, правовое, социальное государство. Скажем, мы записали в Конституции идеи правового демократического государства. Но мы очень далеки от них.

Но представим себе, что этот идеал политико-правового современного конституционализма реализован и мы сформировали новый тип личности в нашем обществе. А что это за тип личности, соответствующий современному конституционализму? Это человек, видимо, самостоятельный, инициативный, рациональный. Причем сугубо рациональный, который хорошо понимает законы, четко им следует. Эмоциональность здесь особенно не приветствуется. Это человек — индивидуалист, который смотрит на жизнь так, чтобы хорошо обеспечить себя, свою жизнь, свою семью, в этом его задача. Этот человек должен подозрительно смотреть на свое государство и правительство и каждый раз, каждые четыре года переизбирать высшее руководство.

Рассмотрим еще один из тех идеалов, которые заложены в нашей Конституции. Вторая статья Конституции России говорит так (любимая моя тема — это вторая статья Конституции). Статья звучит так: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В свое время, в 90-е годы, был знаменитый спор, правда, заочный, между нашим первым мэром Санкт-Петербурга — А.А. Собчаком и Иоанном — Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским.

Собчак, естественно, исходя из либеральной модели, упирал на то, что права и свободы человека превыше всего, они есть высшая ценность. А митрополит Иоанн отвечал ему следующее. Замечательно высокая мысль о верховенстве прав человека фактически питается эгоизмом и самомнением. Она ведет к изоляции людей друг от друга, к классовой борьбе, к разъединению общества. В нашей православной культуре, говорил он, всегда на первое место выступали обязанности, а не права.

Поэтому, мне кажется, когда мы говорим об идеале государства и политико-правовом идеале, нужно иметь в виду, что этот идеал часто сталкивается с культурой народа. К примеру, американцы насаждают этот политико-правовой идеал демократического государства в Ираке, но ничего из этого не получается. Ирак не хочет жить по модели американцев. Я не думаю, что мы сейчас можем насадить такой идеал и в Китае. Китай живет и процветает, но они не хотят западную модель государства насаждать у себя в обществе. Если мы берем разнообразие культур в мире, то тот идеал, который сейчас сформулирован — политико-правовой, правовое демократическое государство, — это далеко не идеал для многих стран, и далеко не всегда он формирует тот тип личности, который мы с радостью примем.

А.В.Захаров

В начале нашей дискуссии уже было отмечено, что «Государство как произведение искусства» — тема неожиданная и необычная. Спору

нет. А вот насколько выбранная тема актуальна? Насколько важно в начале XXI века вновь вернуться к разговору, начатому ровно 150 лет назад швейцарским мыслителем, о «государстве как сознательно задуманном построении». Некоторые современные ученые полагают, что будущее невозможно предсказать, его нужно создавать. В условиях, когда миром правит многообразие, по их мнению именно вопросы, а не ответы определяют будущее.

Сегодня модернизация — ключевое слово в современном российском политическом лексиконе. При этом толкование термина имеет достаточно широкий диапазон. В узком смысле под модернизацией понимается придание экономике инновационного характера. В широком понимании этого слова речь идет о необходимости достаточно серьезных изменений во всех основных сферах общественной жизни: экономической, политической и социальной. Из уст политических экспертов нередко звучат весьма образные метафоры на заданную тему. Вот одна из них: «российская модернизация — это такой политический евроремонт, наполненный инновационным технологическим содержанием». Можно спорить о том, как назвать процесс обновления общества: политическим евроремонтом или построением правового государства и т.д. Для определенной части мыслящей элиты ясно одно: изменения в стране необходимы. Остается лишь ответить на вопрос о сути предстоящих изменений. Подходы здесь могут быть самыми различными. Например, когда речь зашла о создании в России своей Силиконовой долины, на вопрос о том, чего не хватает для реализации этого проекта, Председатель Правления Института современного развития (ИНСОР) Игорь Юргенс ответил: «Адекватного законодательства, инфраструктуры, культуры общества». И далее добавил: «Проект получится, если будет готовиться свободными людьми, в свободной стране в творческих условиях». А в подготовленном в феврале 2010 года ИНСОРом докладе «Россия XXI века: образ желаемого завтра» содержится утверждение, что без социально-политической модернизации невозможна и экономическая. Это означает, что наше общество должно готовиться к переменам, или по меньшей мере осознать их необходимость. Для этого необходимо создать определенные предпосылки. Одна из важнейших предпосылок — реализация задачи построения правового государства.

В связи с этим можно сказать, что разработка доктрины понятия правового государства на уровне XXI столетия — это не благое пожелание, а обязанность государства и общества. Эстетические же концепции государственности могут стать ключом к разработке понятия правового государства, то есть понимания, в каком государстве мы живем, а точнее — какое государство надо строить. Сама концепция

государства как произведения искусства не была сформулирована Я.Буркхардтом в каком-то законченном виде. Она сводилась в основном к мысли, что государства того времени и их правители считали достижения в сфере культуры и искусства крайне важными для укрепления престижа государства и своего собственного. В итоге это привело к государственной защите и поощрению наук и искусства. Отсутствие четкости в формулировании концепции нетрудно объяснить — ее, с одной стороны, интуитивной творческой очевидностью, с другой — крайней трудностью увязывания с реальной государственной жизнью.

Начиная с первых лет XX века, Николай Рерих стал разрабатывать эстетическую концепцию государственности, основанную на примате вопроса развития и защиты культуры и искусства перед всеми остальными направления государственной деятельности. По его мнению эти приоритеты должны быть обязательно учтены при распределении государственного финансирования. Н.Рерих полагал, что развитие культуры и искусства само по себе приведет к оздоровлению жизни государства и общества. Судите сами, насколько актуально звучит сегодня один из его заветов потомкам: «Сперва опознаем и сбережем культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными».

Размышляя об этом, следует также задаться вопросом о степени нашей восприимчивости к слову великого соотечественника. В качестве лишь одного примера того, с каким трудом пробиваются идеи Рериха к будущим поколениям, можно привести «диагноз», который поставил советской России Андрей Тарковский спустя много лет после появления рериховской эстетической концепции государстственности: «Если падение искусства очевидно, — это как раз налицо, а искусство — душа народа, то народ наш, наша страна тяжело больны душевно».

Главное положение философско-правовой концепции государства, разработанной Н.Рерихом, гласит: первой обязанностью государства является поддержание и развитие духовной общности проживающего в нем населения. При этом государство должно быть в первую очередь ориентировано в своей созидательной деятельности на расцвет будущих поколений и эволюционное построение новой будущей цивилизации с помощью развития и поощрения образования и культуры. Эстетическая модель государства дает науке конституционного права и философии права необходимые подходы для начала разработки доктрины правового государства, которая в свою очередь должна обеспечить конституционную основу Возрождения в России и создания в ней (говоря словами Н.Рериха) «Государства будущего». Сегодня в повестке дня стоит вопрос о возможности достижения идеи правового государства с высокой эстетической составляющей.

Хочется верить, что идея правового государства должна стать движущей силой достижения благосостояния и процветания граждан России. Не думаю, что такой подход выглядит утопичным. В конце концов, как сказано в одной умной книге: «Сильное воображение порождает событие». Идея правового государства записана в тексте Конституции — это закон, который власть обязана претворять в жизнь.

Создатели американской Конституции считали, что истинной целью человечества является стремление к счастью. В российской Конституции записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Это означает, что главной целью при разработке стратегии России XXI века, включая ее правовую составляющую, должна стать личность, ее права, свободы и обязанности. Философы учат, что быть личностью — значит быть свободным.

В начале 70-х годов XX века Андрей Тарковский, размышляя об ответственности за судьбу будущих поколений, написал также строчки: «Какими будут наши дети? От нас многое зависит. Но от них самих тоже. Надо, чтобы в них жило стремление к свободе. Это зависит от нас». Как воспитать в наших детях стремление к свободе? Наверное, в том числе через стремление к познанию Прекрасного. Ф.Шиллер считал, что только путем красоты можно достичь свободы. Художник может и должен воспитывать красотой. И.Кант к тому же, полагал, что красота немыслима без истины. Поэтому формула его философской системы содержит истину, добро и красоту, взятые в их единстве, замкнутые на человека и его культурное творчество. Вспомним также утверждение И.Канта, что два человеческих изобретения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать.

Сегодня один из важнейших вопросов повестки дня страны можно сформулировать следующим образом: как в рамках объявленного модернизационного проекта наилучшим образом спроектировать будущее России. Практически речь идет об осуществлении своего рода управленческого реинжиниринга страны. Это означает в том числе и овладение правящей элитой искусством управления самим процессом преобразований и непрерывно происходящих изменений.

И еще раз о самом важном. Прежде чем приступить к осуществлению перемен в стране, необходимо, чтобы Государство и Общество впервые в отечественной истории твердо заявили, что главной целью проекта комплексной системной модернизации России должна наконец-то стать личность, защита ее прав и свобод. И что это не просто декларация и очередное сотрясание воздуха, а реальная цель. Тогда из такого целеполагания должна вытекать готовность к реализации соответствующих задач. В числе приоритетнейших хотелось бы назвать

как минимум две: обеспечение в России в XXI веке верховенства права и верховенства культуры. А одним из базовых условий продвижения к намеченной цели должна стать реформа образования. Совершенно недопустимо для страны, которая рвется в завтрашний день, чтобы ее образовательная система готовила специалистов вчерашнего дня.

Главное средство производства в современном мире — интеллект. По мнению шведских экономистов, авторов нашумевшего бестселлера «Бизнес в стиле фанк», 300 лет назад богатство определялось наличием прав на землю. Затем главным фактором стал капитал. Теперь это образование. Причем, образование — это не заполнение голов голыми фактами. Образование — это эмоции и душа. А где эмоции и душа, там уже можно поговорить о воспитании и культуре. И именно новые поколения специалистов и ученых, получивших современное образование, смогут создать образ будущей России и практически реализовать проект «Государства как сознательно задуманного построения», то есть проект под названием «Новая Россия».

Скорость происходящих в мире изменений ошеломительна. К этому новому состоянию мира трудно привыкать и адаптироваться, но с этим всем приходится жить. По мнению некоторых аналитиков, эпохи перемен в ускоряющейся информационной и социальной реальности — это перманентное состояние развития человечества. Вот, например, о чем говорится в видеоролике одной известной интернет-компании: «В середине первого десятилетия XXI века в год производится больше уникальной информации, чем за предыдущие пять тысячелетий». И далее: «Студенты, которые получат образование сейчас, будут работать по профессиям, которые еще не созданы; использовать технологии, которых сегодня еще нет; решать задачи, о которых мы сегодня даже не знаем».

Из всего сказанного хочется сделать один простой вывод: необходимо, чтобы Государство поставило в качестве приоритетной задачи «реинвестирование» (перераспределение) значительной части получаемых государственных доходов в свое Будущее, то есть — в Культуру, Образование и Науку. При этом имеется ввиду, что, в конечном итоге, практическая реализация такой долгосрочной целевой установки (при условии проведения необходимых реформ) является одним из базовых условий реализации общей стратегической задачи развития России в современных условиях: модернизации экономики.

П.Д.Баренбойм

В заключение реплика — это после яркого выступления нашего финансиста. Мандельштам отлично сказал о ценностях культуры, используя образ флорентийской валюты 15 века — золотого флорина:

«То, что ценности гуманизма ныне стали редки, как бы изъяты из употребления и подспудны, вовсе не есть дурной знак. Гуманистические ценности только ушли, спрятались, как золотая валюта, но, как золотой запас, они обеспечивают все идейное обращение современной Европы и подспудно управляют им тем более властно. Переход на золотую валюту дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей — бумажных выпусков — золотым чеканом европейского гуманистического наследства, и не под заступом археолога звякнут прекрасные флорины гуманизма, а увидят свой день и, как ходячая звонкая монета, пойдут по рукам, когда настанет срок».

А.А.Гусейнов

Мне кажется, возможно, даже против ожидания, у нас разговор получился. В заключение мне хотелось бы подчеркнуть только одну мысль, прозвучавшую здесь. Хорошо было показано, что эстетизация государства не противоречит его рационализации. Хочу еще добавить и сказать — эстетизация государства совсем не означает и не обязательно ведет к его сакрализации. В.М.Межуев в своем выступлении хорошо сформулировал одну вещь. Он сказал, что в свободном публичном пространстве каждый свободный человек создает свое произведение искусства — он создает себя, свою собственную жизнь. Это совершенно замечательная мысль. Но особенность публичного пространства в том, что это такое пространство, где все мы граждане, и в той мере, в какой мы граждане, тоже все вместе создаем одно произведение. Это произведение есть государство. Одним из выступавших было прекрасно сказано: конституции Франции и России очень схожи между собой, а какие это разные государства!

Государство — это какая-то необычная конструкция. Правовое государство как символ рационализма — хорошо. Откуда берутся законы? Мы их создаем. Юристы и многие другие граждане создают эти законы. Это продукт нашего творчества. Мы же создаем сами свое государство! Центральная власть — откуда она? Она формируется в соответствии с теми конституционными началами, которые мы задаем. И напрасно думать, что государство — это некая иррациональная реальность, которая находится вне сознательного контроля людей. Это такая социальная вещь, которая создается людьми. Одни ее формы рушатся, другие создаются в ходе творимой людьми своей собственной истории.

Работы молодых участников конкурса на тему:

«Государство как произведение искусства»

Чернышев И.А. Томский экономико-юридический институт, преподаватель кафедры государственного строительства

Этика искусственного государства

Где же искусство?

Обращаясь к теме государства, мы всегда видим в нем набор формальных требований, перечень существенных черт, обязательный список составляющих (и тому подобное), которые в совокупности дают нам «государство». Эти характеристики давно и прочно утвердились в теории права, словно кирпичи в монолитной стене, ломать которую никому и в голову не придет. Но найдется ли в этой стене место для «искусства» большой вопрос. С позиций теории права, включение такого признака государства в перечень необходимых выглядит совершенно ненужным. Мало того, что признак этот избыточен, так он еще и субъективен по сути своей, изменчив во времени и пространстве, что противно статичной природе определения «государства» в теории права. И, наконец, поставить некое «искусство» во главу угла, сделать его центральным признаком государства, оценивать все государства на его основе — верх абсурда с точки зрения теории права. Столь же абсурдно, как и стремление к некоему «эстетическому государству», построенному на основе приоритета искусства, как главном критерии государственности.

Что же, прежде всего, обязательно для государства? На первый взгляд ответ на этот вопрос вряд ли вызовет сложности у любого студента, прослушавшего курс теории права на первом году обучения. Вероятно, даже ученик школы вполне справиться с такой задачей, прослушав курс обществознания или основ права. Государство — это территория, население, ораны власти (управления), суверенитет, налоги, правовая система и т.д. Если копнуть глубже, то государство может быть еще и унитарным или федеративным (конфедеративным), монархией или республикой и так далее, до исчерпания всех черт (например, видов престолонаследия), но, так или иначе, государство — это набор вышеуказанных характеристик вне зависимости от перечня дополнительно описывающих его качеств. Если и возникает спор по поводу необходимых характеристик государства, то он касается их формального набора: например, включать ли туда армию, государственные символы или правоохранительные органы.

Суммируя все эти признаки (характеристики) делается вывод о том, что есть государство. Но вывод этот математический, если не статистический, охватывающий некие внешние признаки государств. Это равносильно, что «дом» — это стены, окна, потолок, дверь и крыша. Важно ли для этого определения дома, что он кривой (не красивый) и полуразвалившийся? Нет, если вышеуказанные признаки присутствуют. Важно ли, что в нем давно нельзя жить, потому что это опасно? Опять же нет, главное — соблюдена форма и, следовательно, мы имеем «дом». В принципе можно поспорить, что стены — это совсем необязательный признак дома, так как в южных широтах есть дома без стен. Также можно поспорить, армия — не обязательный признак государства, так как армии (de facto) нет в Республике Сан-Марино. Внутренние качественные характеристики патологически не вяжутся с определениями, построенными на основе внешних признаков предмета. Истинность (ошибочно) определяется по форме, а не по содержанию. Поэтому у нас не получиться вписать «искусство» в обязательные признаки государства, ему там нет места, ибо это не внешний, а внутренний признак государства.

Важно понимать, искусство избыточно для определения государства в теории права не потому, что оно отвергается внутренней сущностью государства — как это описывает Шиллер применительно в Спарте. Эстетическое государство Шиллера зиждется на идее просвещенного общества, в котором создана благоприятная обстановка для развития искусства (и искусств), благодаря чему общество имеет двигатель и перспективу для дальнейшего своего развития. Следовательно, искусство есть критерий, наличие его (как в Афинах) или отсутствие (как в Спарте) дает основание говорить о сущности и судьбе этого государства. То есть не только наличие искусства, но и его отсутствие важны для описания государства Шиллером. В отечественной теории права фактор искусства не существенен (и не может быть) вообще, так как его нельзя отнести к элементам формы. Притом, что теорию права (при определении государства) содержание не интересует вообще, и, таким образом, государство не может быть наделено какими-то внутренними характеристиками, отражающими его реальную сущность. Также не могут найти своего отражения и факторы (как искусство), которые влияют на истинную сущность государства. Затирается истинный смысл существования государства в пользу его формального описания, и уже нельзя сказать справедливо ли это государство, честно ли по отношению к гражданам, и, наконец — а нужно ли государство вообще? Все эти вопросы недопустимы в теории права.

Между тем, теория права прочно господствует в правовых науках (да и в умах юристов), и ее определение государства есть непреложная ис-

тина в последней инстанции. Поэтому искусство, как критерий «эстетического государства», никогда не найдет себе места в теории права. Хотя так было не всегда. И.В. Михайловский, описывая общие науки о праве в досоветской России, предлагал следующий перечень общих наук о праве1: энциклопедия права, теория права и философия права. Первая из них более всего соответствует «основам права» из школьного курса, где дается общее представление о праве как науке, отрасли, и так далее. Университетскому курсу соответствовали теория и философия права. Однако, в отличие от современного понимания этих курсов, они преподносятся автором совершенно в ином свете. Знание о государстве и праве содержит и развивает философия права, в рамках этой науки ведутся споры о сущности и назначении государства и права. Именно философия должна дать юристу представление о том, что есть государство (и право) и в чем их назначение. В то же время теория — есть форма статического закрепления знания о государстве и праве, выработанного философией права. Когда такая связь существует и ничем не искажена, то у теории права элементарно не остается выхода, кроме как регистрировать все, что признанно истиной философией права. И если, при таком раскладе, философия признала бы искусство основной характеристикой и признаком государства, то у теории ничего не оставалось бы, как отнести его к таковым.

Логика подмены

Однако советский период — мы не раз обратимся к нему за примером — ознаменовался отказом от философии права, хотя и сама идеология советского государства была результатом философского анализа природы человека и общества. На первое место вышла теория права, и по сей день за собой его сохраняет. Такая подмена была политически выгодна и оправдана для советской власти по нескольким причинам. Главной из них следует признать идеологическую нейтральность теории права как формы закрепления философской мысли. В условиях искусственного доминирования одной идеологической доктрины, обеспечивающей власть конкретной группы людей, последняя меньше всего заинтересована в независимом развитии философской мысли о государстве и праве. В результате форма взяла верх над содержанием, начав самостоятельную жизнь в правовой науке. Она с механической точностью готова (была, есть и будет) фиксировать любые внешние изменения государства, не задумываясь, какие идеи, мысли и мотивы лежали в основе

¹ Мы допускаем возможную вариативность подхода, чего не отрицает и сам автор, указывая на возможные разночтения, которые, однако, не носят критического характера.

внешних изменений. Поэтому в описании государства в теории права нет искусства не «по причине» — как это мы наблюдаем в Спарте, живущей по законам Ликурга, но в силу его статистической никчемности — ничего нового о государстве оно нам не может сказать, а потому — бесполезно. Впрочем, и об этом будет сказано ниже, само искусство не способно примириться с тем, что его игнорируют, и рвется из-за фасада, декоративно украшенного идеологически выдержанным рисунком.

Есть и еще одно важнейшее последствие отрыва теории права от философии права: тем самым нарушается логическая связь между государством и правом. Теория позволяет описать и то и другое по форме, но связь между ними поддерживается на уровне содержания, то есть описать ее можно только через философию права. Конечно, теория предпринимала попытки найти эту связь, но получалось, опять же их механическое скрещивание: государство влияет на право, право влияет на государство, влияние права и государства взаимно (разумеется, в статике). Но это все внешние формы взаимодействия, за которыми теряется суть: а зачем нужно это влияние, насколько оно допустимо? Для примера вновь обратимся к Афинам Шиллера: право Солона (его законы) направлены на развитие искусства, что есть залог успешного развития государства, и благополучия его граждан. Но если мы отбрасываем назначение законов Солона — благо граждан и развитие государства, то тут же теряется всякий их смысл и назначение, хотя внешне, по форме влияние законов Солона на Афины сохраниться. Афины будут жить по ним — вопрос в том, зачем? В чем смысл подчинения именно этим (таким) законам, а не каким-то другим?

Право (как и государство) нуждается в философском обосновании, которое наполнит его существование смыслом. Ф.Шиллер предлагал «эстетическое государство», утилитаризм учит нас, что морально оправданно то действие, что принесет больше пользы, Дж. Бентам точно определил, что «...благо есть то, что принесет наивысшее счастье наибольшему числу людей». Отсюда мы можем сделать вывод, каким должно быть право и каким требованиям отвечать, равно как и государство. Некоторые современные трактовки обоснованности правовых норм уходят от понятий «морали», но в их основе лежит некое иное обоснование принятия той или иной нормы права. Так экономический анализ права предлагает экономическое обоснование для правовых норм: если норма экономически не выгодна — ее принятие не рационально¹. Главное, что везде такое обоснование должно быть, будь то этика, польза или экономическая рациональность.

¹ Впрочем, даже для теоретиков экономического анализа права критерий «справедливость» порой имеет достаточно существенное значение.

Теория права не способна дать ответ и на многие иные вопросы, загоняя себя в логические ловушки. Это касается соотношения права и морали, права и религии, государства и церкви, описания функций государства. Конечно же, теория перечислит функции государства, но никогда не скажет, к чему все они нужны, как это делает философия права. Как описать функцию культурного просвещения или идеологическую функцию государства, не зная, какие мотивы лежат в основе каждой из идей, пропагандируемых на государственном уровне? Путь решения есть — признать одну единственную идеологию всеобъемлющей и подчинить ей все течение вещей в государстве. После этого стараться зацементировать эту идеологию (сделать ее цементом государства и общества). На теоретическом уровне это должно уничтожить все предпосылки для зарождения любой иной идеологии и, куда шире, любой мысли об иной идеологии.

Всеобъемлющий характер идеологии имеет несколько важных последствий для государства и права. Она врезается во все сферы жизнедеятельности общества, стараясь монополизировать и подменить их собой, что не столь сложно в отсутствии (при подавлении) конкуренции. Но и это не главное — в конце концов, она костенеет, застывает в самой простейшей и примитивной из своих возможных форм. Реальное содержание выхолащивается, поскольку оно перестает быть востребованным, сохраняется лишь прежняя форма идеологии. И у нее появляется всего одна цель — сохранение власти у ее предержащих. В такой ситуации последнее, что нужно группе лиц, находящейся у власти, это критическая оценка существующей идеологии в любой форме. Поэтому нужно не ее критическое осмысление на уровне философии, а фиксация на уровне теории, которая должна стать непреложной истиной.

На уровне теории права появляется искусственное государство, которое мы условно можем также обозначить как «формальное» (от «форма»). Это государство — фасад, всем своим видом оно демонстрирует то, чего на самом деле нет, теряет связь со своим содержанием. Его теоретическое описание мало что скажет о нем. Теория может утверждать, что это, условно, «федеративное государство с республиканской формой правления», но реально столь важные признаки могут слабо соответствовать практике. Федерализм может быть номинальным, а смена власти чисто декоративной. Но при попытке критической оценки реальности со стороны правовой науки она упрется в стену главенствующей идеологии. На такую же стену натыкается и любая живая мысль, исходящая от индивидуума, если она не вписывается в главенствующую идеологию. В результате получается парадоксальная вещь: главенствующая идеология подавляет одновременно и правовую

мысль, и любую другую — если они не удовлетворяют ее критериям допустимости. А что есть «другая мысль», если не мысль творческая? Мысль свободного человека, критически созерцающего реальность, пропускающего ее сквозь себя и выражающего в доступной форме?

При искусственном (формальном) устройстве общества государство неизбежно выходит на первый план во всех сферах жизнедеятельности. Конечно, отчасти речь идет о подмене понятий: это же только «форма» государства, в действительности же, государство — в целях своего существования — сливается с доминирующей идеологией, то есть направляет весь свой ресурс на поддержание власти правящей группы. Впрочем, форма остается — государство, и хоть назови его «объединенным союзом граждан» суть от этого не изменилась бы ни на йоту. В подчиненном положении оказываются и право, и искусство. В данном контексте грань между правом и искусством — в оппозиции главенствующей идеологии — крайне тонка. Искусство — то, что противоречит доминирующей идеологии¹, выражает представления об ином социальном устройстве, или — в большинстве случаев — критически оценивает реальность, тайно или явно ставя вопрос о ее замене, возбуждая его в умах граждан. При этом воплошение любого такого изменения на практике нераздельно связанно с правом, с установлением новых норм социального общежития и государственного функционирования. Так, рассказы В.Т. Шаламова не могут не заронить мысль: так не должно быть, если такое есть — надо что-то менять. И первое что придет в голову всякому обывателю — «запретить» (как самое простое), то есть использовать правовой механизм. Хотя придти может (по идее — должна) и более масштабная мысль о порочности всей системы, допускающей подобное.

Ненужность мысли

Итак, искусственное государство — бич любой свободной мысли, будь то она правовой или творческой. Парадокс в том, что само по себе такое государство не способно существовать без них. Простая человеческая природа, и с этим трудно поспорить, требует искусства — или, в конце концов, зрелищ. К тому же, преподнесение главенствующей идеологии в форме искусства наиболее эффективно и, одновременно, эффектно. Для обывателя искусство должно создать свой мир — или его видимость, мир этот должен быть красив и успешен, ибо никто не хочет жить среди серого мира и терпеть поражение за поражением. Разумеется, есть и утопический идеал искусственного государства, он прекрасно описан

¹ Обозначим его заочно как «свободное».

в «Мы» у Е.И.Замятина. Это физическое удаление центра «фантазий» из человеческого мозга — такие граждане мечта формального государства.

Однако есть опасная грань, грань за которой искусство становится неуправляемым для господствующей идеологии, и она ни за что не должна быть пройдена. Для этого искусство цементируется (опять же идеологией), для него создаются осязаемые границы, за которые нельзя выходить. Определяются «вредные» и «полезные» искусства, а также сферы, где первым позволено самовыражаться разрешенными способами. Регламентации служит право — оно полностью на службе у государства (идеологии), и оно подчинено цели этого государства (идеологии) — поддержанию правящей группы. В этом контексте, вне всяких сомнений, — право абсолютно инструмент государства.

И право также — как и государство — становится формой, теряя свое содержание. Более в его приоритеты не входит оптимальное регулирование общественных отношений, с какой стороны не посмотри. Оно должно лишь статистически закрепить некий формальный свой образ, равно как формальный образ государства в теории права это *1+2+3=государство», точно также набор требований = право. В то же время любое философское понимание права динамично, равно как и понимание государства: мысль никогда не стоит на месте.

Представления о праве и государстве идут рука об руку с обще-культурными представлениями соответствующего социума, и сложно себе представить, когда бы в обществе, культурно высоко развитом, массово руководствовались бы примитивными нормами родоплеменного строя, равно как и наоборот, сомнительно, что на стадии низкого культурного развития общество руководствовалось бы разработанной и продуманной системой норм. Г.Гессе в «Степном волке» отмечает — что у всякого времени и народа свое представление о красоте. Мы можем сказать это и о праве, и о государстве. Поэтому, если что-то гармонично и правомерно в Китае 13 века, совсем не факт, что это будет гармонично и правомерно во Франции века 20-го.

Представления о праве — как и представления о красоте должны меняться с течением времени, и каждому этапу в истории каждого народа релевантно собственное, уникальное право. Единственно, оно никогда не может быть статичным, оно изменчиво и эволюционирует (или деградирует) вместе с обществом. В рамках какой бы философской концепции мы не мыслили, будь то естественно-правовая теория, позитивизм, реализм или интепретативизм, воззрения на право будут всегда динамичны. К примеру, реализм подразумевает формирование права судами, но ведь сами судьи живут в изменяющемся социуме и подвержены его влиянию. Следовательно, со временем бу-

дут меняться и их взгляды и решения. Пример тому — Конституция США, прочтение которой немыслимо без решений судов США. Равно как немыслимо прочтение Корана в отрыве от сопутствующих источников, толкующих его содержание. Когда судьи Конституционного Суда Российской Федерации выносили решение о запрете смертной казни в России, разве находились они в социальном вакууме?¹

И все это совершенно не нужно в искусственном государстве, поэтому ему и нужна статика мысли. Возвращаясь к Замятину, вспомним сцену выборов и недоумение героя по поводу того обстоятельства, что некогда какие-то безумцы могли голосовать не так как все, то есть нарушали гармонию искусственного государства — гармонию вечного постоянства. Государство формы бьет точно по свободомыслию, пытаясь уничтожить любые очаги сопротивления. Прелесть в том, что любой и каждый — изменник уже по факту рождения, так как не понятно какова была Ваша первая мысль. Мысль о цвете, вкусе, запахе — все есть уже свободомыслие, непозволительное в искусственном государстве.

Искусство как критерий

Какова же может быть роль искусства для государства? Философскоправовая мысль не случайно так часто вращалась вокруг роли искусства в формировании гармоничного государства и общества. Однако надо понимать, что искусство многогранно. С одной стороны, оно самодостаточно — это искусство ради искусства. С другой стороны, искусство неотрывно связанно с основами общества, в котором оно развивается: до определенного момента оно играет сакральную роль и является частью религиозного культа. Оно должно формировать его материальный образ, необходимый для восприятия индивидами, затем, нести образовательную функцию, то есть давать индивидууму примеры должного поведения. В античном театре актеры выступали в масках, и к минимуму сводилось их драматическое мастерство, важно было преподнести гражданам социальную модель поведения.

Искусство помогает обществу (до появления государства и после) сформировать у каждого из своих граждан правильное мировоззрение, внедрить в их сознание стереотипы социального поведения, и, в конце концов, дать представления о добре и зле. «Плохо» и «хорошо» на ранних этапах развития общества не отличается от «правомерно» и «неправомерно». Любое нарушение общепринятых норм поведения, установлен-

¹ Единственно, в последнем случае под социумом надо понимать и международную составляющую.

ных властью (всегда светской и духовной одновременно) означает отказ от всеобщей идеи справедливости, посягательство на некий священный порядок вещей, дарованный свыше. Любое правонарушение автоматически означало нарушение обязательств индивида этического характера по отношению к обществу, вне которого индивид себя не мыслит.

В таком мире особо следовало урегулировать отношения с представителями других обществ, которые не воспринимают предлагаемую действующим культом социальную модель как единственно «хорошую», то есть «правомерную», то есть не считают, что должны следовать установленным ею нормам и не боятся наказания за их нарушение. Эта проблема крайне актуальна, поскольку каждое локальное сообщество верит только себе, воспринимая окружающий мир как чужаков. При этом, минимальная единица общества — это семья (род), воспринимающая себя как замкнутое сообщество и имеющая собственных покровителей как то: предков или отдельных божеств, духов и проч. Даже теоретически, будучи частью общества язычников с единым культом богов, семья будет иметь свой социальный порядок.

В долгосрочной перспективе такое социальное устройство не выгодно, ибо оно никак не способствует консолидации общества. Вспомним крещение Руси — до того как обратиться к единобожию Владимир предпринял попытку «монополизировать» язычество, что вполне устраивало его по целям — охватить умы всех славян, поклоняющихся разным божествам. Но метод не оправдал себя, ибо между божествами (их сторонниками) всегда сохранялась конкуренция. Выходом стало обращение к христианству — как религии одного божества. Единобожие отличный цементирующий элемент для любого общества. (Даже, порой, чересчур хороший, поскольку от частных сообществ происходит переход к мега сообществам, каковым была Европа под властью Католической церкви.) В конкуренции с многобожием единобожие всегда побеждает, хотя и не всегда быстро. Жертвами этой битвы становятся памятники языческого искусства, поскольку они олицетворяют язычество и учат поведению, противному новой религии.

Вера в единого Бога дает возможность изменить представления людей о мире, прежде всего — разрушить языческое мировоззрение благодаря стройной и последовательной картине мироздания. Единобожие усилило роль искусства как материального воплощения религиозного культа, поскольку смогло консолидировать усилия общества в этом вопросе и сосредоточить его ресурсы. (Конечно, побочным эффектом была монополизация искусства для целей единой религии.) Воспитательная функция сохранила свое значение. Закон, в сущности, все еще предполагался дарованным свыше, важно, что единая

религия предложила набор единых для всех этических принципов, которыми должен руководствоваться индивид. До определенной степени все, что «плохо» этически — противоречит этике, предлагаемой единой церковью — еще и противозаконно. Однако теперь из этого правила есть исключения на уровне всего общества.

В связи с тем, что у церкви при единобожии появилась монополия на веру (этику, справедливость и общее благо), то «плохое» перестало быть а priori «неправомерным», а «хорошее» — «правомерным». Теперь церковь могла на глобальном уровне решить, что есть благо, а что нет. И только ей принадлежало право устанавливать те или иные нормы поведения для достижения этого блага. То есть «плохие» действия индивида могли быть признаны «правомерными» на уровне всего общества, если церковь сочтет, что они были совершены во имя блага. Сама идея «блага» многократно усложнилась, если ранее она понималась как буквальная «справедливость» (воздаяние за содеянное, принцип священного талиона), то теперь это могла быть любая иная цель, даже не справедливая в понимании общества, но преподносимая как таковая церковью.

В связи с этим у искусства появляется *новая роль*: донести до индивидуумов, что есть благо, то есть объяснить, почему то или иное поведение — прописанное (предписанное) на уровне норм церкви (церковного права) является должным и верным. Этого не требовалось на уровне сознания язычника, когда «хорошо» = «правомерно», поскольку «хорошо» = «благо», то есть любое действие индивида, если оно вписывается в принятую модель правомерно, так как ведет к общему благу. Но когда благо становится относительной категорией, для индивида не очевиден результат его действий с точки зрения их правомерности. Столь же вероятно, что у него не будет мотива или стимула к подчинению неким правилам, направленным к достижению не понятного для него блага.

Новая роль искусства крайне полезна для церкви, но равно и опасна ей. Ведь ее монополия на искусство в равной мере и преимущество, и самое уязвимое место, в которое может быть нанесен болезненный удар. Если кто-либо использует искусство дабы объяснить, что благо не то (не только то) чем его считает церковь, у индивидуумов пропадет мотивация следовать нормам поведения, которые предлагает церковь, что полностью подорвет ее власть. Так творческая мысль становится в оппозицию действующей религии, распространяя идею о благе ином, нежели предлагается на уровне доминирующей идеологии, что ведет к отказу от норм, установленных властью, чья легитимность зиждется на основе этой религии.

Именно эта новая функция искусства ведет в итоге к ослаблению религии. С течением времени она теряет монополию на определение

всеобщего блага и правил его достижения. В обществе развиваются множество других идей, возникает их свободная конкуренция. Значение искусства как способа популяризации значительно возрастает, но его воспитательная роль уменьшается.

В условиях глобальной конкуренции предлагаемых доктрин блага общество запуталось бы среди них. В связи с этим чрезвычайно возрастает значение права как социального регулятора. Право должно закрепить те правила общежития, которые удовлетворяют представлению большего числа людей о благе. Разумеется, в случае, если речь идет о добровольном подчинении таким правилам общежития, то есть добровольном подчинении определенной идее о благе. Если мы обратимся к искусственному государству, то суть его -- в навязывании довлеющей идеологии —некой идеи блага, ради чего обществу и каждому из его членов предлагается следовать конкретным нормам вне зависимости от того, насколько общество и каждый из его членов эти правила одобряют.

Таким образом, в условиях идеологического плюрализма искусство с одной стороны служит пропаганде определенных идей о благе, а с другой само является результатом определенных идей о благе. Его связь с правом опосредована этической составляющей, которая становится третьим независимым элементом системы и позволяет индивидууму выбирать между различными идеями о благе и, в тоже время, формировать собственное представление о таковом. Мифологическое не отличает этическое от правового. Единобожие не может предложить независимой этики, поскольку распространяет собственную единственно допустимую этику. Следовательно, искусство не могло (и не может) быть не этичным в рамках чисто религиозной парадигмы, в противном случае оно уничтожалось¹.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: что же первично этическое или эстетическое в формировании нерелигиозного общественного и государственного устройства? Что важнее для подчинения определенной идее о благе — влияние на индивидов со стороны искусства или их этическое мировосприятие?

¹ Мы в большей степени привержены здесь христианству, но, между тем, иные религии идут тем же путем. Можно особо выделить буддизм, поскольку вся его концепция мироздания вращается вокруг идеи «чистоты», заключающей в себя чистоту как физическую, так и нравственную. Цель всего восьмеричного пути (пусть упрощенно) — в самоочищении. Однако буддизм — не менее чем христианство — ограничен своей доктриной, и, значит, не может предложить альтернативной этики. Как и христианство, он несет идею «блага», путь к которому доступен через следование определенным законам.

Этическое и эстетическое

Ф.Шиллер шел к этическому государству через эстетическое государство. На первое место у него ставится эстетическое, таким образом, индивиды и общество в целом должны стать этичны с помощь искусства. Искусство должно сформировать общее представление об общественном благе и, соответственно, допустимых правилах его достижения — о нормах права, способствующих достижению общего блага. Но насколько такой подход оправдан? Для проверки мы пойдем от противного и попытаемся уяснить — как воздействует на эстетическое и этическое искусственное государство, что прежде оно пытается отнять у общества и к чему это ведет¹.

Искусственному государству и этика, и эстетика одинаково неприятны. Они неподвластны и стремятся к многообразию, что, как уже говорилось выше, недопустимо в условиях одной главенствующей идеологии. В их основе лежит человеческая мысль, способная разрушить основания формального государства. Этика дает повод задуматься над реальностью, над ее полезностью и общем благе ради которого существует государство. Для искусственного государства это естественное желание, ибо форма — а как ранее говорилось оно и есть форма — стремится сдерживать разбушевавшееся содержание, которое может разрушить стройные порядки привычного бытия.

Этика позволяет индивиду задуматься над идеалом — идеей блага, общественного блага, что может подразумевать мысли об оптимальном устройстве государства и общества, справедливости по отношению к индивиду и другим членам общества. Эстетика позволяет мыслям индивида выйти на уровень всего социума, донести до максимального количества его членов, возможно определенной субкультуры. Но, эстетическое также воздействует на этическое в каждом индивидууме, формируя его взгляды на мир давая ему представления о всеобщем благе. То есть, влияние носит взаимный характер, однако формальное государство пытается вбить несколько клиньев в эту систему.

В ответ на действие независимого этического и эстетического начинают действовать защитные механизмы формального государства, которые направлены на подавление очагов инакомыслия. При этом здесь следует обратить внимание, что эстетическое свойственно общесоциальному уровню — уровень искусства — глобальный. Этическое — это личностный, субъективный уровень индивидуума и лишь

¹ Х. Ортега-и-Гассет полагал, что коммунизм (как и фашизм для Германии) есть путь погружения России в «варварство», под которым он понимал и этическое, и эстетическое падение общества — он не делал между ними никакого различия, но мы постараемся провести такую границу.

затем — общественный, как этика социума. В связи с этим, контрдействия со стороны государства распределены по уровням.

На эстетическом уровне (уровне искусства) для формального государства лучший девиз: «Не можешь победить — возглавь!» Цель этого действия — создать собственную эстетику, которая должна вытеснить и заменить естественное искусство, творцов надо заставить думать не над содержанием, а над формой. Им предлагается болванка идеологии, которую надо украсить, но так, чтобы не переусердствовать, не сказать или сделать лишнего. Оценивать «удовлетворительность» искусства дано только самому государству, которое проверит его эстетическую ценность. Уничтожению подлежат все независимые объединения в сфере искусства, поскольку они являются рассадником неподконтрольного государству творчества.

На этическом уровне происходит подмена понятий каждого отдельного индивида. Поэтому и борьба на этическом уровне идет через индивидуальное воздействие на всех и каждого, кто не готов следовать единой идеологии. В ход идут все возможные способы воздействия, любые мотивы и стимулы, которые позволяют держать индивидов в моральном рабстве. Это, пожалуй, самая сложная задача для формального государства, поскольку речь идет обо всех лицах, находящихся в его сфере влияния.

Ситуация постоянного давления на личность порождает главный мотив поведения индивида в искусственном государстве — это страх. Индивид больше всего боится чем-то выделиться из общей массы себе подобных, так как каждое его отличие — безотносительно сферы его проявления — может стать причиной внимания со стороны государства. Такое внимание, с большой долей вероятности ничего хорошего не принесет. Индивид замыкается в себе, боясь выдать свои мысли или чувства, страх становится синонимом самосохранения, и одновременно главным этическим критерием его поведения, который подсказывает ему — все, что помогает выжить — этично². Поэтому формальная, показная сплоченность в реальности оборачивается всеобщей недоверчивостью и неприязнью.

¹ Как это ни странно, но здесь формальное государство идет даже дальше любой монотеистической религии в момент ее наибольшего расцвета: последней важно, чтобы на этическом (он же религиозный) уровне индивид оставался ей верен. Формальное государство стремится подчинить себе и дела, и мысли индивида, то есть индивид обязан делать правильные вещи, думая при этом правильно. И не следует забывать, что, по крайней мере, в Европе, всегда, как бы ни была сильна церковь, противовесом ей всегда выступала светская власть, которая, помимо всего прочего, обладала возможностями для продвижения своих идеалов.

² Ни в коем случае мы не отказываемся от любых других мотивов негативного характера, корысти, например.

Этика такого плана мало связана с эстетикой, но именно она позволяет — на контрасте — увидеть нам этику иного плана, этику, протестующую всей своей сущностью против формального государства. Это оборотная сторона ущербной этики выживания любой ценой, и именно она тесно связана с эстетикой, через которую стремиться воплотиться в жизнь, вернее — пробить себе дорогу в жизнь, доказать свое существование. Этика выживания такого стремления в формальном государстве не имеет, напротив она заставляет затаиться и не привлекать к себе внимания¹.

Но скользкий путь формальной эстетики — ничто, по сравнению с судьбой протестной для формального государства эстетики. Той эстетики, что творится не по его лекалам и индивидуумами, чьи этические воззрения основаны не на страхе наказания за инакомыслие. А такие есть всегда, ибо физически мозг не научились лечить от мыслей. В умах кроется самое страшное для формального государства, для его зацементированного идеологией бытия, — это идеи. Они роятся там, готовые вырваться в виде книг, стихов, трактатов, эссе, пьес, поэм, картин, скульптур, карикатур, пародий, сатиры и проч. — которые ставят под сомнение (не превозносят) существующую форму государства.

Индивиды — носители подобных (крамольных) идей в первую очередь попадают под удар, ибо они — с одной стороны добровольно, а с другой стороны объективно — несут знамя сопротивления формальному государству. Казалось бы — дабы развалиться искусственному государству хватило бы и причин экономического характера, неспособности обеспечить само себя все необходимым и даже вещами первой необходимости. Но тут важно оценить, как это будет преподнесено населению и как будет им оценено: в рамках идеологии формального государства любой экономический провал всегда можно списать на любые внешние силы, пользуясь замкнутостью информационного пространства. Для целей пропаганды как раз и нужно искусство в таком контексте. И граждане — чья этика есть страх — будут готовы бояться внешнего врага и его деяний, как боятся они своего собственного государства и себя самих.

Переломить эту тенденцию крайне тяжело, в массе своей индивиды откажутся от свободы им предложенной, удовлетворившись определенным уровнем гарантий своего сытого и безопасного существования.

¹ Есть, конечно, еще один путь для этики выживания — приложить все силы к созданию искусственной эстетики формального государства, искусства, целиком подчиненного ему. Это тонкий путь, где неуспех карается, но успех в деле поддержания существования формальной эстетики позволит существовать долго и успешно, став, если получится, ее символом.

Может быть утрированно, но сюда подойдет пример, продемонстрированный в фильме «Дом Нины» Решара Дембо, где описывается история детей, прошедших через концлагеря фашистской Германии: уже освобожденные дети не верят, что все закончилось, они уверены, что интернат, куда их привезли — новый лагерь. И все они всячески стараются сохранить быт и социальное устройство концлагеря, к которому они привыкли и в котором у них были — пусть и небольшие — но шансы выжить . Что же говорить о масштабах искусственного государства, когда целые народы привыкли жить в концлагере?

Поэтому экономического бессилия мало, нужны социальноэтические предпосылки для разрушения искусственного государства. Граждане должны на личностном уровне ощутить несправедливость существующего порядка вещей и этому, как ничто иное способствует протестное искусство, исходящее от индивидов, сохранивших этику неискаженную государством. Здесь мы обратимся для примера к эссе И.А. Бродского «Less than one» для иллюстрации потенциального значения творчества одного человека для развала формального государства.

Есть одна простая вещь — понимание людьми происходящего. Искусственное государство делает все, чтобы происходящее воспринималось как норма, как должное. Одному человеку крайне сложно противостоять толпе и — сверх того — государству и не сломаться, не быть увлеченным толпой. Казалось бы — А.И.Солженицын, прошедший ГУЛАГ и то признает, что у него создалось впечатление, что-то меняется в системе, пока ему не начали приходить письма из мест лишения свободы, доказывающие обратное. Прочие же не всегда готовы даже просто воспринимать негатив.

Для того чтобы донести негатив — нужен(-ы) Бродский(-ие). Его упомянутое эссе могло бы нанести ущерба Советскому Союзу больше, чем вся пропаганда всех зарубежных государств — поскольку исходила изнутри и была понятна гражданам СССР. В нем лаконично, но точно показано все истинное содержание жизни, кроющееся за фасадом искусственного государства, расписана вся изнанка официально идеального общества.

Поэтому первая, настоящая и главная жертва любого формального государства это не эстетика, а этика. Этика, как составляющая человеческой сущности, позволяющая ему самостоятельно оценивать окружающую действительность. Государство без этики не может быть «эстетическим» в смысле, предлагаемым Шиллером, и поэтому мы

¹ Тут есть и обратная сторона медали — капо, который также хочет, чтоб все было по-старому, однако мотивы у него, разумеется, иные.

говорим, что этика есть основа для эстетических начал государства, а не наоборот. Искусство — это часть культуры, носителями которой являются люди. Произведения искусства — это ее символы, разрушение которых наносит удар по внешней его стороне. Они восполнимы, хотя иногда утеря ценностей искусства это большая трагедия для культуры. Но вот уничтожение носителей культуры невосполнимо. Соответственно, для целей выживания формального государства первостепенная задача — уничтожить носителей культуры. Чья этика не укладывается в узкие коридоры новых форм.

От искусственного к искусству

Что же требуется, чтобы вписать искусство в теоретическую схему искусственного государства и что это будет означать практически? И — в целом — требуется ли эстетический критерий при реальном анализе государства. Следуя теме, мы сознательно сфокусировались только на нем, но так ли велико его значение per se¹, в отрыве от иных факторов? Пожалуй, так ставить вопрос не совсем корректно, поскольку никогда никакой фактор не будет достаточен для всесторонней оценки явления — например государства. Порой даже группы факторов недостаточно — с другой стороны — если не выделить один определяющий. И, наконец, что самое важное — каждому фактору соответствует свое время. Поэтому мы и сталкиваемся с разнообразными концепциями блага в исследовании государства и общества.

Благо настолько же абстрактно, насколько конкретно, прежде всего, в силу противопоставления личного и общественного. Поэтому благо — и представления о нем — никогда не станут объектом исследования частноправовых (быть может, даже уже — гражданско-правовых) дисциплин, ибо в них сталкиваются по конкретному вопросу интересы частных лиц (индивидуумов), у каждого из которых существует противоположная точка зрения на справедливый исход. Все представления о благе возникают на стыке общественного и личного, когда индивид (индивиды) дают оценку справедливости устройства общества.

Если мы говорим об эстетическом как критерии общественного блага, то нам следует неразрывно связать его с этическим — как мы ранее убедились, само по себе эстетическое не может самодостаточно существовать в отрыве от этического. При этом, несмотря на то, что этическое первично по отношению к эстетическому, и без первого не будет второго, необходимо проследить и обратную взаимосвязь. Если

¹ Само по себе (лат.).

уничтожение этического равносильно отказу от эстетического, то возможно ли восстановление этического через эстетическое? Предположим, что каждому индивиду необходимо донести новую идею о благе, но не в контексте пропаганды — в худшем смысле этого слова — а в контексте нравственного воспитания.

В процессе преподнесения определенных взглядов индивиду этическое неотделимо от эстетического, действует модель визуализации этических образов на эстетическом уровне. Но обратим внимание, что речь идет о многоканальности эстетического воздействия, у индивида остается полнота выбора собственных взглядов на мир (чего нет в искусственном государстве). Именно по этой причине зачастую отсутствие должной (или сознательной подмены таковой) модели на эстетическом уровне приводит к формированию маргинальной этики. При этом любая этика маргинальна до тех пор, пока она не становится доминирующей, и если все в определенный момент сочтут, что определенное социальное деяние нормально, то очень быстро маргинализации подвергнутся те точки зрения, которые еще вчера главенствовали.

В этом свете крайне важен вопрос объективности этического восприятия: то есть те базовые законы сосуществования, которые сложились бы в любом социуме (как это предполагает Дж. Ролз). Что значит в таком случае искусство и его влияние на мораль индивида и общества? Попробуем прояснить это на основе теории общественного договора: она подразумевает создание правил сосуществования ради недопущения войны всех против всех — это крайне низкий уровень регулирования, где этика — заметим по естественным причинам, а не искусственным — низведена до уровня инстинкта выживания. Искусство в таком случае также избыточно — оно ничего не добавит и не отнимет на стадии заключения «договора». Если появится бунтарь — предлагающий на эстетическом уровне собственную этику, то, надо полагать, участь его будет незавидна, ибо социум (каждый индивид) в конкретный период времени уже решил свою главную этическую проблему — максимально возможно обеспечил свое выживание и сохранение.

Искусство начинает играть заметную роль лишь тогда, когда общество к этому готово. Когда взгляды конкретного индивида могут быть восприняты всерьез, а не в штыки на уровне всего общества — или даже его отдельной части. Чем более развито общество, тем заметнее роль эстетического в формировании его этического облика. Если на ранних этапах становления обществ — религиозном и мифологическом — мораль всегда была одна для всех, и это было залогом выживаемости обществ, то на поздних этапах развития обществ мораль становится все более и более относительной. Индивид оказывается в

ситуации постоянного вызова со стороны различных доктрин, предлагающих свои этические ценности.

Здесь существует опасность провала в состояние анархии — когда (как это не парадоксально) ценности — как и в формальном государстве — теряют свое значение, однако не потому, что их подменяют и стараются свести на нет, а напротив — потому что от их разнообразия все меньше индивидов готовы следовать неким общим правилам, предпочитая какие-либо субкультурные ценности. В результате общество дробится на мелкие группы, которые вскоре начнут конфликтовать, пытаясь навязать друг другу свои этические ценности, преимущественно — силой.

Доверие завоевала модель, при которой глобальная конкуренция в обществе допустима на политическом уровне и не допустима на некоторых других (главным образом — личном). Эта модель позволяет идти к общей цели (общему благу) согласовывая интересы членов общества и не допуская серьезных конфликтов внутри него. Искусство служит в таком обществе для отработки новых идей — на стадии до правового урегулирования.

При такой модели право (правила) является результатом согласованного волеизъявления граждан (прямого как у Руссо или опосредованного как у Бентама), если быть еще точнее — волеизъявления большинства. Стабильность модели обеспечивается (технически) государством, которое, по сути, создается именно для того, чтобы быть арбитром в вопросах согласования интересов большого количества индивидов или их групп. Практически же модель держится на большинстве индивидов, составляющих данное общество, которым удобно и выголно такое положение вешей.

В таком контексте искусство многогранно и количество его ролей и способов выражения — безгранично: даже будучи воплощением этической мысли одного индивида оно всегда может найти — в открытом обществе поддержку неограниченного числа сторонников, а может и не найти никого. Отчасти это приводит к размыванию самого понятия искусства — все сложнее становится уловить его суть и отделить форму от содержания. Но — если сосредоточится на роли искусства в жизни социума как пролога к этическому — то здесь оно не теряет позиций, оно все еще есть мерило — барометр — настроений этического состояния общества. Хотя есть и крайность — когда искусство становится средством манипуляции этическим, но на то это и конкурентная среда.

Антонов Я.В. Северо-западная академия государственной службы, юридический факультет, 5-й курс

Государство как произведение искусства

Вступление

При каждом виде государственного устройства сущность гражданина меняется.

Аристотель¹

Государство с древнейших времен сопровождает исторический ход той действительности, которую, как ни громко это будет сказано, изучают лучшие умы человечества и по сей день. Государственный феномен имеет почти неизмеримое количество различных значений и трактовок, а посему далеко не все подходы к его пониманию, даже сейчас, изложены в научной литературе. Понять суть государственного строительства в тот или иной период зачастую означает понять ход истории и осмыслить исследуемые процессы абсолютно на другом уровне. Архитектор может узнать прочность строения только после того, как исследует его фундамент и конструкцию, также и ученый может действительно исследовать какое-либо явление, лишь изучив его со всех возможных сторон. История и государство связаны нерушимой связью, как общее и частное, целое и аспект целого. Общество же и государство в этом разрезе соотносятся как базис и надстройка. Поэтому, касаясь вопроса, исследования государства как произведения искусства, предлагаем рассматривать общество и государство в совокупности. Добавим, что рассмотрение такой совокупности позволит наиболее полно и системно отразить их конструктивную взаимосвязь, выявив и обозначив при этом ряд новых качеств такой взаимосвязи. Принципиальной особенностью настоящей работы является и то, что исследование феномена государства производится на основе классических философско-правовых идей о происхождении и развитии государства и непосредственно связанной с ним правовой материи, отделять которую также не представляется целесообразным. Класси-

49

_

http://www.aphorisme.ru/by-authors/aristotel/?q=6&p=6

ческие наработки и идейные положения ученых, в пределах данной работы, актуализированы в современные концепции, что позволяет соблюсти преемственность, объективную обусловленность и академическую основательность предлагаемых выводов и обобщений. Наконец, стоит отразить цель работы, которая заключается в исследовании эволюции идейного содержания государственного строительства, выявлении компонентов государства как произведения искусства, и системном анализе сложившейся проблематики в определении государства как произведения искусства. И, наверное, самое главное: произведение искусства предполагает практически идеальную совместимость элементов; конструктивно оригинальное, новое и поэтому уникальное, расположение и взаимное сочетание выводит такие элементы на качественно новый уровень. Иначе говоря, произведение искусства — это с одной стороны предельно выверенный механизм взаимодействия отдельных его частей, а с другой стороны объединение отдельных частей в такую совокупность, которая и именуется произведением искусства. В этом ключе понимание государства как произведения искусства означает поиск конструктивно оригинального механизма взаимодействия различных сфер жизни общества, ориентированного на культурные особенности конкретного общества, который бы позволил эффективно и целесообразно решать проблемы локального (проблемы в пределах одного государства) и глобального характера (проблемы, по крайней мере, общие для двух государств).

Все искусства состоят в исследовании истины.

Цицерон Марк Туллий¹

Общая характеристика эволюционных преобразований идейного содержания государства

Государство.... Это столь, многогранное, многоаспектное и многокомпонентное явление, что оно отражает если и не все, то почти все сферы общественной жизни. Впрочем, помимо отражения общественных сфер, государство носит в своей организационно-правовой структуре и личный отпечаток каждого, кто проживает в нем, а вернее будет сказать, является гражданином государства. Ведь общество есть не что иное, как объединение отдельных личностей. Отдельные личности же объединяются в общество в первую очередь для удовлетво-

50

¹ http://www.aphorisme.ru/by-authors/ciceron/?q=494&p=2

рения сходных коллективных потребностей. В дальнейшем эволюция коллективных потребностей приводит общество к объективно необходимой трансформации. Так появляется государство.

Государственно-правовой проблематикой занималось значительное количество ученых — правоведов, философов и, если можно так выразиться «государствоведов», причем, как иностранных, так и отечественных. Так, в различные времена по этой тематике писали: древнешумерский мудрец Шуруппак в своих поучениях, в частности в стихотворении «В давние дни, в стародавние дни...»¹, римские императоры Марк Аврелий в «Размышлениях», в частности в 4 книге², и Юлиан в письме к Фемистию³, греческий философ Синезий Киренский в работе «О царстве»⁴, Помпоний Секст в «Энридихии», в частности в книге 1⁵, арабский философ Ибн Хальдун в «Книге поучительных примеров и дивану сообщений о днях арабов, персов и берберов и их современников, обладавших властью великих размеров»⁶, голландский юрист Гуго Гроций в работе «О праве войны и мира»⁷, английские философы Томас Гоббс в работе «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» в и Джон Локк в «Двух трактатах о правлении», голландский философ Бенедикт Спиноза в «Политическом трактате» 10. Вольтер в «Метафизическом трактате»¹¹, Шарль Луи Монтескье в работе «О духе законов»¹², Аврелий Августин в работе «О граде Божием» в частности в книге 14 в главе 28¹³, Пьер Абеляр в работе «Этика или познай самого себя»¹⁴, Фома Аквинский в работе «Сумма Теологии», в частности в вопросе 90 и 91¹⁵, английский философ Иоанн Солсберийский в «Поликратикусе», в частности в 4 книге¹⁶, Марсилий Падуанский в работе

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. Т. 1 : Античность. Восточные цивилизации. С. 45.

² Там же. С. 288-299.

³ Там же. С. 348-349.

⁴ Там же. С. 344.

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Там же. С. 725- 730.

⁷ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Н. А. Крашенинникова. М. : Мысль, 1999. Т. 2 : Европа, V — XVII вв. С. 22-36.

⁸ Там же. С. 37-55.

⁹ Там же. С. 85-96.

¹⁰Там же. С. 79-83.

¹¹Там же. С. 104-107.

¹²Там же. С. 108-127.

¹³Там же. С. 193-194.

¹⁴Там же. С. 575-578.

¹⁵Там же. С. 582-587.

¹⁶Там же. С. 597-604.

«Защитник мира»¹, Саллюти Коллючо глава итальянского гуманистического движения, в работе «О тиране»², Этьен де Ла Боэси, французский гуманист в «Рассуждении о добровольном рабстве»³, Жан Боден в работе «Шесть книг о государстве», в частности в 1 книге⁴, Иштван Вербеци, венгерский юрист, в работе «Пролог», а точнее в Главах 4 и 7⁵, Франциско Суарес, испанский схоласт в работе «О законах и господе законодателе», в частности в книге 2 главе 17⁶, государственные деятели США Александр Гамильтон и Джеймс Медиссон в статьях, помещенных в сборник «Федералист»⁷, немецкие философы Иммануил Кант в работе «Метафизика нравов»⁸ и Георг Вильгельм Фридрих Гегель в работе «Философия права»⁹, Анри Леви-Брюль в научном труде «Социология права»¹⁰, Джорджио Дель Веккио в работе «Философия права»¹¹, Ганс Кельзен в работе «Чистое учение о праве»¹² и Герберт Харт в работе «Понятие права»¹³.

Из отечественных правоведов данной проблематикой занимались Ф.В.Кречетов в произведении «План Юридический» ¹⁴, Л.А. Цветаев в работе «Основания права, частного гражданского» ¹⁵, Н.Г. Чернышевский в работе «Экономическая деятельность и законодательство» ¹⁶, Н.К. Нелидов в работе «Юридические и политические основания государственной службы» ¹⁷ В.И. Сергеевич в работе «Задача и метода государственных наук» ¹⁸, Б.Н. Чичерин в работе «Собственность и государство» ¹⁹, В.С. Соловьев в работе «Оправдание добра» ²⁰, Н. И.

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Н. А. Крашенинникова. М.: Мысль, 1999. Т. 2 : Европа, V—XVII вв. С. 604-609.

² Там же. С. 630-634.

³ Там же. С. 680.

⁴ Там же. С. 689-692.

⁵ Там же. С. 796-803.

⁶ Там же. С. 805-808.

⁷ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // О. А. Жидков. М.: Мысль, 1999. Т. 3: Европа. Америка, XVII—XX вв. С. 200-204.

⁸ Там же. С. 309-310.

⁹ Там же. С. 323-326.

¹⁰Там же. С. 651-656.

¹¹Там же. С. 719-723.

¹²Там же. С. 704-718.

¹³Там же. С. 763-768.

¹⁴ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Е. А. Скрипилев. М.: Мысль, 1999. Т. 4: Россия, XI—XIX вв. С. 427-434.

¹⁵Там же. С. 452-455.

¹⁶Там же. С. 585-592.

¹⁷Там же. С. 698-709.

¹⁸Там же. С. 768-775.

 $^{^{19}}$ Антология мировой правовой мысли в 5 т. // И.А. Исаев. М. : Мысль, 1999. Т. 5 : Россия, конец XIX — XX вв. С. 58-66.

²⁰Там же. С. 92-97.

Кареев в работе «Мысли о сущности общественной деятельности»¹, Г.Ф. Шершеневич в работе «Общая теория права»², В.М. Гессен в работе «О правовом государстве»³, А.С. Ященко в работе «Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства»⁴, Л.И. Петражицкий в работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности»⁵, П.И. Новгородцев в работе «Введение в теорию права. Кризис современного правосознания»⁶, Б.А. Кистяковский в работе «Социальные науки и право; Очерки по методологии социальных наук и общей теории права»⁷, И.В. Михайловский в работе «Очерки по философии права»⁸, П.Г. Виноградов в работе «Очерки по теории права»⁹, И. В. Гессен в работе «Искания общественного идеала»¹⁰, Г.К. Гинс в работе «На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму»¹¹.

Стоит заметить, что приведенный перечень имен ученых и названий их работ не может быть исчерпывающим, хотя бы потому, что тема государства и права интересовала человечество на протяжении всей его истории, а значит число исследователей поистине огромно. Между тем, феномен государства как произведения искусства исследован недостаточно глубоко. Эстетическое наполнение государства как коллективно-общественного и потому оригинального произведения искусства, в научных работах, как правило, забывается в свете рациональных рассуждений государственно-правовой тематики. Однако, необходимо отметить, что, хотя рациональные рассуждения сами по себе и не несут эстетических характеристик, но выводы, сделанные авторами, позволяют нам на их почве говорить о государстве как о произведении искусства. Рациональные положения, в конечном счете, переходят в эстетическое русло и в этом ключе нужно заметить, что проблематика государства как произведения искусства своими корнями гораздо глубже уходит в историческую ретроспективу, чем это принято считать. Фактически тема государства как произведения

 $^{^1}$ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // И.А. Исаев. М. : Мысль, 1999. Т. 5 : Россия, конец XIX — XX вв. С. 114-122.

² Там же. С. 150-156.

³ Там же. С. 288-292.

⁴ Там же. С. 334-337.

⁵ Там же. С. 352-363.

⁶ Там же. С. 364-368.

⁷ Там же. С. 373-378.

⁸ Там же. С. 379-382.

⁹ Там же. С. 400-403.

¹⁰Там же. С. 424-429.

там жс. С. 424-42). ¹¹Там же. С. 591-599.

искусства появилась тогда же, когда и зародилось первое государство, хотя заговорили об этом явно позже. Но ведь мы же не считаем, что история появилась лишь тогда, когда о ней заговорили как о науке. Она была, есть и будет, как будет и государство, как будет и произведение искусства.

Считаем необходимым отметить некоторых философов, рассматривавших в своих трудах эстетическую проблематику, в частности, Пико делла Мирандола в речи «О достоинстве человека»¹, Шеллинг в своей натурфилософии². Также стоит отметить и отечественных философов, внесших значительный вклад в развитие идей эстетики: В.А. Лашкова³, Н.В. Станкевича⁴, В.Г. Белинского⁵, Н.П. Огарева⁶, Н.А. Добролюбова⁷, Н. Бердяева⁸, Н. Рериха, И. Бродского и других.

Существует такая неоднозначно определяемая тема, как личность в государстве, и о ней стоит сказать несколько слов отдельно. Итак, можно заявлять, что личность влияет на государственные процессы соразмерно занимаемой позиции в системе государственных должностей. Впрочем, в современном государстве значительную роль, помимо организационной сферы, включающей в себя систему государственных должностей, играет сфера экономическая, поскольку без ее нормального функционирования невозможно говорить о деятельности современного государства. В этом ключе стоит заметить, что личность, имеющая влияние, как на государственную сферу, так и на сферу экономическую, имеет возможность определять государственную политику. Такая личность может на самом деле быть и группой личностей, вместе обладающих подобным влиянием. Считаем, такую точку зрения достаточно интересной, хотя и не лишенной определенных недостатков. Во-первых, как и всякая система, государство состоит из различного рода элементов, в числе которых можно рассматривать и личность как составную часть общества. Таким образом, как и всякая система, государство обладает обуславливающим свойством

¹ Антология мировой философии. В 4 т. // В.В. Соколов. М.: Мысль, 1970. Т. 2: Европейская философия от эпохи возрождения по эпоху просвещения. С. 14.

 $^{^2}$ Антология мировой философии. В 4 т. // И.С. Нарский. М.: Мысль, 1970. Т. 3: Буржуазная философия конца XVIII в. — первых двух третей XIX в. С. 19-20.

³ Антология мировой философии. В 4 т. // В. В. Богатое, Ш. Ф. Мамедов. М.: Мысль, 1970. Т. 4: Философская и социологическая мысль народов СССР в XIX в. С. 41-42.

⁴ Там же. С. 91-92.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ Там же. С. 193-194.

⁷ Там же. С. 278-279.

⁸ Бердяев Н.А. Фрагменты из книги «Царство духа и царство Кесаря» // http://www.vehi.net/berdvaev/carstvo.html

для своих элементов, причем обусловленность напрямую зависит только от количественных параметров и качественных характеристик элементов. Степень же их упорядоченности косвенно определяется политическим режимом. В этом фокусе, рассуждая о влиянии личности на государство, требуется учитывать первоочередное влияние государства на личность. Кстати, последнее обычно гораздо сильнее первого; в каком-то отношении система возводит к власти лишь тот элемент, который наиболее для этого подходит. Недостойный (с позиции системы, если можно так выразиться), в достаточно устойчивой и стабильной системе не придет к власти. Государство как система взаимозависимостью элементов создает своеобразный универсальный фильтр, «отсеивающий», как уже было сказано, достойных и недостойных. Справедливость сделанного вывода подтверждается, фактически, всем мировым историческим опытом. Во-вторых, влияние личности на государство как систему ограничено рамками, которые система установила для своих элементов. Причем, замена нескольких элементов существенно не повлияет на качество самой системы, в связи с этим действительное влияние на систему возможно лишь при тотальной реформации системы, которое, между прочим, всегда приводит к созданию системы новой, отличной от той, что была ранее.

Предлагаем обратиться к Поучениям древнешумерского мудреца Шуруппака:

«В давние стародавние дни...

Кто рушит домы, будет домом раздавлен.

Кто на людей подымется, на того люди подымутся,

Кто быка мощного на шею взвалит,

Тому через реку не переправится

Если к сильным своего города примкнешь,

Дитя мое, безусловно, наверх ты поднимешься....»¹

Наиболее показательно данное стихотворение в первую очередь тем, что личность всегда зависит от той системы в которой обитает, более того какими средствами она пользуется для достижения власти, такую власть, а вернее такой характер (например, тирания) власти, она и реализует. Своего рода это некий «эффект бумеранга», который рано или поздно сработает — так нам говорит история. В этом смысле наиважнейшее значение для любого правления приобретают этиче-

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. Т. 1 : Античность. Восточные цивилизации. С. 45.

ская и морально-нравственная стороны политической деятельности, однако об этом мы поговорим чуть позже.

Таким образом, мы считаем неразумным как отрицать роль личности в процессе образования государства, так и превозносить ее. Всего должно быть в меру, в том числе и взаимного влияния личности на государство и государства на личность.

Между тем не стоит забывать и о взаимосвязи общества и государства, поскольку последнее фактически является организационной структурой первого. Примечательно, что процесс формирования государства неразрывно связан и с мировой историей. Причем вероятнее всего эта связь носит диалектический и взаимообусловленный характер. В связи с этим и нам придется осветить некоторые детали времен уже давно минувших. Так, еще Л.Н. Толстой доказал, что история творится волей народов, а отдельные, избранные самим историческим ходом личности, лишь подхватывают эти веяния народной воли и направляют их в практическое русло, воплощают в жизнь. Толстой описывает это так: «Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Совершенный поступок невозвратим, и лействие его, совпадая во времени с миллионами лействий других людей, получает историческое значение. Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка....»¹.

А затем общий исторический ход плавно переходит в частное государственное строительство, осуществляемое, разумеется, в рамках общества. И здесь может возникнуть вопрос: Почему это происходит? Правоведы давно нашли достойный ответ и на этот непростой вопрос. Объективные потребности развивающегося первобытного общества нашли свое выражение в эволюционном преобразовании, а точнее будет сказать конструктивном прорыве в организации общественной жизни и новой форме, определившей такой ход истории, который изучается нами сегодня в пределах исторической науки. Причем именно такой ход истории привел к формированию уже современных государств. Тогда же это был лишь прообраз современного государства, если хотите архетип, которому еще предстоит пройти долгий путь трансформаций прежде, чем он станет похож на то, что мы привыкли называть современным государством...

Государство как произведение искусства ведет свой отсчет видимо с того момента, когда впервые национальные особенности отразились

¹ *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. В 22 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 6. С. 10-11.

на организации государственного устройства. Определить сей момент невероятно сложно, если вообще возможно, поэтому позволим себе данный вопрос более не поднимать, ведь наша цель совсем не в этом.

Впрочем, архиважным замечанием в этом смысле будет то, что субъективный фактор имеет сильнейшее влияние на процветание и благополучие государства. Однако и об объективных вещах забывать не стоит. Как это ни печально, даже сейчас сила и деньги занимают не последнее место в благополучии государства. Именно об этом писал небезызвестный восточный мудрец Ибн Хальдун в «Книге поучительных примеров и дивану сообщений о днях арабов, персов и берберов и их современников, обладавших властью великих размеров». В частности они писал: «Опора государства: 1) Мощь, или «асабийя», или войско, 2) Финансы, а в них опора войску и осуществление нужд владыки. Порча государства происходит при нарушении этих двух оснований» 1.

Впрочем, сила и деньги, хотя и играют значительную роль в государстве, однако благополучным они его делают далеко не всегда. Это справедливо постольку, поскольку баланс между элементами содержания государства, как мы позже выясним, создают правовые нормы, а цементируют его культурные ценности.

И, наконец, в этом ключе стоит отразить то, что исторический процесс и процесс государственного строительства соотносятся, во-первых, как общее и частное, во-вторых, в отдельных аспектах, как следствие и причина, и, в-третьих, как базис и надстройка, в той мере, в какой исторический ход зависим от государственного развития. Представляется, что подобное сопоставление можно провести между обществом и государством, однако позволим себе это сопоставление опустить.

Известно, что формирование государства непосредственно связано со становлением права как основного регулятора общественной жизни. Современная позиция относительно генезиса права и государства, сформулированная теорией государства и права, гласит, что право и государство возникли одновременно и неразделимо существовали и существуют, являясь при этом, объективно обусловленным продолжением друг друга². Право формально, а точнее будет сказать, нормативно, закрепляет сложившуюся государственную архитектуру — тем самым воплощаются в реальность такие нормативные документы как Конституция и законы. Этот нормативно-правовой материал ученое сообщество именует также источниками права, однако одновременно признаваясь таковыми, они являются и своеобразными истоками

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. Т. 1 : Античность. Восточные цивилизации. С. 725- 730.

² *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. М.: Юристъ, 2004. С. 24.

государственного строительства, поскольку лишь в них, возможно, легально закрепить все произошедшие преобразования и трансформации в государстве, и программу его дальнейшего развития. Разумеется, все это определяет, хотя и отчасти, направление государственного строительства.

В свою очередь государство представляет собой именно то пространство, ту единственно возможную действительность, то исключительное бытие, где право имеет свое действие. Без государства существование права не имеет необходимой цели, так же, как и существование государства без права нельзя признать ни осмысленным, ни легальным, ни устойчивым. Исследуя диалектическую взаимосвязь этих понятий, следует отметить, что государство и право, в фокусе философских категорий, имеют единую сущность, поскольку в некоторых случаях являются содержанием, а в отдельных случаях и формой друг друга. Причем, удельное количество вариантов, когда государство является формой права, будет, вероятнее всего, равно удельному количеству вариантов, когда право будет являться формой государства.

Предлагаю это явление проиллюстрировать. Когда право нормативно закрепляет государственные трансформации, тогда право будет являться формой, а государство содержанием. И, наоборот, когда государство становится пространством для реализации права, тогда право будет являться содержанием, а государство формой. Примечательно, что на практике эти два случая реализуются одновременно, в теории же допускается исследовать отдельно несколько разрезов этих явлений. Более частные случаи позволим себе не рассматривать.

Суверенитет проявляет свою, наверное, важнейшую роль в процессе государственного строительства, поскольку его наличие фактически выражает независимость народной воли и обуславливает легитимность производимых в государстве преобразований.

Эту важнейшую роль суверенитета отмечает Жан Боден: «Государство есть основанное на праве управление суверенной властью многими семьями и их имуществом.

Мы назвали на первом месте правовое управление для различия между государствами и шайками воров и пиратов, с которыми не следует иметь дело ни в торговле, ни в союзах.

Высшее благо и цель — это процветание, как всего государства, так и отдельного человека. Суверенитет главное условие и основание существования любого государства» 1 .

 $^{^1}$ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Н. А. Крашенинникова. М.: Мысль, 1999. Т. 2 : Европа, V — XVП вв. С. 680.

Говоря о государственном строительстве, стоит отметить, что если государство в древние века было достаточно примитивным по своему строению (как в организационном, правовом и социальном плане, так и в политическом и экономическом), то современное государство это наисложнейший механизм, принципы работы которого не всегда столь ясны и прозрачны, как, возможно, нам бы хотелось. Так, не всегда понятна природа (истоки) принятия отдельных политических решений. Допустим, как объяснить принятие нового закона, который не вытекает из общей проблематики той ситуации (то есть совокупности обстоятельств), которая сложилась в пределах конкретного общества? Сразу оговоримся, мы специально ставим право и правовую систему на первое место при принятии политических решений, в идеале они должны выражаться только в правовых формах, и при этом видим необходимость в усилении регулятивной роли права в обществе в целом. Поэтому формулировку «политическое решение», которое вполне в данном случае соответствует тому смыслу, который мы хотели бы ему придать, я позволил себе изменить на термин «закон», при этом понимая, что на практике оно может выражаться и в других формах и теория административного права будет этому ярким примером. Требуется отметить и то, что политические решения в неправовых формах являются прерогативой исполнительной власти. Тем самым проявляется разобщенность законодательной и исполнительной ветвей власти, когда законы принимаются только парламентом, а политические решения в неправовых формах — правительством. Думается, что в процессе принятия политических решений должны принимать равноправное участие все ветви власти, а их конечный результат всегда должен быть выражен в правовой форме.

Иногда прослеживаются и такие парадоксальные случаи, когда закон (политическое решение), при наличии уже явно назревшей необходимости, не принимается. Излагать предположения не имеет смысла, а имеет смысл лишь поставить вопросы: ответы на них каждый найдет свои. Почему все это вызывает определенные вопросы, в частности: Насколько распространено влияние субъективного фактора на объективно сложившуюся политическую обстановку? Насколько сильна роль права в современном государстве и что первично право или политика? Для чего нужно право в современном обществе вообще? И, наконец, что мотивирует государственное строительство и укладывается ли эта мотивация в рамки объективных потребностей современного общества?

Как нами уже было отмечено, размышлять над этими вопросами и возможными ответами на них можно бесконечно долго и мы, отдавая себе в этом отчет, полагаем, что благоразумнее будет перейти к

рассмотрению компонентов государства как произведения искусства, которые мы предлагаем выделить: организационный компонент, политический компонент, социальный компонент, правовой компонент, экономический компонент, культурный компонент.

Управлять многими— то же, что управлять немногими. Дело в организации.

Сунь-Цзы1.

Организационный компонент

Каждое государство имеет определенную организацию, которая закрепляется в рамках правовых норм. Организация в общем случае определяется объективными условиями жизни общества. Формирование же государственного аппарата также в общем случае обусловлено тем массивом проблем, которые государство призвано решать.

Существуют различные варианты построения системы государственных органов (например, линейная, функциональная и смешанная), и рассматривать их плюсы и минусы в пределах настоящей работы нет смысла. Впрочем, главное, что из стандартных схем можно извлечь — это опыт их практического применения, который позволяет говорить о том, что максимальная эффективность государственного управления достигается «удачным» комбинированием элементов различных схем. Немаловажное значение при построении своей, в этом смысле, даже уникальной схемы, имеют территориальный, ментальный, культурный и национальный признаки. И эффективность управления в этом случае можно оценивать не только количественными показателями, но и качественными, исходя при этом из того, как эта схема построена. О выводах, впрочем, мы поговорим несколько позднее.

Это очень просто, мои дорогие: потому что политика гораздо сложнее, чем физика.

Альберт Эйнштейн 2 .

Политический компонент

Политика (с греческого Πολιτική) — «искусство управления» государством. В древние времена политика в государствах с монархическим режимом была доминирующим звеном, которое единолично определяло и правовую и социальную среды. От воли правителя (монарха)

http://www.aphorisme.ru/by-themes/organizaciya/?q=1495

² http://www.aphorisme.ru/by-themes/politika/?q=72&p=1

зависело почти все, а воля народа была ему фактически подконтрольна. По воле монарха принимались законы, устанавливались новые порядки, выдавались чины, создавался общественный порядок, в том числе и правопорядок, угодный, как бы сейчас сказали, власть имущму. Да, безусловно, явный произвол правителя вызывал недовольство в народе, которое иногда переходило в бунты и восстания. Правда, нужно помнить, что такие случаи были скорее исключением, нежели каждодневной практикой. Таким образом, политика была прерогативой правителя и поэтому являлась первостепенно важной сферой в государственном механизме. Изложенные явления и процессы нашли свое отражение в работах видных ученых — правоведов. Так, еще император Юлиан в письме к Фемистию отразил следующее: «Мне в большей степени кажется, что царствование стоит выше человека и правитель нуждается в более божественной природе, как и Платон говорил. И вот он (Аристотель говорит) в свои писаниях о формах правления: если же кто-то полагает, что наилучшим для городов является быть управляемым правителем, как же быть в отношении детей? Тогда и род будет править? Но если случится что дети такие же, как и другие граждане, это вредно для города. Но хотя он и правитель он не передаст (правление детям)? В это поверить нелегко, поскольку это трудно и присуще большей добродетели, чем той, которая в природе человека»¹. Действительно, проблема преемственности и наследования вкупе с неограниченной властью правителя в срезе нравственных ценностей и моральных устоев не имеет однозначного решения. Причем, самим правителем сей морально-нравственный срез зачастую не учитывался, что наглядно иллюстрирует необходимость последующих демократических преобразований, когда нивелирование сложившихся в обществе ценностей при принятии политических решений становится не просто необходимостью, а одним из ключевых обязательств власти перед народом. Примечательно здесь также то, что одно лишь наличие демократии не гарантирует и не может гарантировать обязательность морально-нравственного компонента, поскольку демократический режим производное от продукта эволюции правовой культуры — общественного правосознания. Однако, рассматриваемый вопрос переходит в правовое русло, а не политическое, поэтому позволим себе его далее не рассматривать.

Дальнейшим преемником монархических идей можно считать концепцию тоталитарного государства, которая наиболее ярко выра-

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. Т. 1 : Античность. Восточные цивилизации. С. 348-349.

жена в работе главы итальянского фашистского государства Бенитто Муссолини «Доктрина фашизма»: «Всё внутри государства, ничего вне государства, никого против государства» ¹.

Политика в современном государстве имеет, вероятнее всего главенствующее значение: принятие почти всех решений в форме законов обусловлено политической волей. Политическая воля, впрочем, не возникает случайно, как правило, она есть единовременное проявление четко распланированной стратегии, позволяющей власть имущим добиться поставленных целей легитимным путем. И право в его материальном смысле и социум в таком случае становятся вторичными, поскольку их влияние на политику не столь существенно, как влияние политики на них (то есть и право, и политика зависят от перманентно меняющейся политической конъюнктуры). При этом и право, и социум становятся инструментом, средством для достижения цели, что конечно, нивелирует их ценность. Таким образом, считаем необходимым сделать акцент именно на этом моменте: средства в политической сфере всегда должны соответствовать цели. Предлагаем проиллюстрировать изложенный тезис следующим изречением греческого философа Синезия Киренского: «Хорошее старое изречение, что не количество подданных делает императором, а не тираном, точно так же, как количество овец не делает пастухом мясника, который гонит их на бойню, чтобы не только утолить голод, но и продать другим на обед. Этим-то, полагаю, отличается император от тирана, пусть даже судьба у них одинакова. И как тот, так и другой господствуют над множеством людей. Тот, кто соединяет свои интересы с благом подданных, кто готов страдать, чтобы оградить их от страданий, кто подвергается за них опасности, лишь бы они жили в мире и безопасности, кто бодрствует днем и ночью, чтобы им не было причинено никакого вреда, тот — пастух для овец, государь для людей. Но кто пользуется властью неумеренно, употребляет ее на удовольствия и забавы, думая, что она должна служить к удовлетворению всех его страстей, кто считает выгодным начальствовать над многими, если они служат его прихоти, хочет стадо не кормить, но самому от стада кормиться, того назову мясником для скота, того я назову тираном, если он начальствует над разумными людьми. Вот тебе единственная возможная норма царственного поведения»².

Как бы вторя Синезию Киренскому, Саллюти Коллючо, глава итальянского гуманистического движения, в произведении «О тиране»

¹ http://lib.ru/POLITOLOG/MUSSOLONI/mussol.txt

² Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. Т. 1: Античность. Восточные пивилизации. С. 344.

раскрывает понятие «тиран», на примере анализа древних правителей¹. Иоанн Солсберийский, английский философ в «Поликратикусе» в 4 книге приводит различия сходные с критериями, определенными Синезием Киренским, и рассуждает о категории справедливости закона².

Французский гуманист Этьен де Ла Боэси в «Рассуждении о добровольном рабстве» пишет о субъективном факторе в политической сфере так: «По совести говоря, величайшее несчастье зависеть от произвола властелина, относительно которого никогда не можешь знать, будет ли он добр...» 3 .

К счастью или к несчастью, политика не так стихийна, как человеческий фактор, поэтому человек волевым решением не способен определять ее направления полностью. Политика — системное, обусловленное другими сферами общественной жизни, достаточно устойчивое явление, которое поддается прогнозированию.

В природном состоянии люди рождаются равными. Но они не могут сохранить этого равенства. Общество отнимает его у них. И они вновь становятся равными лишь благодаря законам.

Шарль Луи Монтескье⁴.

Правовой компонент

Есть мнение, что правовой компонент — это придаток политики; совокупность правил, которые устанавливают власть имущие; иллюзия, созданная тем, кто нами управляет лишь для того, чтобы показать, что мы чего-то может в этой жизни. Но я не стал бы вдаваться в такие мрачные рассуждения. Во-первых, потому, что право нельзя отождествлять с законом. Существует мнение, согласно которому право — это постоянно меняющийся идеал, определенное стремление к которому имеет закон, при этом закон тем более объективно оправдан, действенен и целесообразен, чем ближе он к идеалу. А ведь правда, еще в Древнем Риме задумывались о соответствии духа закона его букве. Дух закона в таком разрезе будет правом, а буква законом в его привычном смысле (то есть формально и нормативно закрепленным в

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Н. А. Крашенинникова. М.: Мысль, 1999. Т. 2 : Европа, V—XVII вв. С. 630-634.

² Там же. С. 597-604.

³ Там же. С. 680.

⁴ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. Т. 1 : Античность. Восточные цивилизации. С. 3.

материальном источнике). Любопытно и примечательно, что в рамках этой теории «правовой идеал» постоянно меняется, и прямо зависим от конкретного времени (эпохи) и нравов общества.

С другой стороны, нам думается, что такая теоретическая конструкция хотя и объясняет многие явления и процессы, требующие ответа, но не является полностью приемлемой, поскольку в пределах ее не прослеживаются некоторые современные тенденции правового развития, в частности:

Право, с позиции рассматриваемой концепции, имеет идеальный, законченный, но одновременно и постоянно меняющийся вид в зависимости от уровня развития общества. Идеал предполагает вид законченный и не требующий корректировки.

Право невозможно «пощупать» и определить направление его развития, поскольку для этого требуется узнать всеобщее (народное) мнение. Если же этого не требуется, тогда право развивается независимо от общества и представляет собой некое подобие тех же заповедей христианства, правда последние будут намного устойчивее.

Право возникает благодаря развитию человеческого сознания. Значит, оно есть то, что идеально для всех людей в текущий момент времени. Однако возникает ряд вопросов: Как определить соответствие закона праву на стадии его разработки? На этот вопрос ответа у нас нет. Признавая существование подобной точки зрения, мы не можем не отметить, что ряд подобных противоречий не позволяет назвать исследуемую теорию права удачной, поскольку ее практическое значение слишком мало. Но поскольку мы привели ее в пределах настоящей работы, безусловно, стоит разобраться, зачем и для чего.

Во-первых, потому, что закон и право рассматриваются в ее рам-ках, как не всегда удачная форма и всегда идеальное содержание.

Во-вторых, право можно рассматривать, как некий идеал справедливости --врожденный или приобретенный это уже другой вопрос --главное, что идеал. Источником этого идеала, вероятнее всего, выступает сложившаяся система общественных отношений между людьми. Тогда закон это не новое правило поведения, а всего лишь констатирующая форма того, что уже существует. Право в этом смысле всегда первично по отношению к закону, но в тоже время закон, особенно если учесть то, что на планете Земля не создано и не существует во всех отношениях идеальных вещей, является несовершенной формой, даже, в некотором смысле, «жалкой пародией» на блистательную, безупречную материю, которую мы именуем правом. И тем более парадоксально, что право неизвестно людям до принятия закона — это некое коллективное бессознательное и потому непостижимое. Всегда было интересно

говорить о тех вещах, которые мы не можем проверить. Или все-таки можем? Так или иначе, но право в этом срезе всего лишь теоретическая абстракция, познаваемая лишь с помощью логически выверенных рассуждений, опирающихся на факты, имеющие условную применимость, ведь право существует лишь в рамках государства.

И, наконец, в-третьих, право — да-да, именно право — позволяет нам судить о справедливости вообще. Если сказать проще, то это будет звучать так: право позволяет нам давать оценку, что справедливо, а что нет. Разберемся в этом более детально. С одной стороны право выражает собой категорию высшей справедливости и непознаваемо, с другой стороны, правом мы пользуемся всякий раз, когда оцениваем справедливость того или иного закона или действия, совершенного в отношении нас. Чтобы не прерывать ход рассуждения о категории справедливости необходимо сказать отдельно.

По этому поводу Марк Аврелий в «Размышлениях» писал: «Что происходит, по справедливости происходит. Проследи тщательно — увидишь. Я не о сообразности только говорю, а именно о справедливости: как если бы некто воздавал всякому по достоинству. Также следи за этим, как уже начал, и, что бы ни делал, делай так, как достойный человек, в том смысле, в каком мыслится достоинство. Сохраняй это в любой деятельности.

Две готовности надо всегда иметь. Одна: делать то, что принадлежит тебе по разуму властителя и законодателя на пользу людей. И еще: перестраиваться, если явится, кто-нибудь, чтобы поправить или переубедить в каком-то мнении. Только, чтобы переубеждение шло по некой достоверности, будь то справедливость или общая польза или что-нибудь такое, а не оттого, что поманила сладость или там слава»¹.

Марк Аврелий высказывает, на наш взгляд, очень интересную точку зрения на категорию справедливости и считаем необходимым отметить некоторые из его выводов, в частности:

• Категория справедливости связывается с человеческим достоинством, то есть с тем, как сам себя человек мыслит (своего рода осознанное определение своего места в жизни). И в этой взаимосвязи содержится искрометная частица того знания, которое мы именуем истинным. Достоинство определяет место человека в жизни и справедливым для него будет то, что он получает в соответствии с тем образом мыслей, который это самое достоинство в процессе жизни формирует, удерживает на до-

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. Т. 1 : Античность. Восточные цивилизации. С. 288-299.

- стигнутом уровне, а в дальнейшем либо развивает, либо деградирует. Чем выше себя человек мыслит, тем значительнее трансформируется для него категория справедливости, и в конечном итоге это может дойти до известных из исторического опыта высот — в этом-то и проявляется ее субъективный смысл.
- Справедливость в обществе это отнюдь не субъективное желание властителя, а объективно сформировавшееся общепринятое мнение людей, которое в свою очередь образовалось благодаря, так называемой «сумме взаимосогласованных воль». Именно столкновение воли различных людей приводило к такому процессу. Поэтому правитель (властитель) должен всегда действовать (в том числе и в законотворческой деятельности) согласно велению своего бесстрастного разума и быть всегда готовым изменить свое решение в пользу народа, а точнее будет сказать, ориентируясь на сложившуюся общественную справедливость, которую понять зачастую бывает сложнее, чем отыскать «иголку в стоге сена». В этом и заключается мудрость правителя. Справедливость в данном контексте сродни порядку, хотя и разнится с ним в той мере, в какой порядок это сложившаяся система общественных отношений, обеспечивающих согласование частных интересов, а общественная справедливость это то, на основании чего порядок должен складываться. Это и есть справедливость в объективном смысле...

Возвращаясь к праву, содержанием которого является справедливость нужно отметить, что:

- Содержанием права является общественная (объективная) справедливость, а не субъективная справедливость, которая у каждого своя.
- Право нематериально и является порождением системы общественных отношений, которые в свою очередь проистекают из «суммы взаимосогласованных воль».
- Право меняется в зависимости от общественного сознания, таким образом, являясь объективно субъективным.
- Практическая значимость такого понимания права колоссальна, поскольку оно является объективным выражением справедливости.
- Мораль в этом смысле отличает от права отсутствие института правовой ответственности.
- Справедливость предшествует праву хотя бы потому, что право нуждается в нормативном закреплении, которое может быть осуществлено только в рамках государства.
- Фактически право выступает в этом смысле постоянно переходным состоянием между законом и справедливостью.

Именно таким мы видим право в современном обществе и государстве — всеобъемлющим, объективно-субъективным, всегда оправданным, абсолютно справедливым и предельно выверенным.

Анализируя этот вопрос чуть шире, и подводя черту под сказанным выше, верным представляется утверждение, согласно, которому право закреплено нормативно, закон закреплен формально, а мораль имеет иное структурное оформление, при всем при этом отличие права от закона заключено в форме, а различие между моралью и правом заключается в институте юридической ответственности. Таким образом, мораль как неписаные правила поведения предшествует правовым нормам, которые имеют в своей структуре государственное принуждение к исполнению и соблюдению, а закон обретает уже материальную форму и является неким венцом процесса установления правил поведения, иначе правотворчества.

Каким же должен быть «хороший» закон? Ответом на этот вопрос может стать выдержка из письма императора Юлиана к Фемистию.

Так, Император Юлиан приводит знаменательные изречения Аристотеля, которые мы не смеем игнорировать: ««И затем, говоря о правителе, называемом правителем в соответствии с законом, который является подчиненным и охраняющим законы, и не называя такого правителя, и не считая его образцом отдельной формы правления, он добавляет: Относительно того же, что называется всецелым правлением, оно состоит в том, что тут правитель властвует над всеми в соответствии со своими собственными решениями, и некоторые считают, что природе вещей не соответствует то, что один является господином над всеми гражданами, ибо необходимо, чтобы у тех, кто подобен по своей природе было одно и тоже право». И далее: «Поэтому кажется, что тот кто призывает разум править, призывает бога и законы, призывающий же человеческое правление прибавляет и звериное, ибо желание таково как и страсть, которая портит лучших людей, поэтому разумное основание без страсти есть закон»¹.

Хороший закон есть порождение «чистого» разума, противопоставляющего общий (общественный) интерес частным интересам тех, кому подобный закон наиболее выгоден. Только ради общего интереса и нужен закон. Однако, при размышлении об общих интересах, у нас может возникнуть вопрос: как отделить частный интерес от общественного? На наш взгляд, самым главным критерием должна быть именно категория справедливости (еще ее можно поименовать категорией «гармо-

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. Т. 1 : Античность. Восточные цивилизации. С. 348-349.

низации общественных отношений»). Заметим, что категория справедливости занимает фундаментальное место в праве и является его фактическим истоком. Лишь тогда, когда человек впервые задумался, что есть добро, что есть зло и как создать оптимальные условия проживания для каждого, безусловно, в примитивной для современного человека форме в людском обиходе появилась справедливость. Этой теме посвящено множество мудрых изречений древних философов и правоведов, и мы позволим себе привести некоторые из них.

Не менее интересен вопрос о том, что являлось первоосновой закона.

Так, Помпоний Секст пишет 1 , что в Риме изначально был, так называемый «произвол царей», затем сформировались обычаи и лишь после этого были приняты необходимые законы.

Если учесть, что римское право явилось базой современного права, то рассматриваемая концепция генезиса права вполне состоятельна и актуальна и по сей день.

В некотором смысле истоки деления права и закона изложил Аврелий Августин в своем произведении «О граде Божием», в частности в книге 14 главе 28: «Итак, два града созданы двумя подами любви: земной — любовью к себе, доведенною до презрения к Богу, а небесный — любовью к Богу. Первый, затем полагает славу свою в самом себе, а последний в Господе. Ибо тот, ищет славы от людей, а для этого величайшая слава — Бог, свидетель совести. Тот в своей славе возносит главу свою, а это говорит своему Богу: «Слава моя и ты возносишь главу мою» (Пс. 3,4). Над тем господствует похоть господствования, управляющая правителями его и подчиненными ему народами; в этом по любви служат взаимно друг другу и предстоятели, руководя, и подчиненные повинуясь. Тот в своих великих людях любит собственную силу, а этот говорит своему Господу: «Возлюби тебе Господи, крепость моя (Пс. 17, 2)»².

Аврелий Августин, образно определяет два града, два мироустройства и два порядка: земной и божественный. Однако при этом он фактически утверждает и то, что порядок в граде земном, несовершенен и направлен к самому человеку, в другом же — в божественном, он идеален и устремлен к Богу. В свете приведенной выше концепции права и закона, можно сделать: признаки права и закона схожи с теми, что приводит в своем произведении Аврелий Августин для двух градов, бо-

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. Т. 1 : Античность. Восточные цивилизации. С. 293.

² Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Н. А. Крашенинникова. М.: Мысль, 1999. Т. 2 : Европа, V—XVII вв. С. 193-194.

лее того, как мы уже отмечали, Аврелий Августин в некотором смысле первый отграничил идеальное право от несовершенного закона.

Предлагаем, в дополнении к изложенному, произвести анализ еще некоторых мнений ученых.

Так, Пьер Абеляр в произведении «Этика или познай самого себя» говорит о необходимости установления справедливости, определяя, грех, как небытие, то есть тень — отсутствие света там, где должен быть свет¹.

Позиция Пьера Абеляра с одной стороны относительно категории справедливости коррелирует с позицией Марка Аврелия, императора Юстиниана и Аристотеля, постольку, поскольку Юлиан приводит в письме слова Аристотеля, а с другой стороны понятие «грех» определяется им не просто как тьма, а как отсутствие света, там, где он должен быть. «Грех» в таком контексте выступает олицетворением, а точнее будет сказать результатом отсутствия справедливости, там, где ей следует быть. Критерием «греха» выступает справедливость, а грех явно ассоциируется с правонарушением.

Фома Аквинский в «Сумме Теологии», в частности в вопросе 90 и 91 говорит: «Всякий ли закон направлен к общему благу. Закон, как правило, устремлен к частному благу, являясь правилом или мерилом...» И далее рассуждая о вечных и человеческих законах и отвечая на вопрос: Существует ли вечный закон? — утверждает, что естественный закон и есть закон вечный².

Затем, при ответе на вопрос: Существует ли человеческий закон? — отвечает: Да, но это частные вопросы, в то время как Аврелий Августин считает, что человеческий закон это закон временный³.

Таким образом, Фома Аквинский проводит линию теории естественного права, основоположниками которой официально считаются Томас Гоббс и Джон Локк, хотя христианство еще в древнее время заявляло о равенстве всех людей перед Богом, ибо все люди созданы по образу и подобию его. По мнению Фомы Аквинского, соотношение законов человеческих и вечных есть соотношение частного и общего, и такая точка зрения имеет право на существование хотя бы потому, что естественные права считаются основными, то есть догосударственными, все остальные в этом случае уже производны от них. Впрочем, конструкция теории естественного права вызывает определенные вопросы, которые нам видятся неразрешимыми.

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Н. А. Крашенинникова. М.: Мысль, 1999. Т. 2 : Европа, V—XVII вв. С. 575-578.

² Там же. С. 582-583.

³ Там же. С. 587-588.

Естественные права ничем формально не подтверждены, и достаточно опрометчивым было бы заявлять, что права на жизнь, собственность и свободное распоряжение ими даны нам от природы, поскольку, признавая это, мы должны с предельной достоверностью утверждать наше происхождение. Возможно, теория Дарвина нам поможет, правда современная наука в этом до конца не уверена. Все же предположим, что она верна.

Такое утверждение предполагает, по крайней мере, что природа, сообразно эволюции, наделила такими правами и каждое животное на земле. Глупо утверждать, что человек уникален, и лишь он имеет естественные права, будучи природным существом. Таким образом, исходя из современной теории права, реализация любого права одним субъектов предполагает корреспондирующую обязанность всех остальных не препятствовать в такой реализации. В этом смысле естественным правам соответствуют естественные обязанности. В таком разрезе, если с правом на жизнь вроде бы понятно, хотя с определенной долей условности: животные лишают других животных жизни только ради «самовыживания», то с правом собственности в его обычном понимании параллели произвести сложно. Связано это с тем, что природа идет по пути наименьшего сопротивления и если, например, голодное животное имеет возможность отнять у другого добычу, оно непременно сделает это, не размышляя о чьих-то правах. Ареал обитания также проблематично признать частной собственностью на землю хотя бы потому, что животные не заботятся об его улучшении. что свойственно человеку. Они используют его лишь для выживания, более того, стремления передать этот участок наследникам у них также не наблюдается. В таком смысле право собственности не может быть признано естественным, потому что животные им не обладают. Человек же придумал его, видимо, для того, чтобы реализовать свое стремление к общественному признанию с одной стороны и найти психологическую материально выраженную опору, а с другой — оставить свой след в этом мире. Ведь приятно же, когда о тебе будут вспоминать после смерти, не так ли?

С правом свободного распоряжения собственностью и правом на жизнь возникают не меньшие проблемы, а возможно и большие, чем были определены нами относительно права собственности, поскольку право распоряжения жизнью (право собственности нами не рассматривается из-за его крайне слабого проявления в животном мире) свойственно лишь человеку. Речь идет, разумеется, о самоубийстве и самопожертвовании. Конечно, в современное время известны эксклюзивные (потому, что очень редкие) самоубийства животных,

но причины их, безусловно, несколько иные (например, изменение климата), нежели у человека. Нет никаких оснований отождествлять эти два понятия. Хотя случаи самопожертвования, ради спасения, например, детенышей известны не только у человека, но и у животных. И главное — свобода у животных ограничена рамками их ежеминутных потребностей, у человека все несколько сложнее.

Впрочем, теория естественного права логично укладывается в рамки заданные изложенной общей теорией права, в той мере, в какой право, признаваясь выражением справедливости, находит свое первоначальное отражение в естественных (базовых) правах человека. Правда, требуется заметить, что, исходя из озвученных недостатков, сама теория естественного права и список естественных прав нуждаются в существенной корректировке.

Нужно отметить и венгерского юриста Иштвана Вербеци, который пишет: «Для чего созданы законы? Божественный закон не есть право, право есть закон человеческий... Юриспруденция — это осведомленность в делах божественных и человеческих, понимание справедливого и несправедливого. Справедливое — это то, что разрешается делать. Несправедливое — то, чего следует избегать» 1.

Таким образом, правомерное и неправомерное это тоже, что и справедливое и несправедливое. Право как выражение общей справедливости, сообразуясь с традиционным пониманием юриспруденции, по мнению, Вербеци, есть дела божественные, человеку не подвластные. В таком случае право выступает своеобразными заповедями, однако разумное подтверждение этому найти с позиции формальной логики найти невозможно. Это связано с тем, что не все люди чтят канонические заповеди. Впрочем, даже, если разделить церковь и Бога и утверждать его присутствие в каждом человеке независимо от его веры, ближе к пониманию справедливости мы не станем, наоборот, таким образом, мы создаем агностическую презумпцию права, что с позиции современного понимания науки неприемлемо и практического значения, конечно, не имеет.

Знаменитый немецкий философ Иммануил Кант в «Метафизике нравов» писал: «Право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы.

При этом принцип справедливости у него выражается так, что прав любой поступок, который, а точнее согласно максиме, которого

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // Н. А. Крашенинникова. М.: Мысль, 1999. Т. 2 : Европа, V—XVII вв. С. 796-803.

свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии с общим законом»!.

В данном контексте, кстати, мы можем усмотреть своеобразный исток принципа согласования воли, играющего системообразующую роль при заключении любого договора, однако наибольшую роль для нас играет определение права, изложенное Кантом, и его принцип справедливости. Иммануил Кант понимает право как совокупность условий, при которых «произвол», представляющий собой абсолютную свободу человека от рождения, одного лица ограничивается «произволом» другого лица. Под условиями в этом случае не стоит понимать только лишь законодательные акты, поскольку эти самые условия могут создавать и другие обстоятельства, способствующие согласованию «произвола», например, не писанные, но общепризнанные принципы права или обычаи делового оборота. Однако за такой широтой понимания скрывается и известная глубина, которая сконцентрирована в понятии принципа справедливости. Под принципом справедливости, проще говоря, Кант понимает предельно возможное согласование свободы поведения любого субъекта со всеми членами обшества, причем такое согласование есть результат действия общего закона. На практике невозможно произвести согласование свободы между всеми членами общества, однако это вовсе не означает, что такое согласование не может быть произведено вообще. Иммануил Кант предлагает в качестве такого средства общий закон, который в некоторой мере условно, можно назвать всеобщим балансом или всеобщей гармонией в том смысле, в каком наше мироздание признается материализмом взаимообусловленной системой. Напомним, что из учения о синергетике известно, что каждая система имеет устойчивость благодаря согласованной взаимосвязи ее элементов.

Соотнося теорию права Канта и теорию права, обозначенную нами выше, согласно которой право является выражением общественной справедливости, которая в свою очередь является субъективнообъективной и, как бы это парадоксально ни звучало, стабильной и изменчивой, можно прийти к следующим выводам:

Содержанием права как явления, в теории Канта является совокупность условий, обеспечивающих согласование воль, то есть, достижение общественной справедливости. К такому выводу можно прийти, исходя из совокупного анализа приведенных определений права и принципа справедливости. Та-

¹ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. // О. А. Жидков. М.: Мысль, 1999. Т. 3: Европа. Америка, XVII—XX вв. С. 309-310.

- ким образом, право у Канта предшествует справедливости, в то время как в предложенной теории права, объективно сформировавшаяся общественная справедливость явилась причиной возникновения права, которое эту справедливость формально закрепило.
- Не имеем желания критиковать кантовскую теорию права, однако не можем не отразить непонятность, с научной точки зрения, механизма формирования права, если последнее явилось первоосновой справедливости, хотя справедливость установлена и определена в процессе действия общего закона, существовавшего задолго до появления людей, а совокупность условий создается людьми. Впрочем, не отметить теоретическую ценность рассматриваемой концепции также не имеем возможности, так как последняя представляет собой основу, на базе которой сложились, в том числе, современные учения о праве.

Интересный возникает вопрос: что первично в условиях современного общества: право или политика? Ответ на данный вопрос не может быть однозначен по определению. И многое в этом вопросе определяет место, которое отдается праву в государстве и теории, объясняющей природу права. Существует так называемая позитивистская теория, согласно которой право это синоним закона — правом является только то, что формально закреплено. Ориентируясь на нее, безусловно, политика первична и право это всего лишь ее инструмент. Если же рассматривать данный вопрос в ином свете, а именно с позиции права как идеального истока закона, то право может быть и первичным элементом по отношению к политике. Это справедливо в той мере, в какой последняя выражается в политических решениях. А политические решения в этом случае должны приниматься в форме законов (точнее будет сказать нормативно-правовых актов). Однако, принимая во внимание, сложившуюся политическую конъюнктуру и отсутствия единого понимания права, мы, с сожалением делаем вывод, что право в современных условиях не может быть первичным по отношению к политике.

Правовая система складывается из совокупности различного рода источников включающих в себя нормативно-правовые акты, правоприменительные акты нормативного и ненормативного характера, так называемые нормативные договоры и такие особые источники права, как конституции и уставы. С одной стороны, взаимодействуя и дополняя друг друга, эти источники образуют собой единую систему, которая охватывает своей регулятивной функцией почти все сферы жизни общества, охранительная же функция охватывает лишь те об-

щественные отношения, которые не отвечают признаку правомерности, иначе говоря, являются недопустимыми с позиции права. С другой стороны нельзя не упомянуть и о генеративной функции права. Данная функция не является первоначальной, то есть присущей праву на момент его фактического возникновения, а представляет собой некую вторичную функцию, производную от общественного развития. Наиболее ярко она проявляется при анализе государства в разрезе системы сложившихся в обществе отношений. Так, государство. выступая непосредственным слугой общества, обязуется защищать его интересы и удовлетворять потребности. Реализация производится в основном путем принудительной аккумуляции (в государстве эту функцию обычно выполняет система налогообложения) имеющихся в обществе средств (размер изымаемых средств, как правило, зависит от сложившейся ситуации) из различных сфер в государственные фонды с целью их последующего рационального распределения в обществе. В фокусе же государства как стабильного ориентира общественного развития данный процесс выглядит несколько иначе. Безусловно, государство, формируя нормативно-правовую базу, способно повлиять на эволюцию общественных отношений посредством установления диспозитивной основы их развития и различных мер поошрительного характера (допустим, налоговые льготы). Другая сторона этого вопроса —пресечение развития коррумпированных (от латинского сотгитро — портить, повреждать) общественных отношений, путем установления императивных запретов и института юридической ответственности. Заметим, что применительно к дозволенным правом методам воздействия на общество, меры юридической ответственности представляются в настоящее время наиболее эффективными и целесообразными. В этой связи нам представляется необходимым обратить внимание на их законодательное установление в соответствии с объективно сложившимися условиями жизни общества, иначе говоря, это требование объективной оправданности. Меры юридической ответственности следует формировать таким образом, чтобы они были взаимозависимы, и дополняли друг друга, тем самым обеспечивая действительное достижение целей наказания.

Таким образом, исследуя данный вопрос, мы опять-таки приходим к извечному выводу, что государство многолико и многообразно, все зависит от того в каком разрезе его анализировать.

Экономика есть искусство удовлетворять безграничные потребности при помощи ограниченных ресурсов.

Питер Лоренс¹.

Экономический компонент

Экономика представляет собой ту сферу жизни общества, которая позволяет реализовывать материальные потребности каждого его члена. Экономические отношения охватывают процессы аккумулирования и воспроизводства материальных благ, и их последующего распределения. В общем-то со времен появления рынка и вплоть до его современного состояния прежними остаются 3 главных вопроса, определяющих сущность этого явления.: Что производить? Как производить? Для кого производить? Да, современный рынок обред государственный контроль, да, регулятивная функция правовых механизмов реализуется достаточно эффективно, но рынок по-прежнему остается стихийным и зачастую предсказать его поведение ничуть не легче, чем предсказывать извержения вулканов, хотя последствия в глобальной перспективе могут быть гораздо хуже кипящего лавового потока на крошечном острове в безбрежном океане. Рынок ежеминутно, фактически, решает судьбы людей: кто будет «купаться в деньгах», а кто вынужден будет «стоять у паперти» решает случай. И, наверное, самое сложное и одновременно самое простое — это угадать или просчитать нужный момент. К сожалению универсальной формулы до сих пор не существует, и судьбы людей решаются волей случая или чередой закономерностей, из которых складывается конкретные жизни — прийти к какому-то определенному выводу невозможно. Да-да речь шла о биржах и торгах.

Таким образом, заметим лишь то, что состояние рынок полностью не может быть прогнозируемо. Не вдаваясь в подробности исторического материала, стоит сказать о том, что начало рыночных отношений лежало в производственной среде. Производство и выгодная реализация произведенного послужило первоосновой рыночного экономического устройства. Затем в этой среде появились банки, и вот тогда пошла балансировка между монетаризацией и производством. Количество денег в рыночном обороте не должно идти в разрез с реальными трудозатратами, а количество произведенного товара должно иметь соответствующий спрос, чтобы избежать перенасыщения рынка товарами с одной стороны, а с другой стороны, чтобы мотивировать производителя к расширению производства. В этом смысле спрос в идеальном варианте всегда должен быть выше предложения: тогда появляется

¹ http://letter.com.ua/aphorism/economy2.php

инфляция, дополнительная эмиссия денежных средств и конкуренция плавно переходящая в монополизацию. Главной этической и эстетической проблемой становится несоответствие рыночных законов, принятых в обществе, и морально-нравственных устоев и правовых идей, за нарушение которых к несчастью ответственности не предусмотрено. Решить данный вопрос призван культурный компонент.

Человек вне общества — или бог, или зверь.

Аристотель¹.

Социальный компонент

Социум или общество — это неотъемлемая основа государства, изъятие или существенная деформация, которой приведет в конечном итоге к его (государства) полной ликвидации. Невозможно провести четкую границу и выработать точные критерии для отделения механизма государственного от механизма общественного. В одном разрезе, вся политика государства, почти всегда, имеет своим конечным направлением воздействие на общество или какую-то составную его часть (например, определенную социальную группу). В другом же разрезе, весь смысл существования общества сводится к поиску оптимальной модели его организации. Иными словами, что после всех этих трансформаций было комфортно жить. Таким образом, и общественный механизм имеет своей идеальной направленностью поиск такого взаимодействия (видов и форм) с государством, которое могло бы обеспечить его интересы. Здесь, конечно, можно, а возможно и стоит отметить, что государство создавалось, как эта самая оптимальная форма организации общества, однако признать данную форму в полной мере удачной в том виде в котором она существует, скорее всего, нельзя. Наряду с позитивными изменениями, происходящими в обществе в процессе взаимодействия с государством, присутствует и ряд негативных тенденций. В современных демократических государствах — это поляризация власти, это развитый бюрократический аппарат, который зачастую ограничивает граждан (членов общества) в реализации ими своих прав. В этой связи, думается, что бюрократия и формализм сейчас не играют ту позитивную роль, которая вероятнее всего им отводилась — документальная «бумажная фиксация» изменения состояния физических и юридических лиц негативно сказываются на развитии общества и государства. Достойной альтернативой «бумажной фиксации» может стать электронная при условии создания полноценной всеохватывающей системы, минимизи-

http://www.aphorism.ru/699_12.shtml

рующей бюрократию. С другой стороны формирование такой глобальной системы приведет к ущемлению свобод граждан в других областях, постольку, поскольку данная система будет применяться. Известно, что чем больше и сильнее система, тем менее значимы и более зависимы от нее элементы. Хотя, об этом мы поговорим чуть позже.

Исследуя вопрос взаимоотношения общества и государства можно говорить и о том, что государство есть производное от общества и это будет правильным. В тоже время разделение государства от общества с теоретической точки зрения необходимо для выявления раздельной проблематики, как в государстве, так и в обществе. Хотя с другой стороны объективно говорить о взаимодействии общества и государства можно лишь при их совокупном анализе. Государство, если можно так выразиться, это надстройка, а общество в этом случае является базисом. Поэтому можно совершенно точно говорить — общество без государства существовать будет, а государство без общества, безусловно, нет. Впрочем, подобные рассуждения могут привести нас к следующему вопросу: на что ориентирована политика? Казалось бы ответ очевиден — только на общество. Однако, этот вопрос далеко не так прост, как видится на первый взгляд.

Философская взаимосвязь понятий цели и средств ее достижения в политике играет, пожалуй, наиважнейшую роль. Оправдывает ли самая благая цель средства явно ей не соответствующие? Конечно. нет. Политик, планируя достичь определенной цели, оценивает ее достижение с позиции той обстановки, которая существует в настоящее время. В последующем средства настолько преобразят окружающую обстановку, что поставленная цель, пускай и самая светлая, будет этими же средствами обесценена, либо станет просто недостижима в пределах той обстановки, которая сложилась благодаря воздействию на окружающий мир не соответствующих средств. При взаимодействии же государства и общества следует учитывать и то, что общество не может быть средством для достижения цели, но должно быть целью, постольку, поскольку формирование государства обусловлено развитием общества. От развития общества зависит и развитие государства. К сожалению, нередко, это простое правило нарушается, возникают «перегибы», приводящие к недовольствам, иногда бунтам и революциям, и почти всегда к деформации сложившегося порядка в государстве. Говорить о социуме можно бесконечно много, но есть ли в этом смысл? Нам думается, что для поставленной цели смысла в этом нет.

Как ни странно, но возвращение к истине зачастую способно пошатнуть даже самые устойчивые постулаты....

Это было сказано как эпиграф к тому, о чем речь пойдет чуть ниже.

Системообразующий культурный компонент

Вероятно — это наиболее важный из всех компонентов, образующих государство как произведение искусства. Организационный, политический, правовой, экономический, социальный компоненты расположены по возрастающему значению для государства, а культурный компонент цементирует их, создавая при этом целостную систему, которую можно назвать произведением искусства. В другом смысле, вся совокупность компонентов образует фундамент для формирования культуры, как коллективной, так и индивидуальной. Постоянное отставание хотя бы одного из компонентов в развитии от общего уровня других компонентов постепенно образует системный дисбаланс. К чему это приводит в государстве можно лишь догадываться, хотя предельно понятно уже сейчас — ни к чему хорошему. Сравнение с литературным произведением позволяет привести такой пример. Главы в романе написаны разными талантливыми авторами, которые не знают о том, что написали до них, и что напишут после. Финал, разумеется, тоже неясен. А в итоге системный дисбаланс. Чтобы привести роман в состояние баланса и гармонии зачастую его приходится полностью переписывать. Аналогичную параллель можно провести и в сторону государства.

Итак, что же, стоит вкладывать в понятие культуры в разрезе государства как произведения искусства?

Для ответа на этот вопрос напомним классическое определение, приведенное в Большой Советской Энциклопедии: Культура (от лат. cultura — возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) — исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях¹. Суховатое устоявшееся определение, которое мы привели, отражает существенные черты культуры в основном материального порядка, упуская ее творческий стержень. В этом смысле более интересным нам видится определение культуры, предложенное в книге I, главе 2 произведения «Роза Мира и её место в истории»: «Культура есть не что иное, как общий объем творчества человечества»². Хотя,

http://bse.sci-lib.com/article067324.html

² http://rodon.org/andreev/rm/1-2.htm

определение и дано безотносительно к какой-либо цивилизации и это может показаться недостатком, однако, при этом оценить охват культуры оно позволяет с достаточной точностью. Весь творческий результат каждого человека, каждой нации, народа и государства на планете Земля умещается в содержании понятия культура.

Творчество формирует эстетическую сторону жизни общества, и поэтому именно культура есть главный элемент, основная база, необходимая для построения такого государства в рамках общества, которое можно было бы назвать произведением искусства.

Поразительно рационально устроено современное государство: бюрократия, формализм, правовой и морально-нравственный нигилизм — вот лишь немногие проблемы такой рационализации и в этом ключе «эстетизация» (то есть формирование нового культурного пласта, объединяющего все элементы государственного механизма в стройную, четкую систему) способна создать то необходимое начало, которое будет способно упорядочить рациональные элементы, которые были рассмотрены нами ранее.

Итак, перечислим основные культурные ценности, которые позволяют говорить о процессе «эстетизации»:

1) Общие моральные и нравственные идеалы.

Мораль принято считать показателем высокого уровня социализации, а нравственность показателем духовного роста человека. Правда, нет единства понимания данных явлений. Так, для одних мораль и нравственность являются тождественными понятиями, для других же эти понятия абстрактны и непонятны. Мы считаем, несправедливым и объективно не оправданным, считать мораль и нравственность понятиями тождественными. В связи с этим видим необходимость в отражении принятых определений данных понятий для более точного исследования рассматриваемого вопроса.

Итак, мораль (лат. *moralis* — *касающийся нравов*) — один из основных способов нормативной регуляции действий человека. Мораль охватывает нравственные взгляды и чувства, жизненные ориентации и принципы, цели и мотивы поступков и отношений, проводя границу между добром и злом, совестливостью и бессовестностью, честью и бесчестием, справедливостью и несправедливостью, нормой и ненормальностью, милосердием и жестокостью и т. д.

Нравы — особо оберегаемые, высоко чтимые обществом массовые образцы действий. Нравы отражают моральные ценности общества, их нарушение наказывается более сурово, нежели нарушение традиций. От этого слова происходит понятие «нравственность» — этиче-

ские нормы, духовные принципы, которые определяют важнейшие стороны жизни общества. Латинское слово «moralis» означает «нравственный». Нравы — обычаи, имеющие моральное значение

Понятия морали и нравственности имеют разные оттенки. Мораль, как правило, подразумевает наличие внешнего оценивающего субъекта (других людей, общество, церковь и т. д.). Нравственность в большей степени ориентирована на внутренний мир человека и его собственные убеждения.

Нравственность в широком смысле — особая форма общественного сознания и вид общественных отношений.

Нравственность в узком смысле — совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу.

Нравственность представляет собой ценностную структуру сознания, способ регуляции действий человека во всех сферах жизни, включая труд, быт и отношение к окружающей среде.

Исходя из приведенных определений, можно выявить, что мораль и нравственность — это две стороны ценностной ориентации человека, где мораль объективирована и тождественна нравственности в широком (объективном смысле) и является общественно направленной, причем обязанность исполнения моральных норм диктуется самим обществом. В тоже время нравственность в узком (субъективном смысле) предполагает глубокое усвоение человеком моральных норм, которые становятся уже не столько оптимальными правилами поведения в обществе, сколько правилами жизни самого человека.

Стоит отметить, что нормы морали и нравственности в отличие от правовых норм иную структуру и не предполагают государственных санкций.

2) Особенности национального менталитета.

Особенности национального менталитета — это те ключевые, исторически сложившиеся особенности духовного, моральнонравственного и этического состояния конкретной нации, которые определяют ее уникальную индивидуальность.

Оригинальность как основная характеристика произведения искусства в рамках государства проявляется в первую очередь в особенностях национального менталитета. Таким образом, нравственноморальные качества свойственны всем без исключения людям и обществам. Национальный же менталитет присущ только представителям определенных наций. Поэтому особенности устройства и формирования любого государства складываются из особенностей национального менталитета проживающих на его территории наций.

В этом смысле в пределах культуры мораль и нравственность выступают универсальными правилами организации общественной и индивидуальной жизни, объединяющими рассмотренные выше компоненты, а особенности национального менталитета выступают средством индивидуализации, конкретизации и детализации, универсальных правил применительно к сложившейся в обществе обстановке.

Конкретизация, детализация и индивидуализация универсальных правил фактически и отражают сущность творческого коллективного процесса создания государства как произведения искусства. Образно говоря, культура в этом фокусе отвечает на вопрос: как строить государство? А остальные компоненты отвечают на вопрос: что строить в государстве?

Теперь рассмотрим последнюю культурную ценность, необычную для традиционного подхода к их пониманию.

3) Устои миропорядка.

Устои миропорядка в данном контексте отражают принципиальные, подтвержденные историческим опытом и условиями объективной действительности, фундаментальные законы существования и развития окружающего мира. Слишком громко, не правда ли? Считаем, что нет. Устои миропорядка выявляются сквозь призму исторического опыта, окружающей действительности и логических сопоставлений известных (очевидных) фактов с фактами предполагаемыми. При этом известные факты обосновывают факты предполагаемые, а факты, предполагаемые с фактами известными позволяют нам сделать вполне обоснованные выводы и вывести требуемые формулировки. Предлагаю, эту игру абстрактных слов, за которой, между тем, стоит конкретный смысл, проиллюстрировать. Однако, мы не будем претендовать на абсолютную точность этих законов, понимая, что их справедливость нуждается в серьезном исследовании, но все же позволим их себе привести:

1) Закон всемирного магнетизма;

Добро и зло — созидание и разрушение — хорошее и плохое. Две исходные категории, по-разному именуемые в человеческом мировоззрении. Основной, вернее,даже будет сказать, первоначальный критерий, ибо он позволял человеку определять и отделять нужное от ненужного, то к чему стремиться необходимо и то, чего стоит избегать. Исходные начала человеческого мироздания, построенные на базе антиномических понятий, которые, между тем, существуют в единстве. Впрочем, это конкретная отсылка к другому закону, который мы рассмотрим чуть позже.

Известно, что магнетизм проявляется в материальных формах или в физическом плане, например гравитация, однако магнетизм проявля-

ется и в нематериальных формах или в плане метафизическом. Добро притягивает добро, созидание способствует дальнейшему созиданию, а разрушение находит свое отражение в дальнейшем разрушении — мы обозначили исследуемое явление, конечно, несколько образно, однако достаточно, на наш взгляд, понятно. Примером данному явлению может служить глобальное разрушение государства, которое формирует разрушение частной жизни его граждан или формирование государства, которое иначе, лучше, чем было, благоустраивает жизнь своих граждан. Это был, конечно, план очевидный или физический, метафизический же план проявляется, например, в том, что оскорбление человека влечет его обиду по отношению к обидчику или же реакционный ответ «злом на зло». Привести подобных иллюстраций можно огромное количество, однако мы считаем это нецелесообразным.

2) Закон единства и борьбы противоположностей;

Сущность данного закона состоит в том, что всякое развитие возможно лишь при противоборстве двух антагонистических начал, а их единство наблюдается в стремлении к эволюции.

Смысл описания того, что уже и так всем известно в том, что созидательное и разрушительное начало образуют эволюционный импульс при своем постоянном столкновении.

3) Закон сохранения общего баланса;

Объяснение данного закона начнем с изложения общих понятий. Синергетика гласит, что всякая система, во-первых, стремится к равновесию и сбалансированности, во-вторых, она стремится сохранить обретенный порядок. Справедливость такого подхода находит свое подтверждение в анализе исторического материала, единичные факты которого в совокупности позволяют говорить о потенциальной возможности дальнейшего хода событий. Другой вопрос в сложности получения такой совокупности фактов. Тем не менее, исторический ход, в теории, можно просчитать, причем достаточно точно. Стоит отметить, что предельная обусловленность всех явлений и процессов при любых научных исследованиях, как правило, презюмируется, поскольку отсутствие такой обусловленности предполагает невозможность установления тенденций, закономерностей и законов, а это в свою очередь нивелирует ценность научных исследований вообще. Сообразуясь с такой презумпцией, мы полагаем, что весь окружающий мир абсолютно детерминирован (взаимообусловлен) и постольку, поскольку его разрушения, по крайней мере, в прошедшие две тысячи лет (от Рождества Христова, разумеется) не произошло, он представляет собой систему достаточно устойчивую. В таком случае он имеет совсем неплохую сбалансированность, и даже более того, разрушение и созидание в их первоначальном состоянии уравновешены всегда. Периодические же скачки от созидательных времен к разрушительным, как подтверждают изложенные выводы, так и свидетельствуют о цикличной борьбе двух антагонистических начал.

Поэтому мы считаем, что данный закон не только имеет право на существование, но и является одним из тех постулатов, на взаимодействии которых строится наше мироздание.

4) Закон сочетания субъективного и объективного начал мироздания. Объективное — то, что существует независимо от нас, субъективное, соответственно все то, что является производным от человека (мысли, чувства, эмоции и их реализация), причем от человека конкретного. В полной мере распоряжаться своими возможностями может только один человек, коллективная воля общества в полной мере реализована быть не может, поскольку ее реализация преломляется через разум людей, которые это общество образуют. Вполне закономерная тенденция: чем больше общество, тем сложнее реализовать его волю. И мешает в этой реализации именно субъективное начало каждого. Разберем природу общественной воли более подробно, чтобы лучше уяснить смысл исследуемого закона. Общественная воля — это преломленная сквозь «призму выявления» суммарная воля всех ее членов. «Призма выявления» в данном контексте это средство, с помощью которого эту самую волю можно выявить. В современном государстве это, например, референдум или выборы, при этом только государство в полной мере обеспечивает реализацию подобных «призм выявления». Призмой я назвал средства выявления воли потому, что воля в большей или меньшей степени искажена и не в полной мере объективна. Во-первых, потому существует множественный субъективный фактор, который посредством «призмы выявления» трансформируется объективную, а точнее субъективно-объективную волю народа, потому, что народ может выступать и выступает субъектом государственно-правовых отношений.

Хотя с другой стороны любая воля в этом мире субъективна и объективна одновременно. Субъективна потому, что выражена единичным представителем, субъектом, обладающим способностью ее выразить, а объективна потому, что она, хоть и очень слабо, но влияет на общий миропорядок.

Смысл сочетания объективного и субъективного начал мироздания, по нашему мнению, состоит в том, что объективное и субъективное начало преобладает в воле каждого существа, способного эту волю выразить.

В целом же озвученные и кратко исследованные законы обладают постоянным, комплексным, системным и совместным действием без преобладания какого-либо из них. Мы допускаем возможность суще-

ствования еще множества подобных законов, однако видим необходимость отметить в пределах данной работы лишь эти.

В рамках культурного компонента считаем необходимым дополнительно осветить рационально-эстетический аспект государственного строительства в той мере, в какой он связан с произведением искусства.

Рационально-эстетический аспект

Поразительно удачно объединяет эти два, казалось бы, не слишком совместимых понятия, рационального и эстетического, такое явление как искусство. Примечательно и то, что результат искусства — произведение искусства — есть сочетания, если можно так сказать, «разумного» и «красивого». Разум, выверено манипулируя плодами вдохновения, например, элементами языка, позволяет расположить подхваченные, как будто из ниоткуда, строчки таким образом, что они обретают эстетическое свойство, иначе говоря, привлекают других людей. Фактически любое творчество есть процесс взаимодействия разумного и духовного начал, необходимое сочетание которых позволяет добиться результата. Критически значимым считаем указать на то, что произведение искусства может быть признано таковым только если соблюдена пропорция в воздействии разумном и эстетическом: «красивый» результат творчества лишенный смысла не имеет право именоваться произведением искусства, также как и, «заумное» выражение мысли, лишенное всякой эстетической привлекательности, не имеет ровно никакой творческой ценности.

В заключение всего сказанного приведем удивительно вписывающиеся в рамки исследуемой темы, даже, несмотря на то, что обращены были они к уже минувшей эпохе, слова знаменитого русского философа Николая Бердяева: «Для осуществления социальной правды, для уничтожения эксплуатации человека над человеком, для создания бесклассового общества совсем не нужно свободного творчества, философии и эстетических ценностей, вредна религиозная мистическая настроенность, противоречит цели социальной революции аристократическое понимание духовной культуры. Все это лишь отвлекает от социальной борьбы, мешает осуществление единого на потребу. Внешне это кажется правдоподобным, но внутренне, по существу это абсолютно ложно и обнаруживает раздробленность и слабость человека. Революция в глубоком смысле слова, если она не есть только перемена одежды, как слишком часто бывает, есть целостное, интегральное изменение человека и человеческого общества. Нельзя осуществлять социальной правды без истины и красоты. Если жизнь, созданная после социальной революции, будет уродлива и будет находиться на очень низком уровне познания истины, то это будет показателем внутренней порчи. Уродство есть тоже ложь. Красота как высшая ценность нужна для социальной реорганизации общества. Иначе исказится тип человека, не будет стиля и формы, образа и гармонии. При утилитарной точке зрения использования оказываются допустимыми все средства. Тут мы встречаемся с самой зловещей ошибкой в жизни. Нет ничего более злого, чем стремление осуществить во что бы то ни стало благо. Это обыкновенно означает не излучение благостной энергии, преображающей человека и человеческое общество, а скорее излучение злой энергии для осуществления благостной цели. Преображающую же правду нужно видеть не столько в том, чтобы человек ставил себе благостную цель, осуществляя ее средствами, не похожими на цель, сколько в том, чтобы он излучал благостную энергию. Средства в гораздо большей степени заполняют жизнь людей, чем цели, которые могут делаться все более и более отвлеченными. При точке зрения качественных ценностей цели осуществляются теми средствами, которые сами признаются ценностями. Ужас человеческой жизни заключается в том, что добро осуществляют при помощи зла, правду — при помощи лжи, красоту при помощи уродства, свободу при помощи насилия»¹.

От себя добавим: не революцией, но эволюцией должны осуществляться преобразования. Средства же должны быть не менее и не более ценными (иначе сами цели не будут иметь никакого значения, как, впрочем, и развитие), чем сама цель, чтобы не было необходимости что-то оправдывать. В этом тоже заключена эстетика.

Государство как произведение искусства: системное понимание.

Суммируя все изложенное и отдавая себе отчет в практической невозможности рассмотрения в пределах данной работы всех компонентов и всех аспектов государства как произведения искусства, мы считаем, что пришло время предложить свое заключение относительно исследуемой темы.

Государство как произведение искусства, — это не вновь «изобретенный велосипед» и не явление, выдуманное, образно говоря, из ничего, но фактически — это уникальная адаптация относительно «идеальной» государственно-правовой модели к объективно сложившимся условиям существования конкретного общества. Такой вывод

Бердяев Н.А. Фрагменты из книги «Царство духа и царство Кесаря» // http://www.vehi.net/berdyaev/carstvo.html

вытекает из комплексного осознания того, что каждой практической реализации предшествует та или иная теоретическая модель. Так же, как созданию произведения искусства предшествует выбор сферы, темы работы и разработка ее концепции, так и государство появилось на базе созданного ранее теоретического фундамента и коллективно выраженной воли народа. И при всем этом устройство любого государства на планете Земля неповторимо.

Таким образом, исходя из изложенных выше выводов и обобщений, основанная на комплексном, системном правовом регулировании демократия, как мы считаем, является наилучшим из придуманных человечеством вариантов государственного устройства. Поэтому мы в качестве заключения предлагаем общую концепцию «идеального» правового демократического государства.

В рамках общей концепции сначала отразим ключевые позиции, ранее исследованных компонентов:

1) Организационный компонент.

- 1.1 Базовый принцип формирования системы государственных органов должен быть основан на особенностях национальной культуры и активной комбинации различных схем;
- 1.2 Необходимо повсеместное применение электронного документооборота и автоматизация осуществления функций государственных органов;
- 1.3 Необходимо создание единой базы юридических состояний граждан и организаций для минимизации бюрократических проявлений;
- 1.4 Государственное устройство должно быть ориентировано на достижение социальной справедливости (справедливости в объективном смысле).

2) Политический компонент.

- 2.1 Формирование единой политической культуры, проистекающей из общей культуры и ориентированной исключительно на достижение социального благополучия;
- 2.2 Социальное благополучие, достигаемое только при постоянном соответствии цели и средств ее достижения;
- Исчерпывающая законодательная регламентация политических методов и методик;
- 2.4 Переход от принципа разделения властей к идее «конструктивного взаимодействия власти». Это необходимо постольку поскольку:

- Современные условия жизни общества для эффективного управления государством часто требуют консолидации всех ветвей власти;
- Существует объективная невозможность, в соблюдении традиционного значения принципа разделения властей, невозможно произвести распределение (именно, распределение, а не разделение) власти равномерно. Как показывает общемировой опыт, власть сосредотачивается, как правило, либо в сфере законодательной власти, либо в сфере власти исполнительной. Это в свою очередь нивелирует сам смысл рассматриваемого принципа.
- Согласно современному пониманию генезиса государства, власть, изначально принадлежащая народу неделима, неотчуждаема и едина. Она может быть только добровольно делегирована правительству. Этот факт позволяет говорить о том, что власть следует формировать согласно традиционному делению властей с одной стороны для реализации специфических полномочий, а с другой стороны важные политические решения должны приниматься посредством согласования воль в рамках открытой дискуссии. По причине того, что мы освещаем только общую концепцию «идеального» государства конкретные формы взаимодействия позволим себе упустить.
- 2.5 Политические решения должны «претворятся в жизнь» только в правовых формах.

3) Социальный компонент.

- 3.1 Общество и государство не есть одно целое, но есть базис и надстройка. Поэтому одностороннее принятие решений государственных органов должно быть заменено на взаимное согласование частных и публичных интересов, то есть непосредственные, в том числе и электронные формы;
- 3.2 Формирование системы контролируемых гражданами общественных организаций посредников, представляющих интересы отдельных граждан и групп граждан во взаимодействии с государством;
- 3.3 Отсутствие, в виду правового равенства четкой стратификании общественных слоев.

4) Правовой компонент.

- 4.1 Утверждение права как основного выражения социальной справедливости в объективном смысле. Это предполагает и формальное разделение права и закона и материальное определение источников и сферы действия правовых и законодательных норм.
- 4.2 Изменение роли права в общественных процессах. Сущность данного предложения выражается в новом осмыслении права как идеала, к которому нужно стремиться складывающемуся общественному порядку.
- 4.3 Трансформация механизма формирования права (установление баланса между формированием «сверху вниз» и «снизу вверх»). Текущий принцип формирования права в своей основе несет фактическую прерогативу законотворчества и правотворчества органов законодательной власти. Практически все законопроекты исходят от высших органов государственной власти (преимущество исполнительной). Граждане государства, являющиеся согласно современной юридической доктрине единственными носителями суверенитета и обладающие всей полнотой власти, фактически отстранены от процесса принятия закона и формирования права. Наиболее яркой иллюстрацией этого явления может быть современный «европеизированный» процесс принятия законов (законотворчество): парламент и правительство являются главными субъектами, народ же выразить свою волю фактически не может. Считаем это критическим недостатком современного государственного строительства, который существенно снижает ценность идеи, гласящей, что народ является единственным источником суверенной власти любого государства. В этом смысле наблюдается явный перекос уже упомянутого «правотворческого баланса» в сторону,так называемой власть имущей элиты.

4.4 Разработка «материального подхода» к праву.

Отождествление права с законом приводит к формализации подхода к его определению. Право рассматривается как «буква закона» или только то, что написано. Данный процесс приводит и к формализации требований (бюрократии) для реализации субъективных прав граждан. Таким образом, своеобразным эталоном, образчиком права выступает закон, что, по нашему мнению в корне не верно. Бюрократия, являясь с одной стороны институтом обеспечения и гарантии реализации прав, с другой стороны выступает уже своеобразным огра-

ничителем. В этом вопросе мы обозначили комплексную проблему, частичное решение которой возможно при формировании электронного документооборота, полное же только при эффективном взаимодействии всех сфер жизни общества.

5) Экономический компонент.

- 5.1 Обеспечение баланса в рыночной экономике между частными интересами и интересами публичными. Это предполагает, по крайней мере, то, что свободное распределение материальных благ должно быть эффективно ограничено политикой государства так, чтобы минимизировать такое негативное явление как «бедность»;
- 5.2 Общественный и государственный контроль за функционированием рыночной системы;
- 5.3 Принятие важных решений в отношении рынка на основе консенсуса между государством и обществом.

6) Культурный компонент.

- 6.1 Культурные ценности должны являться фундаментом всяческих государственных преобразований;
- 6.2 Культурные ценности должны быть постоянными и устойчивыми с одной стороны и постоянно пребывать в развитии для соответствия текущему уровню развития общества с другой;
- 6.3 Культура системообразующий элемент государственного строительства и поэтому ее надлежащему формированию в народном сознании следует уделять особое внимание.

Так в целом выглядит наша концепция «идеального» демократического правового государства. Изложив свою точку зрения, мы, разумеется, не отрицаем иных подходов к пониманию государства как произведения искусства, более того, надеемся на их дальнейшую теоретическую эволюцию.

Сехин И.В. Российский государственный университет им. И. Канта, факультет юриспруденции, 2-й курс

Государство как произведение искусства

Формулировка темы «Государство как произведение искусства» явно подразумевает соотношение понятий «государство» и «произведение искусства». Увы, это означает, что нам не обойтись без пролога.

Автор считает уместным в первую очередь предуведомить читателя, как понимается государство, которое будет фигурировать в последующем изложении. Государство, о котором пойдет речь в данной работе — это, прежде всего, современное национальное государство. Термин «национальное» подчеркивает факт историко — социокультурной (если угодно, гражданственной) общности людей, объединенных данным государством. [4]

Выработанные политической мыслью многочисленные понятия и определения государства позволяют сделать следующие выводы:

- 1) государство это продукт жизнедеятельности общества в целом (здесь не касаемся чисто теологических доктрин).
- 2) при любом определении государства речь идет об определенных властных институтах, государственном аппарате, системе властных государственных органов, в деятельности которых заняты специфические социальные группы;
- 3) развитые, сложные, противоречивые объективные потребности общества в государстве определяют и само назначение, функции, цели, задачи, деятельность государства; при этом теоретически несущественно, о чем идет речь о достижении «лучшей жизни», «общей пользы», «общего блага» или же о самоорганизации, самоуправлении общества с помощью государства. [2]

В связи с этим любое государство понимается в качестве публично властным образом интегрированного, организованного и управляемого социально стратифицированного общества. [4] Искушенный читатель, конечно, отметит, что данные признаки являются внешними (формальными).

В качестве оправдания автор ссылается на сказанное по аналогичному поводу А.Ф. Лосевым: «...Хотя употреблены мною и обыкновен-

ные слова, но они взяты не в их обычном спутанном значении, а в... проанализированном и зафиксированном смысле. Поэтому пользоваться полученной у меня формулой может только тот, кто хорошо усвоил себе диалектику... категорий... нельзя ограничиться только конечною формулой как таковою». И как тут не вспомнить профессора М.Н. Марченко, отмечавшего, что в процессе познания нельзя смешивать понятие (или определение) и понимание государства. Понимание государства предполагает выработку развернутой системы понятий и определений, создание своего рода теоретического портрета государства. Однако подобный «теоретический портрет» заслуживает работы, по объему сопоставимой с докторской диссертацией. Автор не считает себя готовым к подобного рода научным изысканиям, поэтому ограничивается определением государства.

Итак, ограничившись определением, но надежно (хочется верить) вооружившись пониманием государства, мы можем смело переходить к анализу категории искусства.

Сталкиваясь с такими понятиями как искусство, произведение искусства, чувствуешь себя ребенком в кондитерской. Во всем, что касается искусства, можно ссылаться на бесчисленные теории, школы, доктрины, которые породили и которых придерживались сотни художников и ученых, а также на бесконечные споры, в которых мелькают вечные и неизменные персонажи этой «Commedia dell'arte»: Природа, Традиция, Новаторство, Стиль, Правдивость, Прекрасное и т. д. [3] Автор понимает искусство следующим образом.

Искусство — это художественное освоение действительности, то есть, по сути, мы имеем дело с формой познавательной деятельности.

Что же отличает искусство от других форм познавательной деятельности?

Прежде всего, личностный характер познания.

Эмоциональный компонент входит составным элементом в «объект отражения», т.е. в произведение искусства. Тем не менее, ошибочно сводить искусство к объективации эмоциональных переживаний художника, т.е. к сугубо индивидуалистическому абстракционизму. Когда мы говорим об искусстве, то также подразумеваем осознанную мыслительную деятельность художника. Поль Валери, в своей работе «Об искусстве», объясняет сочетание в художественном образе «льда и пламени» мысли и чувств смешением двух качеств, приписываемых художнику: одно — это его особый врожденный дар, его индивидуальное, несообщаемое свойство; другое состоит в его «знании», в усвоенном опыте, который может быть сформулирован и сообщен. Искусство в этом значении есть качество способа действия (вне зависимости от объекта), которое пред-

полагает неравноценность методов, а следовательно, и результатов, обусловленных неравноценностью исполнителей. [3]

Далее необходимо выявить признаки, по которым можно определить произведение искусства. Наиболее интересной, и, главное, обоснованной автору представляется точка зрения уже упомянутого Поля Валери, сделавшего, на первый взгляд, несколько неожиданный вывод: наиболее очевидной особенностью произведения искусства может считаться его бесполезность. (!)

Для подержания нормального функционирования организма требуется очень небольшое количество активности мозга, между тем мозг человека устроен чрезвычайно сложно и обладает целой гаммой разнообразных «опций». Как следствие, человека ежесекундно одолевает сонм «бесполезных ощущений». Присовокупите к этому факту априорное отвращение восприятия к бездействию, и вы получите объяснение стремлению разума найти нечто, способное питать наши действия, дать им смысл. «Бесполезные ощущения», по Валери, могут быть чрезвычайно навязчивы, более того, мы понуждаемся ими желать, чтобы они тянулись подольше или возрождались.

Эта «власть чувств» сравнима с потребностью, однако есть одно «но» — удовлетворение не ликвидирует, а воскрешает желание, стремится поддерживать эту жажду до бесконечности. Если мы пытаемся сообщить надлежащему материалу такую форму, которая соответствовала бы приведенным выше условиям, значит, мы создаем произведение искусства. В целом же надо сказать, что идеи Валери (столь импонирующие автору) во многом созвучны с иллюзионистской теорией. Не вдаваясь в подробности, скажем, что иллюзионистская теория понимает искусство как чудесный обман, доставляющий наслаждение человеку. [9]

Итак, покончив, наконец, со скучными, но столь необходимыми дефинициями мы можем дать оценку заглавию данной работы.

В.И. Лафитский: «Я выскажу такую четкую мысль, четкий тезис — государство не возникло бы, если не было бы искусства». [10]

Автор склонен согласиться с данной точкой зрения, хотя бы потому, что государство — это всегда результат социально-духовного, политического, культурного творчества людей, общества. Взаимосвязь государства и искусства можно проследить на примере формационного подхода к типологии государства. Совершенно очевидно, что фундаментальные изменения в обществе, инициализирующие переход к новому типу государства, находили отражение в художественном освоении действительности. Но все же особый интерес вызывает другой вопрос: можно ли считать искусство фактором, напрямую опреде-

ляющим закономерности развития государства? Положительный ответ на этот вопрос представляется автору мало приемлемым. В противном случае слова Артура Миллера следует понимать буквально: «Эпоху можно считать законченной, когда истощились ее основополагающие иллюзии». Автору представляется, что искусство и государство развиваются параллельно, но, в тоже время, исходят из единого корня.

Если сопоставить и проанализировать все вышесказанное о государстве и искусстве, становится понятно, что, не смотря на кажущуюся несовместимость понятий, прослеживается сущностная взаимосвязь данных явлений.

Вне всяких сомнений, главное (но не единственное!), что роднит государство и искусство, это власть. Что такое власть? Феномен, многоликий в своих проявлениях, изучение которого неизменно сопутствует всей истории мировой социально — философской и политикоюридической мысли. Приводя в пример такие имена, как Аристотель, Конфуций, Ш. Монтескье, Т. Гоббс, Г.В.Ф. Гегель скажем, что у каждого из этих философов был свой ответ на поставленный выше вопрос. Автор, пользуясь известной привилегией, отлает предпочтение следующему определению: «власть в общем смысле есть способность и возможность субъекта оказывать определенное воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств — воли, авторитета, права, насилия». [7] Это самое общее определение власти, но коль скоро мы имеем дело с государством, нам не безынтересно его сущностное содержание, т. е. политическая власть. Природа политической власти кроется в том, что именно в государственных формах управления обществом власть получает свою относительную самостоятельность от иных видов общественной деятельности (выделяется из общества и становится над обществом). [8]

Политическая власть, безусловно, не есть лишь следствие конфликта интересов антагонистических классов, как полагали К. Маркс и марксисты. Однако аппаратно организованная политическая власть на всех этапах реализации (в большей или в меньшей степени) сталкивается с сопротивлением подвластных. Причины такого сопротивления могут быть весьма разными. Несомненно, подвластный ждет от улучшения жизни: приобретение богатства, престижа, свободы и т. п. Но в то же время власть — это и самоцель для властвующего, интересы которого могут не совпадать с интересами подвластных.

Такой конфликт интересов можно решить только одним способом: добиться, чтобы потребность общества в государстве пересиливала

отвращение к нему. Этой цели можно достичь разными способами, и «волшебным» эффектом искусства в частности.

«Волшебным», именно «волшебным», уважаемый читатель. Ведь тот, кто обладает властью, в первую очередь может формировать потребности и интересы других людей, зависимых от них. Искусство же возбуждает в нас потребность обращаться к нему снова и снова — очень заманчиво, не так ли?

Естественно, власть имущие просто не могли игнорировать такую возможность.

Примеры так называемой «эстетизации» государства встречаются повсеместно: создаются красивые ритуалы, фактическое положение «самого главного винтика» госаппарата сакрализируется и т. д.

Скажем так: государство стремиться походить на произведение искусства с целью обретения большей легитимности в обществе. В сущности, об этом и говорил Я. Буркхардт, формулируя тему «государство как произведение искусства». Тут стоит согласиться с А.В. Захаровым: «Сама концепция государства как произведения искусства не была сформулирована Буркхардтом в каком-то законченном виде. Она сводилась в основном к мысли, что государства и их правители того времени считали достижения в сфере культуры и искусства крайне важными для укрепления престижа государства и их собственного». [10]

Данную идею выдвинул Николай Рерих, формулируя уже эстетическую концепцию правового государства. По мысли Николая Рериха, через национальное законодательство идеи защиты культуры от войн, вандализма, а также от «тихих погромов», пренебрежения, игнорирования, экономического унижения и остаточного (после военных расходов) финансирования должны проникать во все поры государственного аппарата и институтов гражданского общества. Этот процесс должен будет необратимо повернуть государство и общество в сторону прогресса и мира. [13]

Автор пока воздержится от оценок идей великого художника (об этом после), и уделит внимание подведению некоторого промежуточного итога.

Расставляя точки над «i» относительно понимания государства как произведение искусства, надо отдавать себе отчет в том, что никакая «эстетизация» государства не приведет к его отождествлению с произведением искусства. В результате, как максимум, получится эрзац — в самом лучшем смысле этого слова. В нашем же случае речь идет не о подчинении государством искусства, примерами чего изобилует история, и не о союзе с ним. Государство как произведение искусства — это государство совершенно особого типа, появление которого может

быть обусловлено только глубочайшими изменениями в обществе, и еще более глубокими изменениями в человеке. Государство как про-изведение искусства — это панацея, универсальное решение вечного конфликта властвующего и подвластного, когда один наслаждается властью, а другой кричит: «еще, еще, еще!» Государство как произведение искусства — это организация общества, основанная на властном отношении, не нуждающимся в каких бы то ни было формах принуждения, потому как нет сопротивления. Государство как произведение искусства — это крах политической структуры, сформированной по принципу иерархии, ибо надобность в ней отпадает. Государство как произведение искусства — это смерть национального государства и рождения нового, построенного не по принципу «разделяй и властвуй», а по принципу «объединяй и направляй».

Государство как произведение искусства — это прекрасно, потому что так считают все, кто умеет считать.

Автор может с уверенностью сказать одно — государство как произведение искусства несет в себе колоссальный ресурс тоталитаризма. Впрочем, «невольникам, влюбленным в трон» будет уже все равно. Перспектива узреть воочию государство как произведение искусства маловероятна, особенно если вслушаться в слова Г.В.Ф. Гегеля: «Государство — не произведение искусства, оно находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности и заблуждения». [6] Эту точку зрения автор рассматривает как коронный тезис будущей научнопрактической конференции «На путях сотворения государства как произведения искусства». Но в рамках данной работы нельзя полностью исключить возможность возникновения (существования) государства, черты которого представлены выше. Иначе теряется острота и злободневность, да и вообще всякий смысл исследования. Поэтому автор предлагает немного пофантазировать. И начнем мы с сопоставления и анализа фактов, что, согласитесь, не вполне свойственно фантазерам.

Для того чтобы произведение искусства было произведением искусства, должен быть зритель, плененный его красотой. Для того чтобы государство было государством, необходимо общество, существующее под его опекой. Следовательно, нет государства без общества, как нет произведение искусства без зрителя. Государство есть продукт жизнедеятельности общества в целом, произведение искусства есть продукт творческой деятельности художника. В этом аспекте противоречие между государством и искусством проявляется особенно остро. Ведь если мы приписываем государству как произведению искусства в равной степени признаки государства и искусства, то по

умолчанию признаем его (государства) творцом не художника, но зрительскую аудиторию. Этот парадокс весьма комичен, однако наводит на интересные мысли.

Государство, родившееся из одной лишь совокупности соответствующих предпосылок нельзя назвать произведением искусства просто потому, что оно по определению таковым не является.

Вместе с тем, без объективных предпосылок, без нужды общества в политической организации, даже самый талантливый художник неизбежно потерпит наудачу. Еще один неприятный парадокс. Ну что ж, автор обещал фантазировать. Итак, предположим, что в силу очень разных причин некое общество имеет явную необходимость в государстве, однако стеснено как внешними, так и внутренними обстоятельствами, нивелирующими всяческие предпосылки к образованию государства. Представляется, что только в таких условиях уместно рассуждать о какой либо роли художника как творца государства. Далее, художник, фактически творящий государство, должен иметь ясный художественный образ, материальное воплощение которого и будет являться государством. Важно отметить, что в художественном образе государства как произведения искусства следует дифференцировать план и образ будущего творения. В этом смысле план есть воплощенное качество способа действия, именуемое искусством, определяемое индивидуальными свойствами художника. Образ будущего государства в той или иной степени отражает утопические представления членов общества о «лучшей жизни». «добром, мудром. вечном» и так далее. Вместе с тем, формирование художественного образа как целого есть исключительная прерогатива художника. Это обстоятельство определяет статус художника как члена данного общества и исключает очень заманчивые, но, к сожалению, не состоятельные представления о нем как о неком посланце «иных цивилизаций». Художник творит и существует в обществе и для общества. Вспомним слова И. А. Ильина: «Государственное дело начинается там, где живет общее, т.е. такое, что важно и всех объединяет...» [11]

В этом смысле художник предстает перед нами как настоящий гражданин. Пресловутые общественные интересы выступают лишь как сумма «частных» интересов его членов, художник же мыслит об общем. Но не будем наивны: для общества важен лишь образ, пленяющий их разум.

Это означает, что, в сущности, художника слабо интересует, чем движимо общество, используемое им для достижения лично его, (художника) цели. Цель же эта — государство как произведение искусства — представляется автору далеко не однозначной (об этом уже

упоминалось выше). Такой подход к сотворению государства рождает массу вопросов.

Во-первых, можно ли признать государством крайне специфичное образование, отвечающие представленным выше условиям? Исходя из дефиниций, представленных в прологе данной работы, и отдавая себе отчет в сложности поставленного вопроса, автор берет на себя ответственность дать категоричный ответ — нет. Да, общество властным образом интегрировано, но в основе такой интеграции лежит совершенно особый вид власти. Хотя, разумеется, импонирующая автору точка зрения о политической власти как о сущности государства далеко не бесспорна. Кроме того, характер исследуемого образования исключает наличие целого ряда институтов, являющимися неотъемлемыми признаками «классического» государства (об этом уже было упомянуто выше). Государство как произведение искусства в них просто не нуждается, потому как, собственно, государством не является.

Во-вторых, мягко говоря, поражает размах творческой мысли художника. Но, увы, даже самый одаренный художник смертен. Вместе с тем, произведение искусства, а государство тем паче, не создается в одночасье (автор приносит извинения за резонерство). Этот факт низводит материальное воплощение художественного образа в ранг научной фантастики. В самом деле, это становится смешно: общество, застрявшее между этапами своего развития, и трансформирующий это общество художник-супермен, который насильственным образом интегрирует общество в им же созданную эстетическую модель.

И все это действо разворачивается в «сфере произвола, случайности и заблуждения». В сущности, автору остается только сделать ряд простых выводов и дать некоторый прогноз относительно возможных вариантов развития событий:

- 1) Общество либо деградирует, либо пойдет по «классическому» пути развития.
- 2) Художник не успеет воплотить свои замыслы в жизнь.
- 3) Художник не сможет воплотить свои замыслы в жизнь.

И, наконец, самый безумный вариант развития событий: художнику все удалось, он воплощает художественный образ в материальной форме. Но весь фокус в том, что с этого момента стартует обратный отсчет фактическому существованию его творения. Общество подвержено изменениям, напротив, государство как произведение искусства статично. Оно обречено умереть, как умрет личность, сотворившая его. Новое поколение придет на смену предыдущему и принесет с собой новые идеалы и ценности. Идея их инкорпорация в уже суще-

ствующий художественный образ абсурдна — достаточно представить себе Венеру Милосскую, которой современники имплантировали конечности. Объективные закономерности развития государства возобладают над стечением обстоятельств, всесильное время сделает из некогда бесконечно прекрасного художественного образа скучную легенду. Печально? Вовсе нет.

Автор ни в коей мере не намерен отказываться от своего мнения. В условиях определяющего характера эмоционального компонента рассматриваемого нами квазигосударства, моральные качества художника ставят подвластных в очень щекотливое положение.

В таком случае, уместно ставить вопрос об ответственности художника за свое творение. Увы, на практике она не подлежит реализации. Ответственность перед кем или чем — потомками, богом, совестью? Вздор. Аристотелю принадлежат слова: «Совесть в негодяе пробуждает пощечина». Звучит как призыв к действию, но, увы, художникунегодяю не грозит узнать угрызений совести. Уже упоминалось, что сотворение государства как произведения искусства предполагает прекращение фактического существования национального государства. Обратная закономерность здесь очевидна. Однако эти формы организации общества отнюдь не являются антиподами, как это может показаться на первый взгляд. Но не являются они также и следствием взаимной эволюции. Государство как произведение искусства — это, безусловно, редкое исключения из общего правила, шоковая терапия для общества, волею случая познавшего значение шахматного термина «пат». Художник создает творение, которое по определению не может являться средством, оно самоценно. Этим и объясняется его удивительная устойчивость к внешним и внутренним раздражителям. Но государство по сути своей является средством, этот очевидный вывод исходит из самой природы человека, ставящего потребность личной свободы превыше всего. Не поворачивается язык назвать государство как произведение искусства чуждым личной свободе, но фактически дело обстоит именно так. Этот аспект представляется ключевым в оценке сущностных свойств государства как произведения искусства.

Здесь автор вновь возвращается к эстетической концепции правового государства Николая Рериха. Не об этом, нет, совсем не об этом мечтал Рерих, когда добился принятия договора «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников». [15]

Представляется, что Николай Рерих сформулировал единственно приемлемый тип взаимоотношения государства и искусства, воплошающий их взаимовыгодный союз.

Превращение искусства в служанку государства никогда не принесет тех дивидендов, какие можно получить от превращения достижений культуры в движущую силу экономического, политического и духовного прогресса. Да, да, конечно, это кажется наивным. К тому же, есть более удобная альтернатива — война. Она тоже питает прогресс, но, вот беда, приводит к массовой гибели людей. По странному стечению обстоятельств среди жертв оказываются подвластные, и почти никогда — власть имущие. Смерть, голод, и нищета для одних, делегитимация политической власти — для других. Финал известен каждому, кто на досуге листал учебник истории. Кто-то еще считает идеи Николая Рериха наивными? Эстетическая концепция правового государства Николая Рериха — это шанс для государства выжить и не быть пожранным лихорадкой внутренних противоречий. Государство как произведение искусства — это самое прекрасное и ужасное, что может ждать нас в будущем. На этом все.

В качестве эпилога хотелось бы сдуть пыль с одного старого доброго лозунга, и со всей ответственностью заявить: «make love not war»¹, дамы и господа.

К сожалению, сейчас этот лозунг актуален, как никогда.

Список литературы

- 1. Алексеев П.В., Йанин А.В. Философия: Учебник. М.: ТК Велби; Проспект, 2003.
- 2. Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2004.
- 3. Валери П. Об искусстве. М.: Искусство, 1976.
- Мамут Л.С. Государство в контексте глобализации // Право и политика. 2004. №1.
- 5. Байтин М.И. О понятии государства // Правоведение. 2002. №3.
- 6. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
- 7. *Любашиц В.Я.* Государственная власть: понятие, особенности и виды // Правоведение. 2002. № 6.
- 8. Зуев П.В. Власть как категория политики // Право и политика. 2009. № 9.
- 9. *Балонова М.Г.* Искусство и его роль в жизни общества: Учебное пособие. Нижний Новгород: Издательство ВВАГС, 2007.
- Государство как произведение искусства: между эстетизацией и рационализацией (часть 1)
- 11. Ильин И.А. О государственной форме // Государство и право. 1991. № 11.
- 12. Богуславский М. Пакт Рериха // Наука и жизнь. 1975. № 6.
- 13. *Баренбойм П*. Эстетическая концепция правового государства // Новая адвлятская газета. 2010. № 8
- Буркхардт Я. «Культура Возрождения в Италии: Опыт исследования» М., 1996
- 15. Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакт Рериха) http://www.icr.su/rus/evolution/pact/

¹ Занимайтесь любовью, а не войной (англ.).

Гибадатова Л.И. Сибайский институт Башкирского государственного университета, юридический факультет, 3-й курс

Государство как произведение искусства

Искусство бывает настолько разнообразным, что порой тяжело понять, можно ли считать им то или иное творение. Обратимся хотя бы к «Черному квадрату» Казимира Малевича, который, по-моему, и стал знаменитым как раз из-за постоянных споров вокруг него: относится ли картина к числу мировых шедевров? Мнения разделились, но те, кто находит картину уникальной и высоко оценивает идею художника, готовы заплатить за нее миллионы. Так уж устроен мир: все оценивается в универсальном денежном эквиваленте. Одни не видят никакого смысла в черном квадрате на белом холсте, а другие до глубины души тронуты оригинальным ходом Малевича, который позволил зрителям самим представить все, что они хотели бы увидеть. Картина пробуждает фантазию, выводит на поверхность даже те мысли, что скрываются не только от окружающих, но даже от самого себя. Из простого квадрата рождаются сложные фигуры, которых, вполне возможно, даже нет в реальности.

Это к тому, что искусство можно найти там, где меньше всего ожидаешь его встретить. И чем больше споров вызывает произведение, тем оно необычнее, оригинальнее и достойнее, чем другие. Даже «Мона Лиза» признанного и непревзойденного во все времена гения Возрождения Леонардо да Винчи вызывает споры и неоднозначные оценки. Доходит до того, что в прекрасном лице итальянской аристократки, ставшей самой известной женщиной, находят дьявольские черты. Что уж говорить о «Черном квадрате», который оставляет бесконечный простор для воображения!

Но искусство — это не только произведения живописи, архитектуры, скульптуры, музыки, литературы и другие виды духовного творчества людей. Государство — тоже произведение искусства, но своим уровнем оно намного превосходит любые картины или эпопеи. Скажу более — это самое грандиозное, сложное, важное творение человечества, оставшееся без подписи автора, потому и не утихают споры о причинах возникновения государства. Оно охватывает все, что есть в мире, регулирует все отношения, события и процессы. По крайней мере, те, что происходят на подвластной ему территории. Практически,

на Земле почти не осталось территории, не входящей в состав того или иного государства. Как неудавшаяся картина, государство тоже может быть неидеальным, а выражаясь более специфичными терминами — не правовым, не демократическим, не либеральным и пр. Оно испытывает на себе критику политологов или правительств других стран, словно театральная пьеса — рецензию специалистов. Неважно, было бы людям лучше без государственных структур, или их организация сказалась на общественной жизни исключительно в положительном ракурсе, потому что на сегодняшний день большинство населения земного шара не представляет себе иного образа жизни. Анархисты еще ни разу за всю историю мира и время своего существования не достигали своих целей.

В истории становления российской государственности наша страна прошла множество этапов, пока мы не пришли к тому, что сейчас имеем — демократическую Российскую Федерацию, по форме правления — президентскую республику. Страна стремится получить статус полноценного правового государства и проводит соответствующую политику. А начиналось все еще с древнего легендарного Рюрика... До призвания на Русь варягов здесь существовали зачатки государственности, но именно он и его потомки смогли образовать единое государство, которое прошло множество стадий, трансформируясь из одной формы в другую: Киевская Русь, Русь удельная, Московское царство, Российская империя, СССР и, наконец, Российская Федерация. Политический курс страны неоднократно менялся, все зависело от того, какие люди приходили к власти, какие идеи они преследовали и претворяли в жизнь, изменяя судьбы миллионов и неся за это ответственность. Осознавали ли они это, создавая Судебники, Соборное Уложение 1649 года, подписывая указы и манифесты? Конечно, зачастую сильные мира сего думали о пользе определенных сословий в ущерб остальным.

Параллель «слабый — сильный» неумолимо соблюдается во всех сферах деятельности, нельзя победить этот природный закон. Человечество, даже вступая в двери постиндустриальной цивилизации, не может отделиться от природы. Здесь можно сопоставить государство и природу: государство могло образоваться как следствие стремления людей освободиться от зависимости от природы, окружающей среды. Яркий пример — деспотия древнего Востока. Для подчинения природы, в частности — рек, и создания оросительных каналов были жизненно необходимы мощные управленческие силы. Но, как показывает время, этого недостаточно. Человечество все еще зависит от многих факторов естественной среды, внутри социума остаются сопернические отношения, корни которых заложены в нашем генофонде.

Но случалось, что и слабые оказывались на высоте. Например, вспомним Манифест 19 февраля 1861 года. Много говорится о незавершенном характере реформ Александра II Освободителя, но крестьяне все же были освобождены от многовековой кабалы. Но еще более ярким примером служат октябрьские события 1917 года. Это был коренной перелом в истории государства. О нем не стихают дискуссии и споры, загадок не становится меньше и спустя столетие. Произошло нечто неординарное: эксплуатируемые смогли разорвать угнетающие их цепи.

Каждый политик — своего рода творец. Он творит историю, жизнь народа. Таким деятелем был и Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Его произведение искусства называлось СССР...

Самая знаменитая теория стадиального развития общества — марксизм. Марксизм возник в середине XIX в. Согласно этому учению, общество в своем развитии переживает пять формаций: первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. Первая стадия коммунизма — социализм. В Европе XIX в. время возникновения марксизма — это период мощного индустриального развития, то есть европейские страны переживали бытие четвертой формации капиталистической. Но по данной теории она непременно обречена на гибель в силу своих противоречий и слабых сторон. Переход от капитализма к следующей формации происходит через социальную революцию, которая неизбежна из-за растущих противоречий между классами, всеобщего обнищания народных масс и обогащения только буржуазии, активности рабочего класса. Революция происходит одновременно в большинстве развитых стран мира, где рабочий класс стал очень многочисленным и сумел встать на защиту своих интересов. Это необходимое условие, так как мировая буржуазия сможет собрать силы и подавить социальную революцию, произошедшую лишь в одной стране.

В конце XIX в. многие положения этой теории пересматриваются, так как они не оправдались в реальности. Уровень жизни рабочего класса вырос в 2-3 раза, дикие формы эксплуатации изжили себя, для защиты своих прав рабочие создают профсоюзы, государство становится гарантом удовлетворения социальных нужд населения.

Тем не менее, в России марксизм не просто стал особенно популярным, но и был претворен в жизнь. Особую заслугу в этом имеет В.И. Ленин.

Как известно, в начале XX века в России произошел ряд революций, которые привели к социально-экономическим, политическим и культурным переменам, отразившимся на всех сферах жизни общества. Они происходили из-за обострения многочисленных болезненных, многовековых проблем, которые требовали немедленного реше-

ния. «Промедление смерти подобно» — эту фразу можно было назвать девизом времени, хотя лозунгов было предостаточно. Мало того, что над царизмом висел грозовой тучей наболевший аграрный вопрос, национальный, рабочий, так еще и разразилась Первая мировая война, молнии которой стали решающими в судьбе российского трона. Апофеозом борьбы масс можно считать смену монархии республиканской формой правления, власть перешла в руки пролетариата. Страна находилась под диктатурой пролетариата более семидесяти лет.

Самым ярким борцом Октябрьской революции, без сомнения, являлся В.И. Ленин. Но в своих работах он использует выводы Маркса. Ленин говорит, что социальная революция может победить и в отдельно взятой стране, где пролетариат даже не в большинстве. Он делает вывод о «слабом звене в цепи мирового империализма». Россия — то самое слабое звено с инфантильной, слабой буржуазией, которая, в силу «догоняющего» характера российской промышленности не способна удержать в руках власть. Кроме того, пролетариат в России должен быть поддержан крестьянами и нерусскими народами. Здесь Владимир Ильич снова воспользовался российской реальностью. Одними из самых острых вопросов во все времена в России были аграрный и национальный. Самодержавие мучилось ими и не могло разрешить, себе же во вред. В начале XX в. видимо, все еще считалось, что угнетаемые классы не способны оказать успешное сопротивление эксплуататорам. Любые народные волнения прежних лет самодержавие победно преодолевало, вот и надеялось, что и на этот раз все уляжется. Российские самодержцы по сравнению с европейскими, крепко держались за трон, корону, скипетр и державу. Да только у русского мужика лопнуло терпение, и он пошел против своего менталитета:»не нужна мне эта «сильная рука», «Долой царя!», «Да здравствует демократическая республика!», «Долой войну!», «Хлеба и мира!», «Вся власть Советам!». И, что странно, так и случилось! Впервые простой люд добился того, чего хотел и требовал. Дорого ему это досталось, ценой жестокой революции, предательского, разорительного Брестского мира, братоубийственной Гражданской войны... Вот до чего народ-то довели: ничто его не останавливало. А руководил этими действиями еще более «доведенный» Ленин.

Родился Владимир Ильич в Симбирске, в семье инспектора народных училищ. С детства отличался усердием, хорошей учебой, любознательностью и разносторонностью взглядов и интересов. Первое потрясение в его жизни — казнь старшего брата Александра, образца для подражания, дорогого человека в жизни. После этого события он переживает не только утрату горячо любимого брата, но и пытается помочь родным, вдвойне страдая, видя их неугасающую боль. В кор-

не меняется его жизнь. Ему не позволено ехать туда, куда он хочет, учиться тому, чему он мечтает. Вокруг одни запреты, и виной всему — вечное российское самодержавие. Но вечное ли? Зато перед ним были открыты нараспашку двери революционного подполья.

Остается только гадать, как российское самодержавие закрывало глаза на революционное настроение масс. Немало сказано об отсутствии у Николая II таланта и способностей и других многочисленных причинах бездействия или же бездарного руководства, вплоть до слабоумия. Но этот человек, несмотря на нежелание править, был в состоянии осознавать тяжесть ответственности, что легла на его плечи вместе с монаршим титулом. Он не мог не править, тем более, что уж к концу-то своего царствования Николай должен был понять, что должен быть императором независимо от своих собственных желаний. Я считаю, что император просто-напросто исключал любую возможность социалистической революции, разумно считая это утопией. Как еще можно объяснить многие его ошибки, которые по своей сути были не совсем и глупыми, если принимать во внимание ход мыслей Николая о невозможности воплощения марксизма в реальность? Но он не смог предугадать, что народные массы легче поддаются давлению харизматичной личности, не особо и разбираются в теориях и учениях, а к тому же объединены перед единым, скажем так, «врагом» или тормозом развития — царем.

Изучив труды Маркса и Энгельса, Ленин задумывается о возможности коммунизма в России. А почему бы нет? Главная цель у него уже сложилась: во что бы то ни стало избавиться от многовекового рабства и давления трона. Необходимо было разработать план действий для ее достижения. Марксизм — чем не верный путь? Социалистыреволюционеры оказались не слишком организованными, чтобы справиться с задачей смены режима, что подтверждало множество их неудачных терактов, распады эсеровских организаций, внутрипартийные споры и разногласия. Буржуазно-демократическое направление его тоже не интересовало как «пристанище»: как можно вступать в их ряды, если они допускают сохранение самодержавия? И Ленин склоняется к новому для общественно-политической мысли России течению — к марксизму.

Нельзя считать его гением в привычном нам ракурсе: он не разработал своего учения, а приспособил чужое к своим нуждам. Но он заслуживает имя Великого хитреца, именно с большой буквы. Спланировав план мести, и не кому-нибудь, а самому императору, он разыграл качественный спектакль. Конечно, он не мог не знать, что социализм — это утопия. Даже в настоящее время, когда страна идет к постиндустриальному обществу, мы остаемся реалистами и не считаем возможным наступление такого идеального общества. Социализм — это, прежде всего,

не экономика, а менталитет, причем противоречащий природе заложенной в человека логики. Инстинкт самосохранения, естественный отбор, эгоизм пусть даже в малой степени — все это от рождения присуще людям. Поэтому он, прежде всего, думает о себе, а не о благе всех и вся, вот и трудится только для себя. Эту простую истину Ленин не мог не знать.

Он хотел свергнуть царя — он и сделал это. И тут же стал героем для определенных людей. Тех, с которыми он построил диктатуру пролетариата. Для народа он провозглашал социалистические лозунги, создавал видимость общества высшей справедливости. В действительности он достиг, чего хотел: старый режим свергнут, власть в его руках. Он создал новую религию, хотя в ней не было божества. А народ и не подозревал об этом. Пока — не было. Не может общество без Бога, и все тут! Это потребность, которая стала близка по своей значительности к биологической. А тут не стало ни царя-батюшки, ни Господа. Как быть? Кому поклоняться и почитать? Выход был найден. Все это вылилось в последующие годы в культ личности, тоталитарный режим, преклонение перед вождем. Во всем этом были обвинены определенные люди, в частности — И.В. Сталин, который подвергся критике после знаменитого XX съезда КПСС. А, между прочим, вина лежит не только на нем. Вина в ментальности российского народа, хотя от этого народ нельзя назвать виноватым. Грубо говоря, так уж получилось.

Социализм не имеет места быть, пока есть система развитых торговоденежных отношений. Пока есть деньги, люди будут копить их для себя, а не для общих, пусть и благих, социальных нужд. Россия не могла на данном этапе так просто перейти к социализму. Национализация собственности и все прочие экономические реформы носили незавершенный характер. Даже возникает подозрение, что Ленин и остальное руководство намеренно пускали пыль в глаза народа, обманывая его. Перед руководящими государственными постами должна была вырисовываться четкая картина действительности. Они не могли, как остальная толпа, в силу своего ответственного положения и всех вытекающих из этого последствий, жить мечтами о коммунизме. Кто-кто, но Ленин уж точно был реалистом и ясно видел обстановку. Соответственно, они видели, что советская действительность далека от социализма, и тем более — от коммунизма. Благо для них, что даже сами Карл Маркс и Фридрих Энгельс не давали четкого определения этим понятиям. Можно было запросто вертеть понятиями, запутывая трудовые массы.

Кстати, о трудовых массах. Власть захватил пролетариат. То есть, часть рабочего класса стала управленцами, соответственно, эта часть просто поменялась местами со своими предшественниками. А до октябрьских событий 1917 года фактически страной управляли

буржуазно-демократические партии. Рабочий класс выполнял функции эксплуататора, функции не своего класса. Таким образом, в России была лишь видимость социализма, притворство. Страна якобы шла к обществу высшего блага. По мнению некоторых, это было возвращение к феодализму или даже особенная форма капиталистического развития.

Итак, Владимир Ленин создал свое государство. За него он долго боролся, но тем желаннее была победа. Насколько удачным было его произведение? По-моему, это самое оригинальное творение человеческого разума и души. Это самый настоящий шедевр мирового значения. Я не завышаю уровень, так как ни один человек не повлиял на ход истории столь сильно, как Ленин. Задумка автора была просто потрясающей: он скрыл ото всех истинную цель, прикрывшись ложной. Ни одной ложной истине еще не поклонялись с таким упоением. Перед этой ложью не устояла даже религия: церкви всех существовавших в стране конфессий превратились в светские заведения. СССР — произведение элитарного характера, так как суть его была ясна лишь малой толике населения, да и те — помощники автора, подмастерья...

Свою роль это произведение искусства выполнило, вместе со смертью автора необходимость в нем исчезла, он уже отомстил... Но власть получили новые люди, которые с новыми силами подошли к проблеме и продлили жизнь данной модели государства.

Странно, но в искусстве иногда встречается такая ситуация, когда под одним слоем краски встречается другой, представляющий собой совсем иную картину, описывающий порой то же событие, что изображено на верхнем слое, но с нового ракурса. Российское государство — точно такое же произведение. Многочисленные слои были наложены друг на друга, сокрыты под толстым слоем цветов и оттенков, которые до сих пор меняются. Полотно нашего государства постоянно меняется, в зависимости от освещения. Оно часто дорисовывается. То, что раньше было темным, легко может стать светлым, и наоборот. Сюжеты не постоянны. Даже то, что уже было сделано, не является фактом. Мы сравнивали государство и с картинами, и с романомэпопеей, и с театром. На самом деле — это до того растяжимое, относительное, и вместе с тем незыблемо утвердившееся понятие, что является воплощением всего, поэтому и стоит намного выше по уровню. Уильям Шекспир сказал, что вся жизнь — это театр. Все жизнь это государство, государство — это вся жизнь.

Не хочется оценивать творение Ленина. Как историк, я могу слишком ограничить его терминами и понятиями, тем самым уменьшив его значение, и буду не права. Как наблюдатель или ценитель искусства я могу быть слишком субъективна, что тоже ведет либо к недооценке, либо к переоценке. Не хочется оскорблять светлые воспоминания многих людей о Союзе Советских Социалистических Республик. А если я начну петь дифирамбы, это ничего не изменит в настоящей политической ситуации. К тому же главным образом мне интересно не то, что получилось и что из этого сделали приемники вождя Октябрьской революции, а потрясающая идея Ленина, его безумная цель, необычный путь следования к ней, весь напущенный туман...

Современные люди настолько привыкли к деньгам и погоне за карьерным ростом, прибылью и богатством, что им тяжело менять свои приоритеты в пользу туманных понятий социализма. Капиталистические ценности прочно утвердились в нашем мировоззрении. Средства массовой информации, политики часто употребляют термин «постиндустриальное общество», к которому, якобы, идет большинство развитых стран, что практически внушили нам мысль об этом, построив цепочку цивилизационного развития. А социализм... Обычно то, что осталось в прошлом, кажется отсталым, консервативным. Сейчас многим неважно, что на самом деле не было построено идеальной модели такого государственного порядка, они считают это прошлым и навсегда там оставшимся явлением, да не модным, в конце концов! А я считаю, что раз социализм не имел места быть, то ему еще предстоит занять целую эпоху в будущем. Теоретики должны выработать более четкие представления о нем, ясные и определенные, обратиться к конкретным историко-политическим примерам и на основе их опыта составить объективную концепцию. Этому можно посвятить много времени и места, потому не станем теоретизировать о данной проблеме сейчас. Маркс и Энгельс сами нечетко представляли себе его сущность, сделав его «пластилиновым», чем воспользовался Ленин, и слепил то, что хотел. Более точные черты социализма можно найти хотя бы в «Утопии» Томаса Мора. Английский мыслитель описывает быт и нравы социалистического общества. По крайней мере, это произведение намного доходчивее, на простых примерах повседневной жизни объясняет то, что теоретики марксизма-ленинизма растянули сухим, терминологическим языком науки на много трудночитаемых томов, пылящихся в библиотеках. И немного философской загадки напоследок: а не одно ли это и то же — социализм и постиндустриальное общество?..

P.S.: К мавзолею Ленина не зарастает народная тропа. Остается загадкой, из-за чего интерес к нему не утихает. Может, есть те, кто все еще верит в идеи социализма и в то, что когда-то жилось легче и лучше. А может, людям просто интересно посмотреть, как выглядит настоящая человеческая мумия не какого-то там египетского, а российского (или советского?) производства...

Государство как произведение искусства

Вопрос об отношении искусства к государству во все эпохи и у всех народов играл огромную роль. Разрешение его сводилось к двум противоположным формулам. Одни говорили — искусство для жизни, другие говорили — искусство для искусства. Одни требовали, чтобы искусство содействовало развитию человеческого сознания и улучшению социального строя, другие требовали, чтобы искусство не ставило себе внешних целей, ибо «искусство само себе цель». Оценку этим точкам зрения надо давать не с позиции «должного», а в зависимости от наличествующих социальных условий и того положения, которое занимают социальные группировки. Влияет ли искусство на государство, и если влияет, то в какой степени, и в каких отношениях вообще находится государство и культура? Этими вопросами мыслители разных эпох и цивилизаций задавались неоднократно и приходили к разным ответам. В процессе развития гуманитарных наук было создано множество теорий¹, посвященных происхождению государства, объяснению его функций, механизмов и методов. Изучение теорий и концепций о происхождении государства не стоит целью настоящего исследования — этим занимается наука теории государства и права, но без перечисления основных концепций нам все же не обойтись — ведь для того, чтобы предложить новую, важную концепцию, достойную даже раскрытия ее в более глубоком диссертационном исследовании, необходимо уважать уже имеющиеся концепции и хотя бы их просто перечислить. Итак, в своем кратком историческом экскурсе в теорию происхождения государства мы должны сказать о следующих существующих теориях происхождения государства: ирригационная теория (К. Виттфогель); историко-материалистическая теория (К.Маркс); органическая теория (XIX в., ее представителями были Г. Спенсер, Вормс, Прейс); патриархальная теория (первым ее основателем был Аристотель; в последствии развитие идеи было най-

¹ *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2004; *Мелехин А.В.* Теория государства и права: Учебник. М., 2007.

дено в трудах Г. Мэма, Д. Мердока, Н. Михайловского); психологическая теория (XIX в., Г. Тард, Л.И. Петражицкий); теория насилия (возникла в XIX в., ее представителями были Л. Гумплович, К. Каутский, Е. Дюринг); теологическая теория (ее представителями были Ф. Аквинский, Ж. Маритен, Ф. Лебюфф); теория общественного договора (первым представителем этой теории также был Аристотель; продолжателями этой теории стали впоследствии Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, А.Н. Радищев). Указанные теории и иные теории, которые, возможно, в процессе развития правовой науки и государства еще возникнут — все будут объединяться такими признаками, как наличие человека в процессе создания государства, наличие воли человека и стремление человека к усовершенствованию механизма управления обществом. А данные признаки свидетельствуют о том, что без человека, без его физического и морального участия государство невозможно, т.е. государство является делом человеческих рук и сознания, а следовательно, уже само по себе представляет каждый раз уникальный образ — произведение искусства. И мы стоим на заре этого открытия в науке теории государства и права — открытия эстетической теории происхождения государства — по крайней мере, среди предлагаемых студентам юридических вузов в различных учебниках и учебных пособиях такой теории не содержится. А потому как теория происхождения государства является чрезвычайно важной, особенно в наше техногенно-прагматичное время, ей необходимо уделять большее внимание и, по меньшей мере, внести в перечень теорий, преподаваемых в юридических вузах, а в качестве стратегических планов развития теории — на ее основе разработать концепцию дальнейшего развития государства и рассмотреть возможности внедрения культуры как первоосновы развития общества. Обратившись в историю развития культуры необходимо упомянуть положительный эффект работы деревенских клубов и домов культуры в советский период, а в дореволюционное время — культурное времяпрепровождение в деревнях в хороводах и совместных пениях, потому как эти явления были основой для профилактики негативных явлений в обществе и основой для развития и выдвижения из глубинок «самородков», которые впоследствии стали известными культурными деятелями не только России, но и мира — для примера можно привести золотой голос России, Людмилу Зыкину, вышедшую «из народа» и ставшую кумиром многих поколений в разных странах мира, включая Японию.

Суть эстетической концепции государства сводится к тому, что в основе происхождения, развития и краха государства лежит искусство, что именно искусство становится основанием для развития государства, и

именно искусство делает государство произведением искусства, и уже само государство, будучи произведением искусства, является субъектом авторского права, разрабатывая иные произведения искусства. Основоположниками этой теории можно считать Вольтера, Я. Буркхарда¹, Н. Рериха², Д. Андреева³, П. Баренбойма⁴, А. Дж. Тойнби⁵, О. Шпенглера⁶, Э. Ваттеля⁷. Вслед за ними мы попытаемся доказать и раскрыть эту теорию в нашем небольшом исследовании «Государство как произведение искусства». Вкратце уделим внимание некоторым из основателей. Вольтер, идеолог Просвещения, во главу угла поставил образование, науку и культуру, взывал к интеллекту правителей и добивался успехов в развитии искусства и культуры во многих государствах.

Якоб Буркхард, историк и исследователь итальянской культуры Ренессанса (1818—1897), полагал, что творцами исторических эпох были люди искусства, да и сами государства и исторические эпохи представляли собой уникальные произведения искусства.. «Там, где эта тенденция {тенденция неограниченного государственного эгоизма} преодолевается или как-то уравновешивается, на исторической сцене появляется нечто новое: государство как рассчитанное и продуманное творение, государство как произведение искусства» ⁸. Заметим, что Якоб Бурдхард называет произведением искусства не любое государство, а лишь то государство, которое, преодолев свои государственные интересы и амбиции, подчиняется всеобщему праву и заботится о своих гражданах.

Идея государства как произведения искусства была разработана и в России независимыми друг от друга мыслителями. Николай Рерих — философ, общественный деятель, защитник культуры и художник — именно так он известен широкой общественности. Будучи юристом по образованию, он совершил фактически подвиг, добившись на международном уровне признания объектов культуры основной ценностью во время вооруженных конфликтов. Благодаря ему, на

¹ *Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения: Опыт исследования. М., 1996.

² Вся жизнь и деятельность Н. Рериха как юриста, философа, художника и общественного деятеля была направлена на защиту культурных ценностей мира, что выразилось в Пакте Рериха, подписанном 21 страной мира, и впоследствии в «Конвенции о защите культурных ценностей».

³ Андреев Д. Роза Мира.

⁴ Баренбойм П.Д. Государство как произведение искусства и Конституционная экономика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. №4.

⁵ Тойнби А.Дж. Постижение истории. Сборник. М., 1991.

⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1.М., 1998.

⁷ Vattel E. The Law of nation. 1863.

⁸ Буркхард Я. Культура Италии в период Возрождения. СПб., 1904-1906.

основе пакта, названного его именем, была создана международная «Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» 1954 г., один из протоколов к ней, который на территории Российской Федерации позорно так до сих пор и не подписан.

Даниил Андреев (1906—1959) — философ, писатель, создатель религиозно-философского учения, частью которого являлось мысль о государстве, созданном лучшими умами, философами, деятелями культуры. С точки зрения Д. Андреева все существующее во Вселенной, на всех уровнях — это целостная культура Вселенной, так как сама Природа творится сознательными силами, а значит, она — продукт именно культурного творчества. Существует планетарная, земная культура как часть вселенской культуры, и одно из ее проявлений — культура общечеловеческая. Любая целенаправленная человеческая деятельность создает феномены этой общечеловеческой культуры. В соответствии с этим и государство как целенаправленная человеческая деятельность есть произведение искусства, предмет общечеловеческой культуры.

Таким образом, идея, высказываемая основателями эстетической теории возникновения и существования государства, заключается в том, что «Государство как произведение искусства — это государство, определяемое культурой».

Для раскрытия этого тезиса для начала необходимо определиться с тем, что такое искусство и что относится к произведениям искусства.

Толковый словарь С.И. Ожегова под «искусством» предлагает понимать «1. Творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах. И. музыки. И. кино. Изобразительные искусства. Декоративно-прикладное и. 2. Умение, мастерство, знание дела. 3. Самое дело, требующее такого умения, мастерства. Военное искусство, искусство государственного управления»¹. Под искусством понимается творческая художественная деятельность², творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах³.

В Большом энциклопедическом словаре под искусством понимается «художественное творчество в целом — литература, архитектура, скульптура, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, музыка, танец, театр, кино и другие разновидности человеческой деятельности, объединяемые в качестве художественно-образных форм освоения

¹ Толковый словарь С.И. Ожегова.

² Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ТЕМП, 2004

 $^{^{3}}$ Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А — О (Б-ка словарей рус. яз.).

мира. В истории эстетики сущность искусства истолковывалась как подражание (мимезис), чувственное выражение сверхчувственного и т. п. 2) В узком смысле — изобразительное искусство. 3) Высокая степень умения, мастерства в любой сфере деятельности». В соответствии с данными определениями государство можно отнести к искусству, так как оно выражается через образную форму освоения мира, появляющуюся в процессе человеческой деятельности. Государство как искусство представляет собой особую, ни с чем не сравнимую абстрактно-образную форму, определяемую своеобразием ее политических режимов, форм правления и форм государственного устройства. Здесь снова необходим экскурс в теорию государства и права, но в связи с ограниченностью объема исследования предложим самостоятельно ознакомиться или вспомнить основные положения, прочитав работы по теории государства и права С.С. Алексеева, В.С. Нерсесянца и других исследователей.

Каждое государство уникально, ни одно государство не похоже на другое, даже если их объединяют одинаковые перечисленные выше признаки — каждое государство населяет свой народ, со своей культурой и особенностями, со своими историями войн и побед. Государство — многогранное, сложное произведение искусства, создаваемое неединовременно и не одним человеком, это произведение искусства, в процессе создания которого участвуют веками не только правители и граждане данного государства, но и другие государства, граждане и правители других государств, и все это создается под воздействием природных и исторических факторов. Еще в 1906 году немецкий мыслитель Освальд Шпенглер писал: «Культура — главное содержание истории. Каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. Каждая новая культура пробуждается с неким новым мировоззрением»¹. Последовательно проводимый Шпенглером тезис об уникальности культур, их сменяемости (не преемственности) вел к признанию их ценностной эквивалентности: все они равны по своему историческому значению и должны сопоставляться вне всяких оценочных категорий.

Сравнительный анализ культур, как считает Шпенглер, обнаруживает единство их судьбы: каждая культура проходит одну и ту же последовательность фаз развития, и основные черты каждой фазы тождественны во всех культурах; все культуры сходны по длительности существования и темпам своего развития; исторические события, относящиеся к одной культуре, имеют соответствия (гомологии) во всех других. Культуры, по мнению Шпенглера, возникают «с возвы-

 $^{^{1}}$ Шпенглер О. Закат Европы.

шенной бесцельностью, подобно цветам в поле», и столь же бесцельно уходят со сцены («...лишь живые культуры умирают»), не оставляя после себя ничего.

Но помимо того, что государство как форма, само является произведением искусства, оно не было бы создано без взаимосвязи с другими произведениями искусства — священными текстами, являющиеся литературными памятниками и произведениями искусства, и одновременно первыми законами. Хотелось бы полностью поддержать В.И. Лафитского в его тезисе, что «государство не возникло бы, если не было бы искусства. Израиль был создан только благодаря Торе и другим священным книгам Танаха. Не было бы этих священных книг, не было бы Израиля. Появление священных гимнов Авесты Заратустры привело к созданию древнеиранского государства. Если мы пойдем дальше на восток в Индию, мы увидим, что без «Рамаяны», без «Махабхараты» не было бы ни арийских княжеств, ни древнеиндийских царств. Можно упомянуть такие великие памятники, как поэма Гесиода, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Без них не было бы эллинского мира. То есть искусство так или иначе, рождало государство. И в дальнейшем искусство сопровождало развитие государства, оно оценивало государство, оно корректировало его развитие»¹. Надо сказать, что искусство, как и культура, и по сей день сопровождает общественную жизнь и государство. И уже не просто сопровождает, а интенсивно влияет на механизмы государственного управления и развития. Уровень жизни каждого гражданина своего государства, и уровень государственного управления зависит от того, насколько культурно его общество, его граждане. Как известно из основ культурологии, культура как явление делится на несколько видов². К таким видам относится обыденная и специализированная культура, городская и деревенская, высокая и бытовая и множество других видов, культуры. Т.е. существуют страны, основанные на высокой культуре, и существуют страны, с низким уровнем культуры. И на уровень развития той или иной страны с разным уровнем жизни, благосостояния, уровня преступности, экономических и производственных показателей влияет культура, общественное сознание лиц, населяющих ту или иную страну. В рамках настоящего исследования мы должны сказать, что связь государства с культурой является абсолютной, бесспорной и системной. Так, государство основано на произведениях искусства, оно само является произведением искусства, «производит» объекты культуры в виде

 $^{^1}$ Государство как произведение искусства: между эстетизацией и рационализацией (часть 1).

² *Кравченко А.И.* Культурология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2002.

нормативно-правовых и нормативных актов. Влияние культуры на государство раскрывается на конкретных примерах: так, модель моральноэтического контроля над государством, предложенная Д. Андреевым в «Розе Мира» реализована в Иране, в Германии во времена фашизма, в греческих свободных городах-полисах. Не будем ставить оценки, хорошо это или плохо — но таково влияние культуры, морально-этических воззрений на государственную и общественную жизнь, — в каждом конкретном перечисленном государстве можно дать свою оценку, — важно признать, что влияние культуры на государство существует. И влияние это, как правило, осуществляется не столько посредством высокой культуры, которую мы привыкли в обыденной жизни понимать как музейные экспонаты, скульптуры, картины и музыкальные произведения, важность которых и охрана чрезвычайно важна для всего человечества, сколько культурой обыденной, культурой бытовой. Позволю себе привести небольшой пример из путешествия по Норвегии, которая еще совсем недавно представляла собой рыбацкую деревушку на задворках Европы. Проезжая по дорогам этой страны сегодня, можно заметить небольшие деревянные прилавки, на которых стоят лотки с клубникой и черешней. Вся ягода идеального качества. На прилавке — табличка с ценой и банка для денег. Никакого продавца. Никакого контроля. Никому и в голову не придет украсть, не заплатить или сломать. Возможно ли такое в России? Обратимся к современной культуре нашей страны в советское время считалось, если ты ничего не несешь с завода, фабрики — то ты не такой, как все. То же касается и отношения к природе. По сравнению с невероятно чистой Норвегией — российские побережья водоемов, в которых купаются граждане, завалены грудами мусора. И проблема не в том, что в этих местах плохая администрация поселения — не убирает грязь, а в том, что граждане, приезжающие на отдых, позволяют себе оставлять эту грязь в рекреационных местах. Даже не хочется думать, что стало бы в нашей, некогда «самой культурной стране мира», с такой ягодной палаткой. Путешественники могут привести множество подобных примеров. Поэтому внедрение культуры, бытовой и обыденной, необходимо в нашей стране как воздух. Другое проявление культуры, ее страшное проявление — это восточная культура, на основе которой под лозунгом «глаз за глаз» и «убей неверного» осуществляются убийства безвинных, гибнущих в процессе террористических актов. А виной тому — традиция давать оружие мальчикам с момента. «как они научатся ходить» и внедрение в сознание своих граждан, особенно женщин, чьи мужья были убиты, что только джихад даст им возможность оказаться в раю. Это самые опасные, самые радикальные проявления культуры, проявление которой наглядно продемонстрировано ее участниками. Но есть также и ее невидимые проявления. Например, взяточничество и вытекающие последствия взяточничества — коррупция. Эти явления напрямую не всегда и разглядишь — но это есть проявления культуры, общественного сознания. Если говорить об этих явлениях как о признаках такого произведения искусства как российское государство, то, проанализировав историю, ничего удивительного мы не обнаружим — система «кормления» существовала еще в 16 веке, и традиции, видимо, глубоко осели в генофонде нашего общества.

Можно ли повлиять на развитие общества, государства? Предположительно можно, но для этого необходимо изменить общественное сознание в «восточных произведениях искусства», изменить культуру граждан государства. Но как только появляется слово «изменить» сразу появляется другой вопрос: допустимо ли с политической точки зрения вторгаться в суверенитет. Как считает О. Шпенглер, каждая культура, исчерпывая свои внутренние творческие возможности, мертвеет и переходит в фазу цивилизации, для которой свойственны атеизм и материализм, урбанизация. И здесь встает перед мыслителями, философами и политиками вопрос — есть ли право вторгаться в суверенитет государства, менять его культуру и приводить культуры многих стран к единому знаменателю и единой, вселенской культуре. Над этим вопросом размышлять можно сколь угодно долго, но международное право и право в общем смысле давно дало свой ответ. Тезис «ваше право заканчивается там, где начинается мой нос» действует и поныне. Пора признать и тот факт, что с момента официальной регистрации Евросоюза большинство стран, присоединившихся к Евросоюзу, осознанно согласились на унификацию своих уникальных культур и собственноручный отказ от полной, бесконтрольной самобытности — дав согласие при этом на подчинение общему порядку, единому Закону. Но надо сказать в ответ на скепсис традиционалистов и консерваторов, что по большей части ничего страшного в том, что государства будут объединены под единым Законом Планеты нет. Напротив, возможно, такое воссоединение хоть и унифицирует многие страны, но создаст единое государство Мира, граждане которого будут жить по одним законам и говорить на одном языке. При этом не надо говорить, что для этих стран наступает закат культуры. Полной унификации не произойдет никогда, поскольку даже в одной семье родные братья не могут быть полностью похожими — так или иначе, у них все равно будут находиться различные привычки и пристрастия. И тем более этого не произойдет с государствами с многовековой культурой.

Приняв необходимость во имя государства Мира подчиняться одному Закону, для чего необходимо в какой-то степени отказаться от «лич-

ных» культур, встает следующий вопрос: какими способами допустимо менять чью-либо культуру. Если отойти от позиции толерантности, то надо признать, что «террористическая» или «коррумпированная» культура настолько же опасна, как и культура фашизма, и представляет собой источник опасности для всего человечества. А каким способом менять культуру и внедрять более гуманные основы жизнедеятельности и прививать иные культурные основы — дело политиков. Будет ли внедрение культуры осуществлено с использованием предметов элитарной культуры, либо с использованием образования, либо с помощью методов «народников», путем разъяснения прописных истин при общении с гражданами напрямую, на улицах — дело техническое. Важно одно — во имя блага человечества это необходимо.

Здесь мы должны сделать небольшую ремарку и добавить, что культура, наука и образование является триединым оплотом, идущим всегда вместе. И в том числе, культура может быть преподнесена в процессе образования: общественных форм либо самостоятельного обучения. И все эти общественные институты есть формы влияния на такую структурную единицу человеческого бытия как душа, и делается этой самой человеческой душой: «культура», — по мнению Микеланджело Буонарроти — «неистовство души», и, для него источником вдохновения, в отличие от его не менее талантливого и известного современника Леонардо да Винчи, служила не природа, а именно культура как история человеческой духовности. Того же мнения придерживаются и ученые, представители естественных наук, которые уверены, что основу Вселенной составляет человеческий дух, творящий культуру и образующий посредством силы своего духа общественные формы человеческой деятельности, включая государство, Например, академик геодезии И.П. Герви в своей работе «Вопросы эволюции», также, но уже с научной точки зрения, объясняет, что Вселенная, а соответственно и все формы общественной деятельности, включая государство, строится на основе человеческой энергии, т.е. души человека, которая, по его мнению, имеет вполне материальную структуру.

В данном рассуждении мы подошли к психологической теории происхождения государства и не станем отрицать наличия определенной взаимосвязи, потому как так или иначе во всех теориях происхождения государства огромную, главную роль играет человек и его воля.

Чтобы подвести промежуточный итог, повторим сделанные выводы. Во-первых, государство является произведением искусства как особая форма, выраженная в результатах человеческой деятельности. Во-вторых, качество жизни в государстве зависит от степени развитости культуры или отсутствия культуры (первые государства были соз-

даны и развивались на основе произведений искусства (священных текстов). В-третьих, культура оказывает на развитие государства колоссальное, определяющее значение. Следующий важный тезис заключается в том, что государство также является и субъектом, создающим произведения искусства. Чтобы раскрыть его, мы должны сказать, что каждый нормативно-правовой акт и нормативный акт, издаваемый государством, является произведением искусства. И степень важности, общественной ценности этих произведений настолько высока, что закон делает эти произведения общедоступными и исключает из перечня объектов, подпадающих под защиту со стороны законодательства об охране авторских прав. Так, в соответствии с Гражданским кодексом РФ не являются объектами авторских прав:

- 1) официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований, в том числе законы, другие нормативные акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы;
- 2) государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и тому подобное), а также символы и знаки муниципальных образований;
- 3) произведения народного творчества (фольклор), не имеющие конкретных авторов;
- 4) сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (сообщения о новостях дня, программы телепередач, расписания движения транспортных средств и тому подобное). (ст. 1259, «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.11.2006))

В силу ряда федеральных законов (например, Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») информация, содержащаяся в официальных документах, является общедоступной. Запрет свободного использования таких актов противоречил бы государственным и общественным интересам. По мнению некоторых ученых, нормативные акты и аналогичные им документы являются произведениями искусства и исключены из сферы правового регулирования в силу прямого указания закона для того, чтобы обеспечить их широкое и беспрепятственное использование¹. Данное мнение нельзя не поддержать, поскольку оно, во-первых, говорит о том, что нормативный

¹ *Гаврилов Э.П.* Комментарий к Закону Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» с судебной практикой. С. 101; Произведения науки, литературы и искусства: проблемы правового регулирования. М., 2008.

акт является произведением искусства, а во-вторых, подчеркивает его чрезвычайную важность и общественную значимость. В дополнение к этому мнению есть разъяснения других ученых, почему, помимо указанной причины, нормативные акты и иные акты, выносимые государством, не подпадают под защиту авторских прав: факт авторства на официальный документ должен означать, что у лиц, создавших документ, существуют определенные авторские права -- в первую очередь право авторства, но комплекс их значительно меньше того, который присущ субъектам авторского права в отношении произведений, обладающих авторско-правовой охраной. Поэтому следует признать, что нормативные акты как результат деятельности государства являются произведениями искусства, но степень их общественной важности и необходимости настолько высока, что допустить монополию в их использовании с точки зрения государства беспринципно и невозможно. в результате чего данные объекты авторских прав включены в особый перечень объектов, не подпадающих под защиту авторского права.

Взаимовлияние общественной жизни, государства и культуры настолько значимо, что как в обыденной жизни, так и в высокой культуре достаточно сложно выяснить, в каком месте и что на что влияет. В результате же этих влияний происходят внутренние изменения у каждого из участников бесконечного марафона броуновского движения, закладываются перспективы новых изменений, в результате чего такое произведение искусства как государство находится в постоянной динамике, приобретая новые черты и утрачивая старые. И отследить эти взаимосвязи под силу лишь либо со временем, анализируя исторические процессы, либо будучи очень тонким поэтом, чувствующим метадинамику природных процессов, при этом обладая знаниями в области государственного управления. Максимилиан Волошин, тоже, как и Николай Рерих, будучи юристом по образованию, и также отказавшийся работать по специальности, предпочтя литературный труд, пишет:

«Из совокупности Избытков, скоростей, Машин и жадности Возникло государство. Гражданство было крепостью, мечом, Законом и согласьем. Государство

¹ *Макагонова Н.В.* Некоторые проблемы гражданско-правовой охраны авторских прав в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 10, 11.

Явилось средоточьем Кустарного, рассеянного зла: Огромным бронированным желудком, В котором люди выполняют роль Пищеварительных бактерий. Здесь Все строится на выгоде и пользе, На выживанье приспособленных, На силе. Его мораль — здоровый эгоизм. Цель бытия — процесс пищеварения. Мерило же культуры — чистота Отхожих мест и емкость испражнений».

(13 апреля 1922 Коктебель).

Это стихотворение пропитано отвращением к государству в том виде, в каком оно являлось и является, и к «характеру государства», особенно когда культура в государстве находится не на самом высоком уровне. Такое же страшное, неповоротливое и вызывающее отвращение государство как неповоротливую систему с абсурдными, нелогичными и страшными законами описывает австрийский писатель Франц Кафка в романе «Замок» (также юрист по образованию).

О том же говорит и Е.И. Замятин в романе-утопии «Мы», описывая логически выстроенную, основанную на законе, но абсолютно бесчеловечную государственную систему.

Указанные государства-монстры в произведениях этих и других авторов метафорически взывают к необходимости перемен, построению других государств, в основе которых будут лежать иные принципы, иная, более высокая культура вместо мрака и дисгармоничной реальности.

Государство как произведение искусство, одновременно находящееся под влиянием культуры, вызывает необходимость бесконечно повышать культурный уровень своих граждан, защищать объекты культуры, производимые самим государством. И если международное сообщество это поняло, благодаря русскому мыслителю и общественному деятелю Николаю Рериху, добившемуся реализации своей идеи из литературной, «демагогической», философской парадигмы в материальную плоскость, то также необходимо понимание того же самого и на территории каждой конкретной страны. Это понимание также должно быть выражено в материальной форме посредством приведения в соответствие с международными конвенциями внутреннего законодательства, разработки концепции о развитии культуры, о ее влиянии и интеграции в самые малообразованные районы своих территорий. Но с другой стороны, ува-

жая суверенитет государств и их право на собственную культуру, если, конечно, она не мешает мирному существованию народов планеты, мы можем рекомендовать такое развитие законодательства лишь государствам, пожелавшим присоединиться к предложению, и, автоматически, государствам, участвующим в уже ратифицировавшим международные соглашения¹. Поэтому, громко аплодируя подвигу Н. Рериха, стараниями которого в век отсутствия Интернета и мобильной связи, было достигнуто соглашение между многими странами о зашите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов, хотели бы предложить разработать унифицированное «Соглашение о защите культурных ценностей». Дело в том, что подчас некоторые граждане своей страны могут причинить охраняемым, да и не охраняемым объектам культуры, не меньший, а иногда и больший вред, чем тот, который может быть причинен во время вооруженных конфликтов. Да и просто в силу того, что указанная Конвенция устарела и нуждается в доработке, в ней отсутствуют положения о гражданских войнах, во время действия которых, как вы понимаете, также может быть причинен непоправимый ущерб. Принятую и ратифицированную Конвенцию «О защите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов» 1954 г. можно считать лишь первым этапом в реализации эстетической концепции, а следующими этапами предлагаем разработать новый текст Конвенции «О защите культурных ценностей во время войны», на основе которой разработать Концепцию развития культуры на территории каждой страны. В частности, если говорить о территории нашего законодательства, то такой Концепции не существует, что подтверждает, во-первых, состояние культуры в нашем обществе в постсоветском пространстве, а во-вторых, отсутствие текста Конвенции на законодательном уровне. Тем более, что разработка концепции защиты культурных ценностей в мирное время, а также приведение внутреннего законодательства стран-участников в соответствии с ними соответствовало бы проекту Пакта Рериха. Но по причине наличия правового пробела в законодательстве гражданские войны юридически не относятся к понятию «вооруженного конфликта». Поэтому необходимо не только разработать текст изменений в «Конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» 1954 г. или разработать новый текст Конвенции, но и создать «Конвенцию о защите культурных ценностей в мирное время». Наряду с этим необходимо разработать «Концепцию развития

¹ Не можем предложить такое участие всем государствам, которые, подчас, представляют собой особые, защищаемые ЮНЕСКО формы культуры таких форм общественной организации, например, как первобытные племена в далеких странах Африки, чтобы не нарушать их уникальности, которая позволяет таким «государствам» быть единственными в своем роде произведениями искусства.

культуры» в качестве общего ориентира как для последующих конвенций и международных соглашений, раскрывающих ее, так и для реализации ее на территории каждой страны, подписавшей ее, посредством разработки внутреннего законодательства и его выполнения и обеспечения.

Необходимо признать, что поставленная организаторами конкурса тема «Государство как произведение искусства» лишь поначалу кажется неблагозвучной, балансирующей на грани фантастики, философии и идеализма, но проанализировав и осознав главный тезис эстетической концепции, заключающийся в том, что «государство как произведение искусства — это государство, определяемое культурой», мы приходим к весьма прагматичному пониманию того, что культуру, на основе которой происходит создание, развитие и гибель государства, необходимо развивать, защищать и распространять, что культуру необходимо «нести». И одним из главных способов, которые могут обеспечить развитие и защиту культуры — это императивный ресурс государства, которое само по себе является произведением искусства, но в то же время, может и стимулировать развитие культуры и защищать ее. Закон — вот на что **системно**¹ можно надеяться в такой прагматичной задаче, как повсеместное развитие и защиты культуры. А здесь мы уже полностью переходим в материальную, прагматичную плоскость. Не будем вдаваться в глубокий анализ внутреннего законодательства о культуре, но должны сказать, что оно находится на примитивной, разрозненной стадии развития, и, разумеется, требуется его изменение и более глубокая проработка. И наряду с этим требуется последующее исполнение этого Закона, чтобы слова не повисали в воздухе. А для этого необходим и пересмотр государственного и муниципальных бюджетов — выделение большего количества денежных средств на развитие культуры и образования как способа, несущего основы культуры.

Необходимо это для того, чтобы государство как произведение искусства не было ужасным и безобразным монстром, как это было сказано А.Н. Радищевым в 1790 г. эпиграфом к своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» о государстве Российском: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». При этом также надо учитывать, что произведения искусства не всегда являются олицетворением красоты и высокого идеала — бывают и уродливые произведения искусства. Но все же, при построении государства необходимо стремиться к до-

¹ Конечно, помимо Закона можно рассчитывать на внутренний дух нации, помощь заинтересованных лиц-волонтеров, но системный подход в развитии и защите культуры все же может дать только государство. Хотя идея народников, существовавшая в революционный период, не так уж плоха и достойна обсуждения. И, между прочим, как на частном, так и, снова, на государственном уровне.

стижению высоких целей. И как ориентир для развития государства как особой формы произведения искусства следовало бы ставить целью достижение правового государства. Правда, надо высказать такую крамольную мысль, что само по себе правовое государство — не всегда олицетворение божественного идеала, эталона справедливости — вопрос в том, чьи интересы защищает право. «Расплоди тараканов, и у тараканов появятся права. Права, очевидные для всех. Набегут певцы, которые будут воспевать их». («Цитадель». Антуан де Сент-Экзюпери). Правовое государство без позитивного вектора может быть и разрушительной силой, учитывая, что право является механизмом в решении политических задач, которые могут состоять как в достижении высоких целей, например, в свободных греческих полисах или в «государстве культуры» Лоренцо Медичи, так и в достижении антигуманных целей. как в фашистских государствах. Поэтому необходимо одновременно с построением правового государства, государства как произведение искусства, ставить задачу по развитию и защите культуры как высшего проявления человеческой деятельности, где под культурой предлагается понимать не только совокупность произведений искусства, но и народную культуру, культуру общечеловеческого общения и, что немаловажно, правовую культуру, а само государство с его внутренней, национальной культурой — уникальным произведением искусства.

Эстетическая концепция государства в 21 веке становится более актуальной, чем когда-либо, и ее возможности открываются нам в новом свете. Не воспользоваться сейчас идеями эстетической концепции означает не только обеднить себя и свои государства, но и способствовать появлению негативных последствий отсутствия культуры или культур с негативным вектором. Разработка единой концепции по защите объектов культуры, государственности как уникальных форм произведения искусства на международном уровне и на уровне внутреннего законодательства каждой страны является залогом и гарантией для создания единого правового мирового сообщества, целью которого будет являться протекционистская политика защиты культурных ценностей, создание объектов культуры и развитие мышления своих граждан на высоком фундаментальном уровне. Хочется надеяться, что народы и государства не будут создавать препятствий для сохранения мира, а, напротив, последуют замыслу зарубежных и русских мыслителей Н. Рериха, Д. Андреева и свое существование будут связывать с развитием и защитой общей атмосферы культуры и красоты.

Скуба А.В. Всероссийская государственная налоговая академия Минфин РФ, факультет юриспруденции, 3-й курс

Государство как произведение искусства

В современном обществе принято рассматривать государство как общественный институт, а государственное управление как науку. Конечно, это правильно, однако помимо сухого официального подхода к государственным наукам необходимо применять творческий подход, ведь пики развития государственной мысли и общества достигались именно во времена сопряжения политики и искусства. Наиболее ярким примером этого может служить эпоха Возрождения, ведь именно тогда в затхлое пространство феодального Средневековья вошли философы, поэты и художники и раскрасили однообразное человеконенавистническое время феодализма красками прогресса, толкнув колесо истории вперед на целую эпоху.

Думается, наиболее ярко выразить идеи государственного управления как произведения искусства в художественной литературе удалось Антуану де Сент-Экзюпери в романе «Цитадель». Автор представлял государственного мужа в качестве архитектора, выстраивающего бесконечно сложную по своей структуре конструкцию государства. Каждый гражданин страны представляется в качестве жителя данного сооружения, а законы государства в качестве стен, ограждающих личное пространство каждого человека. Однако архитектура — не единственное поприще строителя государства. Также важна и забота о жильцах «цитадели», гражданах государства. Безусловно необходимо наполнение данного здания различными культурными артефактами, на основе которых формируется правосознание и мировоззрение каждого гражданина. В данной работе мы попробуем рассмотреть, как государство может стать произведением искусства, а политики — творцами.

Конечно, рассматривать государство как здание — избитый прием, известный еще со времен библейской притчи о Вавилонской башне. Однако здание в контексте данной работы будет всего лишь формой, тогда как нам важнее содержание государства — его законы, его граждане и их жизнь.

Как художник, рисующий картину или приступающий к написанию романа литератор, государственный управленец должен понимать

цель своей деятельности. В разные годы государство определяли поразному. На разных чашах весов можно поставить государство как «город Солнца» Томазо Кампанеллы и государство как аппарат насилия Ленина. С одной стороны, можно с уверенностью сказать, что идея Кампанеллы утопична и наивна, тогда как определение Ленина подходит к любому государству, так как система принуждения присуща любому государству и является тем самым аппаратом насилия. Однако идея Кампанеллы о всеобщем равенстве через просвещение, несмотря на свою утопичность, видится более продуктивной, чем достижение равенства через насилие. Но разве это означает, что государственный деятель должен быть утопистом? Отчасти, да. Идеи коммунизма не менее утопичны, однако средства, используемые строителями нового государства, несли в себе вполне реальную жестокость.

Таким образом, строя новое государство, реформируя его, необходимо с самого начала понять, какое именно государство должно быть построено в итоге, не забывая при этом о том, насколько гуманно и рационально будет проводиться данная политическая деятельность. Следовательно, цели государства, какими бы прогрессивными они не были, не имеют никакой ценности, если в их фундаменте заложены антигуманные идеи.

Можно с уверенностью сказать, что в гитлеровской Германии искусство занимало не последнюю роль. Также нельзя сказать, что, например, Лени Рифеншталь снимала плохое по эстетическим качествам кино. Однако фильмы, картины и книги, изображающие счастливых и талантливых немцев, были лишь блестящими сосудами, наполняемыми гитлеровскими пропагандистами ядом фашизма, испив который, немецкий народ пошел на самые страшные в истории человечества преступления. Что характерно, параллельно с восхвалением идей об арийской расе, необходимости уничтожения «недочеловеков» и захвате мира, на Александерплатц сжигались книги Ремарка, пытавшегося открыть глаза на деградацию немецкого общества и загнанных в тупик немецких нонконформистов духа, желающих жить не по лжи. Пытаясь реализовать свои планы по строительству общества людей первого сорта, гитлеровцы заткнули рот всем, кто пытался открыть глаза народу Германии на охватившее их страну безумие. Однако государство не должно применять силу к своим оппонентам, даже если оно является гуманным, так как это является первым шагом к построению людей в шеренги, разделению их на правых и неправых, своих и врагов, хороших и плохих.

В самом начале своей работы государственный деятель обязан понимать, что центральным ядром государства и его политики должна

быть гармония. Подобно тому, как ломает замысел художника дисбаланс в цветовой гамме, государству может навредить любой дисбаланс: дисбаланс социальных групп, богатых и бедных, социалистов и консерваторов и т.п. Как говорили древние, в споре рождается истина, а значит, на государственном уровне должны быть пропорционально представлены различные политические силы. Как показывает история, диспропорция представленных на государственном уровне социально-политических учений приводит к диктатуре, которая неминуемо оканчивается революцией.

Решение социального дисбаланса на современном этапе видится в реально действующей парламентской системе. Продолжая проводить аналогию между государством и архитектурным сооружением, можно сказать, что жильцы дома всегда знают проблемы своего жилища лучше представителей вышестоящих инстанций. Однако можно ли говорить о том, что большинство право всегда? К сожалению, нет. В истории есть целый ряд примеров, когда при поддержке масс к власти приходили чудовищные тираны, осмысление масштабов преступлений которых проходило на протяжении многих лет. Но, несмотря на это, говорить, что демократизация общества приведет к новому витку террора и репрессий (не столь важно, под какими флагами) в корне неправильно. Понимание настоящей демократии в нашей стране напоминает взгляд человека, далекого от современного искусства, на картину Сальвадора Дали. Этот взгляд может быть восхищенным, снисходительным, негодующим, однако человек вряд ли поймет суть полотна. Причин на это много: и тоталитарное прошлое нашей страны, и веками укреплявшийся патернализм российского общества, и крайне неоднозначное развитие нашей страны в постперестроечное время, и рост авторитаризма в последние 10 лет. Неправильное понимание гуманистических ценностей, безусловно, факт, с которым надо бороться. Однако эта борьба должна проходить не через упрощение основ демократической системы, которое в итоге приведет к извращению её сути, а через просвещение. Люди должны понять, что ответственность за происходящие в стране процессы лежит, в том числе, и на них, и это повод задуматься, предпринять попытки изменить текущее положение дел. Вместе с этим, народовластие в государстве должно носить не декларативный, а реальный характер. Граждане страны поймут преимущества демократического строя только в том случае, если увидят, что координация деятельности населения и государства приводит к улучшению качества жизни.

Обеспечить устойчивость правильно функционирующей демократической системы может только незыблемость принципов, на кото-

рых строится государство. Но что делать, если большинство не приемлет и не понимает этих принципов? Строить потемкинскую деревню под вывеской «Демократическое государство», внутри которого будет отрицаться право человека на альтернативную (пусть и недемократичную) точку зрения? Я думаю, путь Нерона, задавившего огромным количеством роз зрителей своего спектакля, выражая к ним тем самым свое почтение, никогда не приведет к желаемому результату. Очень важно не выплеснуть вместе с водой младенца — не поступиться во имя свободы и демократии свободой своих же граждан. Однако это значит, что в волеизъявлении граждан не должно быть никаких рамок. Необходимо провести четкую грань между действиями, подрывающими основы государственного строя и представлением альтернативной точки зрения. Посетитель выставки имеет право критиковать любую картину, называть автора бездарностью, но это не даёт ему никакого права облить картину серной кислотой. Так и граждане должны иметь право выбирать любые политические силы, лишь в том случае, если они не стремятся к подрыву государственности, дискриминации каких бы то ни было социальных групп, установлению диктатуры.

К сожалению, полностью предотвратить тиранию, только лишь законодательно закрепив её запрещение, не получится, так как новоизбранный правитель всегда может оказаться диктатором, несмотря на то, что в его предвыборной программе были изложены вполне гуманистические идеи. Для того, чтобы избежать подобного сценария, необходимо взращивать в каждом гражданине страны личность, человека с чувством собственного достоинства, осознающего незыблемость своего «я». Несмотря на то, что гениальный поэт Маяковский писал: «Единица — вздор, единица — ноль», указывая на мощь коллектива и беспомощность перед ним «единиц», личностей, находящихся вне его, именно из этих «единиц» складывается коллектив. И все эти «единицы», все граждане — являются основой любого государства, и одной из первостепенных задач государства является выявление потенциала государства на основе личного, индивидуального потенциала гражданина. Государство, подавляющее личность всеми своими силами, описано в романе Джорджа Оруэлла «1984». В данном произведении государство использует человека как винтик огромной бездушной машины, готовой выплюнуть его из своего бесконечно запутанного организма при попытке любого неповиновения. Однако чему служит данное государство? Достижению успехов в науке? Но зачем нужны эти достижения, если люди, для которых они предназначены, не имеют никакой ценности? Такое государство не может быть произведением искусства, так как искусство должно позитивно влиять на человека, а не уничтожать в нем всё человеческое. Скорее это государство является опаснейшим оружием, которое обезумевший правитель направляет на свой народ, одурманенный пропагандой и ложью о врагах. Именно для того, чтобы граждане государства не дали превратить себя в стадо, подчиняющееся приказам очередного фюрера, необходимо развить в них чувство ценности своего «я», умение выразить свой протест в цивилизованной форме, ведь еще Руссо писал о том, что граждане имеют на это полное право, главное, чтобы он не выходил за допустимые рамки.

В сущности, сама идея консервации общества в определенных рамках во имя стабильности может нести вполне светлые цели. Обществу можно и нужно очертить определенный периметр, за который нельзя заступать. Но, в тоже время, если комплекс запретов будет намного выше комплекса дозволений, путь, который проделает на протяжении своей жизни каждый гражданин, будет сродни пути канатоходца. Понятно, что, функционируя по подобному сценарию, общество не сможет гармонично развиваться. Необходимо помнить, что государство должно согласовывать потребности различных социальных слоёв. В идеале государственная система принуждения должна ограничивать граждан в действиях, которые смогут принести реальную, а не мнимую угрозу общества. Следовательно, выбирая модель правовой системы, необходимо помнить, что система законов — это забор, защищающий граждан от падения в пропасть, а не колючая проволока вокруг тюрьмы.

Так как в любом цивилизованном государстве не может быть единомыслия, каждый политик сталкивается с неприятием своей точки зрения. Это абсолютно нормально, ведь еще с древних времен бытует поговорка о том, что в споре является истина. Поэтому одним из главных искусств любого талантливого политика является умение вести диалог, отвечая на острые вопросы и отстаивая свою точку зрения. Переубедить оппонента при помощи власти и силы — самый простой вариант поведения. Однако можно ли считать его эффективным? Думается, что такие методы окажут негативный эффект на политическую карьеру подобного государственного деятеля. Можно вспомнить примеры таких тиранов как Иван Грозный, Гитлер или Сталин. Их методы взаимодействия с оппозицией были предельно просты — они просто расправлялись с любым человеком, негативно отзывавшимся об их деятельности. Подобные политики используют человеческую кровь для построения государства. Однако, как показывает история, кровь в качестве цемента работает недолго, и через некоторое время подобное государство обрушивается как карточный дом, унося с собой многие жизни.

Лучшим доказательством правоты любого политика является его позитивная деятельность. Можно строить планы на многие годы вперед, возводить свои лозунги в ранг всеобщих молитв, списывать неудачи своего государства на происки хитроумного противника, однако все это будет лишь словами, если политика не докажет свою состоятельность положительной деятельностью здесь и сейчас. Самым опасным итогом подобной деятельности может явиться культ личности, самоидентификация широкого круга граждан как «тварей дрожащих», почитающих за честь исполнить любую волю своего «право имеющего» лидера.

Говоря о государстве как о произведении искусства нельзя не затронуть вопрос взаимоотношений государства и искусства. В разные времена взаимоотношения деятелей искусства проходили по-разному. Поэтов, художников и актеров могли возвеличивать, проклинать, восторгаться ими и запрещать на многие годы. Однако нельзя не признать тот факт, что искусство во все времена являлось важнейшим инструментом формирования личности. Многие правители разных эпох художника рассматривали либо как раба, либо как врага. Свобода слова в эпоху тирании невозможна в силу простой причины: любая тирания зиждется на иллюзиях масс, которые можно разрушить, объяснив людям нелепость сложившегося порядка вещей. Подобная ситуация была описана в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», где описывается государство, в котором любые книги сжигались из-за того, что властям было выгодно население не задающее «лишних» вопросов. Сейчас подобная ситуация может показаться абсурдной, однако не так давно и в нашей стране можно было лишиться свободы или родины из-за своих мыслей, высказанных на бумаге. Можно вспомнить Галича, Бродского, Солженицына и Довлатова, покинувших СССР из-за своих мыслей, высказанных на бумаге. Однако подобная ситуация представляется донельзя абсурдной. На что была направлена система, которая боролась с инакомыслием, свободомыслием? Уничтожая произведения искусства, запрещая книги, выставки, музыку, власть целил Гсь в свободу. Для того, чтобы общество не позволило любой власти вновь бороться с искусством, необходимо взращивать в каждом человеке уважение к чужим мыслям, суждениям, мнениям. Да, мировоззренческая мозаика российского общества очень эклектична, однако власть обязана найти подход к сочетанию разных взглядов.

Для взращивания культурного общества необходима культурная власть. Если представлять мир в его немыслимом многообразии обезумевшим паноптикумом застарелых стереотипов, а мировую куль-

туру заменять китчевыми суррогатами, общество, воспитанное массмедиа и бульварным чтивом, будет неспособно ориентироваться в современном мире, а разговоры о построении гражданского общества будут демагогией.

Конечно же, построение гражданского общества — важнейшая задача любого государства. Для того, чтобы гражданское общество функционировало и приносило плоды, необходима справедливая и отвечающая современным требованием система права и развитое правосознание у граждан.

Безусловно, правовая система без реального соблюдения всеми слоями общества норм права носит декоративный характер. Соответственно, право должно быть сценарием поведения всех слоев общества, выход за рамки которого должен быть невозможен. Государство в такой системе, безусловно, выступает сценаристом и режиссером. Следовательно, оно и должно определять, как следует вести себя обществу для достижения желаемого результата. Наиболее результативной видится система, где государство и общество будет взаимоподчинены, а их отношения будут носить партнерский характер. В противном случае государство будет служить не интересам общества, а желаниям элиты, цели которой, как правило, не отвечают чаяниям народа. В свою очередь, за красивыми словами о борьбе с несправедливостью будет процветать коррупция и преступность.

Любой государственный деятель должен помнить о своем первостепенном предназначении — заботе о населении. Жизнь каждого гражданина должна проходить не в бессмысленной борьбе с государством, а во взаимодействии с ним. С самого начала своего восхождения по социальной лестнице каждый человек должен видеть, что государство заботится о нем, что он — не кирпич в стене, а один из многих архитекторов, вносящих посильную помощь в построение такого сложного сооружения. Бесспорно, для того, чтобы человек мог верить в эффективность подобного взаимодействия, государство должно удовлетворять все потребности общества. Во многих постсоциалистических государствах, в том числе и в России, население воспринимает само понятие «демократия» крайне негативно в силу того, что перемена государственного строя в этих странах сопровождалась тяжелейшими социальными потрясениями. Вследствие этого население, разочаровавшись в политике, впало в гражданскую апатию, которая, как показывает история, нередко приводит к катастрофическим последствиям.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что государство, не отвечающее запросам населения, зыбко как песочный замок. Вместе

с тем, государство должно делать все от него зависящее для гармонизации общества. Непонимание видится самой большой социальной проблемой. Непонимание народом правительства, непонимание представителя одной конфессии другим, непонимания между правителями разных государств — всё это ведет к разного рода социальным коллапсам. Социальные противоречия наслаиваются друг на друга, образуя в итоге страшную конструкцию, состоящую из социальной ненависти, которая, по сути является ключом к шкатулке Пандоры, где затаился самый страшный в мире монстр — война.

Интолерантность и непонимание друг друга различными социальными группами вызваны в первую очередь несправедливостью, присущей многим сферам сегодняшнего общества, бедностью, криминализованностью и закрепощенностью, присутствующими во многих государствах. Такое положение общества можно сравнить с оркестром, где вслед за одной фальшью следует другая, и талантливая мелодия превращается, таким образом, в какофонию. Что может сделать в таком случае дирижер? Можно, конечно, закрыть глаза на тщетность своего труда и продолжать выполнять свою утратившую всякий смысл роль. Однако это неправильно, необходимо разобраться, почему произошел сбой в игре оркестрантов, что явилось виной провала данного мероприятия. Так и государство обязано следить за общественными отношениями, не пытаться закрывать глаза на рост социальных протестов и на уровень экстремизма в стране. Всего этого можно избежать, проводя разумную политику, основанную на гармонизации интересов разных слоев общества.

Безусловно, мнение о том, что подобная политика приведет к размытию национальной идентичности, чрезвычайно популярно. Именно поэтому деятельность государства на этом поприще должна приводить не к конформизму, а к эклектике. Если в первом случае «острые углы», возникающие в общественных отношениях будут вызывать еще большие социальные противоречия, то в случае совмещения непохожих культурных формаций при правильном подходе проблема экстремистских настроений отпадет сама собой. Люди поймут, что у них есть много общего, а значит, нет причин искать источник своих бед в своем соседе.

Необходимо понимать, что достойное уважение к другим возможно только при достойном уважении к себе. Следовательно, без достойного социального обеспечения граждан государство вряд ли сможет воспитать в них взаимоуважение. Граждане начнут уважать друг друга только когда поймут, что государство, в свою очередь уважает их.

Также нельзя не затронуть такую тему, как экономика в государстве. Денежные потоки можно сравнить с реками, находясь на кото-

рых, люди черпают, словно живительную воду, средства к существованию. Очень важна роль государства по отношению к этим потокам. Можно пустить их на самотек, но в таком случае распределение денежных средств не будет справедливым. Можно попробовать полностью подчинить их себе, однако это тоже не приведет к положительному результату, так как государству не под силу объективно оценить личные качества каждого отдельного гражданина, а значит, социальной несправедливости не избежать. Следовательно, в экономическом плане отношения государства и народа должны строиться на взаимопонимании и доверии: государство должно регулировать законность распределения денег в стране и поощрять отдельные отрасли производства, а граждане должны самостоятельно проявлять экономическую активность.

В отношениях с другими государствами также необходим определенный баланс: необходимо уважать интересы других государств, при этом отстаивая свои интересы. В противном случае можно либо прийти к железному занавесу и международной изоляции, либо поступиться суверенными интересами. Однако самый контрпродуктивный путь — это выискивание врагов среди других государств. Государства, тратящие все силы на борьбу с выдуманной ими же международной угрозой, в итоге проигрывают её. Правителей таких государств можно сравнить с доном Кихотом, который боролся с ветряными мельницами. Однако, как правило, последствия подобной политики отнюдь не комичны. Население такого государства озлобляется, происходит милитаризация общественной жизни, которая может привести к крайне негативным последствиям. Следовательно, в международных отношениях должна доминировать гармония, поиск компромисса, который удовлетворил бы все стороны.

Рассмотреть все стороны государства и вставить их в контекст искусства невозможно. Однако главный аспект рассматриваемой проблемы — это то, что движет государственным деятелем, что является мотивацией тех или иных принятых решений. Главным побудительным фактором любой государственной деятельности должен быть гуманизм. Движение государства вперед должно проходить через движение к взаимопониманию, к гармонии. Главной проблемой деятельности, как на поприще искусства, так и в политическом пространстве, является плохой вкус. Если в отношении искусства вкус определяется эстетическими критериями, то в политике дурным вкусом следует считать отсутствие правильных духовных ориентиров.

Много слов говорится о гуманизме, нравственности, духовности. Но всегда ли слова меняют ситуацию? Тирады о надуманных пробле-

мах, ложь о порядке, когда вокруг царит хаос, никогда не помогут в решении существующих проблем. Нравственность, гражданственность, духовность — не просто слова, их невозможно привить населению постановлением, указом, законом. Необходимо жить не по лжи, и народу, и правительству. Научиться не бояться говорить на равных, уважать себя, уважать оппонента. Всё же главное политическое искусство — это искусство говорить правду. Да, неприглядную, не соответствующую чаяниям народа, не выгодную каким-либо социальным группам. Правда всегда одержит победу над ложью, вопрос только в том, какую цену придется заплатить за эту победу.

Государство как произведение искусства — это государство, служащее во благо человеку. Просто создать государство, являющееся комбинатом по производству стен, сложнее разрушать эти стены. Стены ненависти и лжи, поражающие современное общество, нельзя разрушить без конструктивного диалога. В этом диалоге должны затрагиваться любые вопросы, только тогда палитра мнений сложится в яркую картину, отображающую насущные реалии. Конечно, совместно с данным диалогом государство обязано проводить работу по устранению проблем, назревших в обществе. Именно такое государство, действующее как слаженный механизм, можно считать настоящим произведением искусства.

Государство как эстетическая ценность

Ввеление

С момента появления первых государств человек пытается понять, что такое государство, в чем его назначение, смысл, зачем вообще людям данное явление. «Уже древних занимали подобного рода вопросы, уже древние оставили нам философское учение о государстве» 1. Это известные нам Платон, Аристотель, Цицерон, Августин. Это период царствования в умах человеческих уверенности в том, что индивид, личность, общество существуют для государства.

Коренной перелом данного осознания государства приходит в Новое время вместе с Вольтером, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Здесь уже государство сходит с пьедестала величия и недосягаемости, субъективные требования лица становятся приоритетом, и государство начинает жить для человека.

Пройдет еще три с половиной столетия, и вновь произойдет ломка общественного сознания, миросозерцания, что и повлечет за собой переосмысление сущности бытия государства. Сегодня государства и общества вышли на новый уровень взаимоотношений, именуемый в литературе глобализацией, что собственно и заставляет взглянуть на данные явления сквозь новую призму окружающей действительности.

Таким образом, осознание и понимание государства характеризуется неоднозначностью и постоянной динамикой, причинами которых служит само время, субъективизм людей и сложность самого явления. Государство было, есть и, скорее всего, останется «важнейшим из социальных явлений, основанных на волевой организации»². Оно пронизывает все сферы деятельности человека, «ни один организованный порядок не может существовать без государства, и государство, по размерам его деятельности и влияния, оказываемого им на человека, затрагивает и определяет всю социальную жизнь»³. Ибо

¹ Чичерин Б.Н. Избранные труды. СПб., 1998. C.231.

² *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 42-43.

³ Там же. С. 42-43.

вряд ли когда-нибудь социуму хватит сил и умения самостоятельно управлять своими делами.

Поэтому предметом данного исследования является государство. Объектом выступает познание сущности государства, в частности эстетической. Следовательно, цель данного исследования состоит в том, чтобы как можно полнее рассмотреть и попытаться понять бытие государства, а также изучить векторы его дальнейшего движения и существования. Для реализации обозначенной цели автор ставит перед собой следующие задачи:

- 1. выработать понятие государства;
- 2. рассмотреть государство с точки зрения аксиологии;
- 3. разработать концепцию дальнейшего пути развития государства;
- 4. изучить право как основной социальный регулятор государства.

Методы, используемые автором в данной работе очень разнообразны. Перечень варьируется от общенаучных методов познания какихлибо явлений до частнонаучных методов юриспруденции. Прежде всего, это метафизический и диалектический методы, а также системноструктурный, функциональный, социологический, формально-юридический, сравнительно-правовой и интерпретационный методы.

Структурно работа состоит из четырех глав. В первой осуществляется попытка выработки понятия государства, во второй — осмысление государства сквозь призму аксиологии, в третьей — конструируется вектор будущего существования государства, а в четвертой главе исследуется основной социальный регулятор жизни государства — право.

Разумеется, автор не претендует на универсальность и неоспоримость изложенного в работе подхода, взглядов и умозаключений по вопросу о государстве, дальнейшем пути его развития, взаимоотношении права и государства.

1. Понимание государства

Государство на протяжении всего периода своего существования тревожит умы человеческие. Вопросы о бытии государства являются дискуссионными и актуальными и на сегодняшний день. Люди сегодня, как и вчера, пытаются дать определение государству, постичь сущность его, определить место и роль государства в жизни человечества. Ибо «почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там». Так же как и «нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть исключительно присуща тем союзам, которые называют

¹ *Вебер М.* Избранные труды. М., 1990. С. 645.

«политическими», то есть в наши дни — государствами или союзами, которые исторически предшествовали современному государству» 1 .

В связи с этим на сегодняшний день существует огромное множество концепций и теорий, определяющих понятие государства. Под государством в разные периоды понимали общий правопорядок (Цицерон), некое отношение между правительством и подданными, опирающееся на страх или любовь последних (Н. Макиавелли), общественный договор в различных интерпретациях (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Руссо, Т. Пейн). Государство по Ла Боэси — это объединение тиранов, из которых высшие опираются на низших и грабят их при удобном случае. Для Морелли — орудие реализации природных законов, для Гегеля — организация публичной власти, упорядочивающая социальные противоречия, одновременно выступающая в качестве духовного сообщества, проникнутого патриотизмом и национальным единством. А. Эсмен полагал, что государство является олицетворением нации. Р. Иеринг видел в государстве само общество, которое представляет собой организованную публичную власть, а Г. Еллинек — обладающее первичной господствующей властью союзное единство оседлых людей, выступающее в качестве субъекта права.

Что же касается российского государствоведения, то здесь преобладают в своем большинстве две тенденции. Первая представляет собой критику монархического подхода к определению государства, а вторая — выступает в его защиту. Так продолжается вплоть до конца XIX века, когда свет увидели труды Б.Н. Чичерина, С.А. Муромцева, Н.М. Коркунова, Г.Ф. Шершеневича, П.И. Новгородцева, Е.Н. Трубецкого, В.С. Соловьева, Б.А. Кистяковского. В этот период времени государство понимается как «союз свободного народа, связанного законом в одно юридическое целое и управляемое верховною властью для общего блага»², «единственный субъект правообразования»³, «юридическое отношение, в котором субъектами права являются все участники государственного общения, а объектом служит государственная власть как предмет пользования и распоряжения»⁴, «организованная сила общества»⁵, «источник права»⁶. Это неокантианские концепции (П.И. Новгородцев и Б.А. Кистяковский) и религиозно-нравственные трактовки государства (Е.Н. Трубецкой и В.С. Соловьев).

¹ *Вебер М.* Избранные труды. М., 1990. С. 645.

 $^{^2}$ История политических и правовых учений / Под.ред О.Э. Лейста. М., 2004. С.349.

³ Там же. С.352.

⁴ Там же. С.354.

⁵ Там же. С.356.

⁶ Там же. С.359.

Данный перечень можно продолжать еще довольно долго, многие имена и фамилии остались неназванными, а это еще раз доказывает верность нашего суждения, высказанного в самом начале. Однако все теории, стремящиеся понять, что же такое есть государство, с определенной долей условности, можно уложить в два основных подхода, которые предложил и подробно описал Г. Еллинек в работе «Общее учение о государстве». Это теории объективного и теории субъективного бытия государства. Существующая же сегодня классификация теорий понимания государства (теологический, классический, социологический, юридический и кибернетический подходы) абсолютно не противоречит, на взгляд автора, великому немецкому государствоведу. А напротив, выступает в качестве более конкретного и детального деления всех теорий.

Итак, что же такое государство — факт, состояние, народ, властитель, естественный или нравственный организм, союзное единство, субъект или объект права, правоотношение? Вряд ли кто-то когда-то ответит на этот вопрос. Но также нам кажется сомнительным и тот факт, что ктото когда-нибудь решится не признать власть как «необходимую принадлежность каждого государства»¹. Однако власть, приказывающая и принуждающая, необходима для ликвидации хаоса в обществе. Сложно представить себе власть бессубъектную, безобъектную, направленную в никуда, ни от кого не исходящую. Поэтому, появляясь в социуме, власть стремится организовать осознанную деятельность индивидов, разделение труда, порядок взаимоотношений, что и приводит к иерархии в коллективе, а следовательно, к «союзу власти и подчинения»². В свою очередь, такой союз возможен на строго определенной территории, так как ему необходима материальная основа. Он не может висеть в воздухе, ибо «социально-историческая среда без территории немыслима»³. Но действительно крепким и прочным, устойчивым и сложноразрушимым данный союз будет при опоре на право. Потому, что христианские заповеди «возлюби ближнего своего как самого себя» и «люби врага своего» являются, к сожалению, ничем иным, как утопией, а инстинкт смерти (агрессивности) заложен абсолютно в каждом человеке. Поэтому каждый индивид, подчиняясь, будет стремиться властвовать. И только право с помощью своей нормативной регулятивности способно обуздать «искушение сделать ближнего своего средством удовлетворения агрессивности»⁴.

 $^{^1}$ *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права.//URL:http://www.twirpx.com (2010. 11 августа).

² Устрялов Н.В. Понятие государства.//Русский гуманитарный интернетуниверситет:URL:http://www.vusnet.ru (2010. 11 августа).

³ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С.407.

⁴ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С.105-106.

Таким образом, мы предлагаем в первом приближении для достижения целей настоящего исследования понимать под государством — суверенную политико-правовую организацию общества, охватывающую его в пределах определенной территории, выступающую от имени и в интересах общества, обладающую абсолютным правом на законотворчество, легальное принуждение и правосудие. Мы не настаиваем на универсальности данной трактовки государства и не абсолютизируем ни один из элементов государства, так как при отсутствии хотя бы одного из элементов мыслить государство не представляется возможным.

2. Аксиология государства

Чтобы мы не подразумевали под государством, какую бы теорию мы не создали, так или иначе, мы вряд ли сможем ликвидировать ценность данного явления. Да, государство есть ценность, ибо оно создается человеком с помощью и посредством его воли, а так как человек признавался и признается на сегодняшний день ценностью, следовательно, ценно и все то, что он создает. «Государство не является ни обнаруживаемой действительностью в том смысле, в каком она понимается в естественных науках, ни изобретенным или изготовленным инструментом... Государство живет человеком: человек основывает, формирует и руководит им и одновременно живет в нем и благодаря этому постигает его как свою судьбу...»¹.

Так без ценностного (аксиологического) подхода к рассмотрению государства возможность распознавания его роли в общечеловеческом процессе а также попытка понять причины рождения, жизни и смерти этого поистине «значительного достижения мировой истории и цивилизации» представляется маловероятной ². Без аксиологии вне познания остаются творческая, преобразующая, конструктивная роль человеческого сознания в сфере государства, человеческие, личностные аспекты. А это неизменно приведет к ликвидации из области рассмотрения государства социальную сферу его жизни, чего, разумеется, никак нельзя допустить. Именно аксиологический подход к рассмотрению государства открывает нам возможность применения в познании данного явления негосударственных и внегосударственных критериев, подходов и методов. Позволяет увидеть государство за пределами его строгих очертаний.

Государство, по мнению В.Н. Жукова, необходимо рассматривать в контексте религиозного, этического, эстетического и юридическо-

¹ *Буменко А.П.* Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки // Государство и право. 1993. № 7. С.19.

² Алексеев С.С. Теория государства и права //URL:http://www.twirpx.com (2010. 11 августа).

го сознания, а значит как религиозную, юридическую, эстетическую и этическую ценность. Нас будет в данной работе интересовать один из названных контекстов — сфера эстетического сознания и государство как эстетическая ценность. Так как именно этот аспект красной нитью сопровождает человечество на всем его пути.

Эстетика сознания индивида нашла свое воплощение в искусстве. «Оно является необходимым элементом общественного сознания, обеспечивающим его целостность, мобильность, устойчивость в настоящем и направленность в будущее» 1. Искусство является связующим звеном между индивидом и окружающим его миром.

Однако в отношении искусства так же, как и государства, на сегодняшний день не представляется возможности выработать конкретной, раз и навсегда данной дефиниции. Искусству в разное время давали разные трактовки. Так Ф. Ницше видел в искусстве единство художественного стиля во всех проявлениях жизни народа, Х. Ортега-и-Гассет — социальное направление, которое люди придают культивированию их биологических потенций. М. Хайдеггер считал искусство реализацией верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств, В. Библер — диалогом культур.

Но искусство чаще всего выступает в роли «системы, организованной для решения возникающих перед людьми и обществом проблем» (Дж. Форд). Так как язык искусства един для всего человечества вне зависимости от национальной, половой, расовой, языковой, религиозной принадлежности. Ведь человеку порой совсем необязательно владеть различными языками мира, чтобы понимать К. Малевича, И. Левитана, Д. Веласкеса, К. Моне, И. Баха, Ф. Шопена. Искусство — это не только диалог культур, но и диалог эпох. Причем диалог, пронизанный стремлением к миру и созиданию, направленный против людского эгоизма, способного стереть все с лица земли.

Поэтому искусство, как сказал 3. Фрейд, — это совокупность достижений и институтов, отдаливших нашу жизнь от жизни звероподобных предков и служащих двум целям: защите человека от природы и упорядочиванию отношений людей друг с другом. Следовательно, государство наравне с живописью, архитектурой, музыкой и т.д. является произведением искусства. Ведь искусство, по словам В. Павлючука, начинается там, где появляется специфическая человеческая боль существования. В свою очередь, добавляем мы, государство выступает в качестве преодоления такой боли, но не всякое государство, а государство как произведение искусства. Государство, которое стремится к диалогу.

¹ Клименко А.В., Румынина В.В. Обществознание. М., 2007. С.101.

Государство является продуктом творчества человека, так как своим возникновением, существованием и прекращением обязано воле индивида, той же самой воле, которая лежит в основе создания полотен М. Шагала и А. Саврасова. Сам акт создания государства, всегда остающийся за рамками права как его необходимое предположение, исходит от воли некоего собрания индивидов.¹

Так, возникновение государства, как при «первичном образовании»², так и при «вторичном»³ «вырабатывается путем эксперимента, опыта»⁴. Переход людей к оседлому образу жизни или война — это, прежде всего, попытка создать или осуществить что-то новое, ранее не известное, это риск, вызов окружающей действительности. Каждый социум видит этот процесс по-своему, приходит к осознанию необходимости изменений в разное время, поэтому процесс образования государства нельзя свести к какой-то определенной универсальной формуле. Собственно, благодаря этому каждое государство, существовавшее когда-либо в истории человечества или существующее сегодня, уникально по своей сути, как уникален «Черный квадрат» К. Малевича или «Крик» Э. Мунка.

На протяжении всей жизни государства его так же сопровождает воля человека, она творит эту жизнь. Политика, законотворчество, правосудие, легальное принуждение есть проявления этого творческого процесса в окружающей действительности. Политика и легальное принуждение — это искусство государственной деятельности, искусство управления, законотворчество — искусство создания нормативных актов, правосудие — искусство применения, толкования, прочтения нормативных актов. Однако «насколько такое искусство может быть сведено к общим правилам, чтобы служить путеводной нитью для практической деятельности, зависит от того, можно ли — и в какой мере — научиться духовной и моральной практической деятельности» 5.

Прекращение государства есть воля человеческая. Смерть государства имеет различные проявления — завоевание одного государства другим, революция, вхождение одного государства в состав другого по собственному желанию. Все это человеческие действия, творение рук человеческих. Только при создании такого произведения искусства необходимо помнить о том, что его результат — потеря суверенитета государственного, народного, национального и выпадение государства из исторического процесса.

¹ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С.279-280.

² Там же. С.270.

³ Там же. С.270.

⁴ Там же. С.273.

⁵ Tam жe. C.51.

Так как государство является продуктом воли человека, воплощенной в деяниях, то у такого творения должны быть цели, «в противном случае государство представляло бы только огромный дом для умалишенных»¹. Все цели, присущие государству можно разделить на объективные и субъективные.

Рассмотрим данную дихотомию — «объективное — субъективное». К объективным целям государства можно отнести ответы на следующие вопросы:

- 1. Какая цель присуща государству в историческом процессе в отношении к конечному назначению человека?
- 2. Какой целью обладало или обладает конкретно данное государство в непосредственной связи с явлениями истории?²

Ответить на поставленные вопросы не представляется на сегодняшний день возможным по следующим причинам: во-первых, исторический процесс сегодня еще не закончен, а во-вторых, нами не познано конечное назначение человека.

Нас в данном исследовании будут интересовать субъективные цели государства ввиду заявленной темы работы. Под субъективными целями государства мы понимаем «индивидуальные цели» государства. В свою очередь данные цели можно разделить на абсолютные и относительные. Так, к абсолютной можно отнести — вечный мир И. Канта, а к относительной — мирное сосуществование всех народов. Мы уделим внимание относительным целям государства ввиду того, что «вечный мир является неосуществимым идеалом» но «вполне исполнимы политические принципы, которые должны служить целям возникновения между государствами таких связей, которые бы обеспечивали постепенное приближение к вечному миру» .

Итак, познание относительных целей государства возможно сквозь призму различных учреждений и функций государства, так как относительные теории выводят цель государства из «сознания данного народа в данную эпоху»⁶. А функции и учреждения, институты государства являются материальным воплощением народного сознания, духа народного. Так, применяя небезызвестное нам дихотомическое деление, мы классифицируем функции и учреждения на те, в отношении которых го-

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб, 2004. С.240.

² Там же. С.236.

³ Там же. С.239.

⁴ *Вольфф М.* Мораль в политике: Гарве, Кант, Гегель // Право и политика. 2008. №12. С. 2853.

⁵ Там же. С. 2853.

⁶ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С.254.

сударство имеет монополию, и те, на которые его монополия не распространяется. В данном случае она будет ограничена полномочиями упорядочения, поддержания, поощрения или торможения каких-то явлений.

Государство имеет монополию на защиту общества и своего суверенитета, укрепление могущества, охрану права. Так, опасность для существования сопровождает государство на всем протяжении исторического процесса. Оно вынуждено с ней бороться для того, чтобы сохранить себя. И в этой борьбе существует два пути — «революционный», чаще всего применяемый в отношении внешней опасности и выражающийся в кардинальной смене политики на межгосударственной арене, и «реформенный», осуществляемый в борьбе с внутренней опасностью и заключающийся в аккуратном влиянии на сознание масс. Далее, каждое государство стремится расширить сферы своего влияния и тем самым упрочить свое положение в «обществе государств», но уделяя большое внимание своему «имиджу», государство должно заниматься развитием, укреплением и охраной правопорядка. Иначе анархии ему не избежать, да и легальное принуждение, правосудие и законотворчество ему будут тяжким грузом, а не действенными средствами в ликвидации правового нигилизма.

Однако с ростом культуры государство открывает новые сферы деятельности, а, следовательно, и цели. Более того, развивается и трансформируется само государство, теперь оно представляет собой сложное, противоречивое и многогранное явление, которое отнюдь не может быть сведено к оборонительному, наступательному и правоохранительному союзу. Государство проявляет себя в экономике, здравоохранении, науке, технике, что способствует возрастанию его силы и могущества. Но здесь государство не является монополистом, оно может поощрять, тормозить, поддерживать, упорядочивать деятельность в названных сферах. Однако только если «свободная индивидуальная или корпоративная деятельность не в состоянии достигнуть предположенной цели, государство может и должно взять ее на себя» 3.

Таким образом, за весь период существования государства сменились тысячи поколений, изменились социальные и экономические условия, политическая составляющая общества, жизненные проблемы, стали историей целые эпохи. «Цари и короли, императоры и фараоны, диктаторы и демократы, цезари и консулы, мудрецы и проходимцы»⁴, торговцы и предприниматели, лекари и фельдшеры, учителя и наставники,

¹ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С.262.

² Там же. С.262.

³ Там же. С.264.

⁴ *Бутенко А.П.* Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки // Государство и право. 1993. № 7. С.20.

философы и священники, народы и нации, каждый по-своему — в зависимости от своего видения государства — творили его вчера и создают его сегодня. Государство есть произведение искусства, шедевр исторического процесса человечества, наполненный такими различными оттенками, как войны и заключение мира, революции и реформы, природные и социально-экономические катастрофы, рост, развитие и процветание, право и правосудие, законотворчество, традиции, обычаи. Однако этот шедевр не завершен, и каким он будет завтра, какие цвета в нем будут доминировать, зависит только от человека, а именно — от сегодняшних жителей каждого из государств, находящихся на земном шаре.

3. Государство сегодня и завтра

Итак, мы вплотную приблизились к вопросу о сущности и бытии современного государства, а также о возможных перспективах существования данного явления в обозримом будущем. Каково же государство сегодня? Какое государство необходимо XXI веку? Каким должно быть государство нового столетия? Это лишь мизерная часть тех вопросов, которые стоят перед сегодняшней наукой. Разумеется, ответить на поставленные вопросы должна каждая из наук так или иначе касающихся государства как предмета изучения. Список наук достаточно широк — это география, социология, экономика, история, политология, ряд юридических наук. В данной работе по объективным причинам нас будет интересовать последнее из перечисленных направлений — юридическое, более того, мы сфокусируемся на одном из государств сегодняшнего мира — Российской Федерации. Однако это отнюдь не означает, что мы отказываем другим государствам в праве на существование, не признаем их. Все они, сегодняшние государства земного шара, должны стать предметом похожих исследований, но объять необъятное, как известно, невозможно. Ввиду этого мы сосредотачиваемся на одном и представителей «государственного сообщества планеты Земля», на Российской Федерации.

Еще чуть больше столетия назад человечество, воспринявшее идеи К. Маркса и Ф. Энгельса принялось сочинять «похоронный марш» для государства. О близкой кончине данного явления человеческой жизни говорили многие. Однако государство, «предреченное к смерти, отнюдь не обнаруживает следов агонии» по сегодняшний день. Более того оно продолжало укрепляться и развиваться даже в мире, который видел себя последним рубежом перед «интегральной социализацией» 2.

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С.372.

² Там же. С.372.

Но самое удивительное, что в таком мире, взять хотя бы для примера СССР, почему-то «призывали к любви к государству, к жертвенности, к патриотизму»¹. Таким образом, даже при «интегральной социализации»² государство не умрет, оно просто переродиться в другую форму, что лишний раз подтверждает верность нашей позиции в отношении того, что государство есть ценность. Ведь то, что поистине ценно, неподвержено эрозии, уничтожению или смерти.

Сегодня Российская Федерация представляет собой основной политический институт общества, инструмент осуществления государственной власти в стране. Претерпев значительные, существенные и глубокие изменения в своей сущности, Россия является сегодня объектом воздействия со стороны общества. Теперь социально-экономические, национальные, культурные, духовные, политические, правовые факторы оказывают влияние на государство, а не наоборот, как это было в недавнем прошлом. При этом государство в России сохранило за собой позицию основного субъекта преобразований, происходящих в обществе. Таким образом, наше современное государство «существенно преобразилось, стало более демократичным». Однако процесс становления и трансформации еще не завершен, что и является причиной возникновения ряда вопросов, связанных как с сегодняшним бытием государства в России, так и с завтрашним.

Каким мы видим и каким хотим видеть наше государство? Чего мы ожидаем от государства? Каковы потребности общества? Этот ряд вопросов можно еще долго продолжать, но вот как быть с ответами на них? Мы попытаемся ответить на поставленные вопросы с помощью подхода к пониманию государства, автором которого является выдающийся русский ученый, представитель евразийского направления Н.Н. Алексеев.

Итак, новое государство видится ученым, как государство гарантийное. Гарантийным оно является в силу того, что обеспечивает осуществление некоторых постоянных задач и целей. Оно не является доктринальным ввиду того, что эти задачи и цели имеют всеобщее признание со стороны социума вне зависимости от убеждений каждого из его индивидов. То есть формулируется общественное мнение определенной исторической эпохи, на основе которого выстраивается вся государственность. Данные идеи и задачи юридически закрепляются в основном законе государства — Конституции.

Программа деятельности такого государства заключается в следующем:

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 372.

² Там же. С.372.

³ Бекин А.В. К вопросу о типологических особенностях современного Российского государства //Право и политика. 2009. № 5. С. 989.

- 1. цель государства освободить людей от жестокости борьбы за существование с помощью создания высокоразвитой материально-технической базы жизни, организации интенсивного производства благ, установления удобной системы их распределения для удовлетворения основных потребностей индивидов, формирования устойчивого среднего класса и полной ликвидации бедности;
- 2. деление труда на необходимый и прибавочный, доход с которого будет направлен на культурное развитие и удовлетворение духовных потребностей каждого;
- 3. создание благоприятных условий, обеспечивающих реализацию внутренней свободы человека в положительном направлении;
- 4. создание такой культуры, которая бы одновременно обеспечивала общечеловеческое достоинство и проявление национальных особенностей социума;
- 5. вовлечение в экономическую, политическую, социальную и культурную жизнь как можно большего числа индивидов.

Таким образом, гарантийное государство строится на принципах материальной интенсификации жизни, подчиненной экономики, положительной свободы, самоопределения народа, демократии в широком смысле слова. Все это позволяет сгладить противоречия экономического романтизма и материализма, либерализма, национализма и интернационализма.

Целями гарантийного государства провозглашаются, во-первых, сведение физического принуждения на минимальный уровень, вовторых, устранение из властных отношений произвола и личной прихоти, в-третьих, установления авторитета специалистов. Основной гарантией реализации программы и целей такого государства выступает организация народных масс, готовая всеми силами защищать государство и побуждать его к служению общему благу.

Успех существования государства зависит от сочетания статики и динамики в нем. Динамикой является народ в своем конкретном бытии, а статикой — цели и принципы государственной деятельности. Причем сочетаться они должны в государстве в единое целое, ибо действуя порознь, и народ, и государство рискуют выпасть из исторического процесса навечно. По форме гарантийное государство является республикой с федеративным государственным устройством и демократическим политическим режимом.

На наш взгляд данный подход к пониманию государства может и должен стать основой для построения программы дальнейшего становления и развития современного государства в России. Ибо именно

такой взгляд на бытие государства отражает «историзм в развитии государственной культуры и самого общества»¹. В свою очередь игнорирование или несоблюдение данного принципа, совмещенное с «желанием политических групп, деятелей разом перевести страну на новые рельсы, усиливает отрыв государства от общества, делает государственный механизм деструктивным, часто разрушающим»². Ведь «в мире социальной действительности действуют исторические силы, которые образуют и разрушают самодовлеющее бытие государств»³. Разрабатывая стратегию развития государства, да и любого государства вообще, необходимо помнить, что симптом обезьянничества ни к чему хорошему не приведет. Он разрушает индивидуальность, уникальность и тем самым подрывает ценность того, в отношении чего он применяется. Российская Федерация — великое государство с выдающейся историей, которому уготована роль стать связующим звеном между Западом и Востоком и синтезировав все лучшее, что есть у этих цивилизаций, создать, сотворить нечто новое. Мы не видим ничего плохого в сохранении национальных государств в эпоху глобализации, так как «иных структур способных упорядочить турбулентную мировую среду попрежнему не существует»⁴. Насколько мы близки к реальности в своих взглядах на день сегодняшний и день грядущий покажет история.

4. Право как основной социальный регулятор государства

Изучив, насколько это возможно, сущность такого феномена человеческого бытия, как государство, нам необходимо поговорить теперь о том, что же регулирует его деятельность, что позволяет государству быть, что удерживает его от краха и гибели, анархии и хаоса, что в конечном итоге не позволило воплотить самые смелые идеи марксизма в реальности. Это «что» является ничем иным, как правом. Государство создается, творится, прежде всего, как политико-правовая организация общества, именно ему принадлежит монополия на легальное принуждение, законотворчество и правосудие. Оно связано своим правом, и связь эта проявляется в том, что государственные органы действуют на основе строго установленных правил и предписаний. Именно право, выступая регулятором жизни индивида, притупляет инстинкт

¹ *Бачило И.Л.* Факторы, влияющие на государственность //Государство и право. 1993. №7. С.26.

² Там же. С.26.

³ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С.146.

⁴ *Галли К.* Национальное государство в глобальную эпоху // Россия в глобальной политике. 2009. №5//URL:http://www.globalaffairs.ru (2010. 17 августа).

смерти, инстинкт агрессивности, способствуя достижению консенсуса между различными полюсами социума. Оно является лицом государства, его визитной карточкой, по которой встречают государство как его собственные граждане, так и мировое сообщество. Поэтому ни в коем случае нельзя «смотреть с высоты государства в низины права»¹.

Государство представляет собой воплощение социальной среды, безусловную реальность, которой едва ли кто-то сможет оспорить. Сегодня взаимодействие человека с обществом в большей степени зависит от социальной среды, нежели от природной, а именно это взаимодействие есть «содержание жизни человека»². Ибо человек — биопсихосоциальное существо, он не сможет выжить без общества.

В свою очередь социальная среда человека состоит из совокупности разных регуляторов, которые являются своего рода элементами данной среды. Эти регуляторы можно разделить на три группы:

- 1. психические регуляторы поведения человека;
- 2. социальные многофакторные регуляторы;
- 3. социальные нормативные регуляторы.

Наибольший интерес в рамках данного исследования представляет именно третья группа факторов, так как основным элементом и инструментом здесь выступает «социальная норма»³, которая открывает возможности регулирования, «исходя из должного»⁴, а не из сущего. Именно это позволяет добиться стабильности, уходя при этом от «эмпирического состояния»⁵. Одним из социально-нормативных регуляторов является право. Вообще мыслить право вне социальной субстанции не представляется возможным, так как изначально право создается государством для регулирования поведения людей и их коллективов в целях нормального функционирования и развития общества.

Более того социальность существования права заключается и в том, что, во-первых, право тесным образом связано с отношением к нему тех субъектов, чьи права, свободы, интересы, цели оно защищает, а вовторых, в соотношении с такими социальными явлениями, как мораль, религия, нравственность, свобода, справедливость. Ведь сегодня ни одно из демократических государств никогда не признает аморального, безнравственного, несправедливого права, отрицающего свободу и ни слова не говорящего о религии. Ни один из представителей государственной власти не возьмет на себя такую ответственность перед обще-

¹ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С.360.

² Яковлев А.М. Социальная структура общества и право. М., 2009. С.7.

³ *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С.21.

⁴ Там же. С.21.

⁵ Tam жe. C.22.

ством, ибо очень хорошо понимает, что общество просто не поймет его. А как показала история, непонимание обществом решений и действий государственной власти, ни к чему хорошему еще не приводило.

Сегодня изучение права как социального явления, как элемента соционормативной культуры представляет большой интерес. Вместе с этим изучение социологического аспекта права является необходимостью и характеризуется высокой сложностью. Говоря о праве, как о явлении социальном, ученые расходятся во мнениях уже относительно того, что именно следует понимать под категорией «социальное явление». Все концепции, существовавшие ранее и существующие сейчас, можно, с определенной долей условности, разделить на четыре направления.

К первому относятся теории, видящие социальность права в то, что оно не может существовать без общества, жизнь которого является первопричиной всех правовых явлений, событий, последствий. Это действительно так, но общественная жизнь и общество в целом обусловливают наличие экономики, культуры, политики. Социум не зациклен в данном случае исключительно на праве.

Наиболее ярким представителем второго направления можно назвать Р. Штаммлера, который являлся ярым проповедником того, что «право есть регулирующая форма совместного существования людей, и только благодаря этой форме совместное существование людей обращается в общество и становится предметом познания»¹. Именно в этом заключается социальная функциональность права. Но, принимая эту точку зрения, нам придется незамедлительно согласиться и с тем, что познать право можно в отрыве от жизнедеятельности общества, так сказать познать само по себе.

Сущность третьего направления заключается в том, что здесь право мыслится как часть социума, которую невозможно познать изолированно и в отрыве от него. Однако возникает вопрос о том, в чем же тогда состоит смысл и значение разграничения таких наук, как теория права, философия права, социология права? Почему они до сих пор существуют? Ученые, придерживающиеся данной точки зрения, не могут ответить на поставленные вопросы.

Представители четвертого направления видят социальность права в некой общей системе, которая, воздействуя на публичное и частное право, подчиняет их себе и тем самым позволяет уберечь социум одновременно, и от тоталитаризма, и от анархии. Эта система получила название в трудах ученых этого направления «социальное право»². Но

¹ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С.204.

² Русская философия права: Философия веры и нравственности. Антология / Под ред. А.П. Альбова, Д.В. Масленникова, А.И. Числова, С.В. Филипповой. СПб., 1997. С.355-356.

остается непонятным как эта система работает в реальности, с помощью каких методов она подчиняет себе частное и публичное право, в каких формах осуществляется.

Нам бы хотелось немного абстрагироваться от данных концепций и попытаться рассмотреть как бы сызнова данную проблему, а именно право как социальный регулятор, как социальное явление, как один из элементов соционормативной культуры.

Под регулированием понимают чаще всего упорядочение, налаживание чего-либо, направление развития чего-либо с целью приведения в систему, в порядок, приведение механизмов и их частей в такое состояние, которое обеспечивает нормальную и правильную работу. Так как в социуме действуют как внешние (общественные) регуляторы, так и внутренние (личностные), а связующим звеном между ними выступает некий субъект, «социальный агент, воплощающий авторитет, власть, сильную волю, поддерживающий стабильность динамичных систем»¹, то под социальным регулирование предлагается понимать воплощаемое в реальности соответствующим социальным агентом приведение в порядок процессов, происходящих в социуме, с помощью намеренной передачи их в ведение существующих правил и норм с целью обеспечения нормального и правильного функционирования и эволюции общественной жизни.

Социальное регулирование тесно связано с природным регулированием, которое выступает своего рода первоосновой социальной регуляции. Это связано с тем, что психические факторы являются неотъемлемой частью внешней деятельности индивидов. Именно социальные регуляторы одновременно и дают возможность желаниям и инстинктивным побуждениям реализоваться на практике посредством оформления их в соответствующие интересы через волеизъявление индивида, и контролируют эти интересы с помощью определенных институтов.

Наиболее ярким примером социального регулятора, который трансформирует мотивы в интересы, а интересы в институты, является право. Поэтому, мы считаем необходимым рассмотрение права в связке с каждой из представленных выше стадий. Ведь, если мы сумеем доказать взаимосвязь права с психикой индивида, интересами, как регуляторами незаконодательного волеизъявления и институтами, как абстрактными образованиями, то мы получим логически стройную концепцию, обосновывающую необходимость рассмотрения права как социального явления и регулятора, как элемента соционормативной культуры и не относящуюся ни к одной из вышеперечис-

¹ *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 14.

ленных и подвергнутых критике теорий. Конечно, мы не претендуем на универсальность такого подхода, но он, пожалуй, наиболее полно отражает изменения, происходящие в сегодняшнем обществе, в его рамки укладывается рассмотрение права в связке с его противоположностью — неправом, под которым понимается «особенная воля, демонстрирующая произвол и отдельность индивида от всеобщей воли и всеобщего права»¹.

Итак, «всякий беспорядок и разруха в обществе есть прежде всего неустройство в наших головах»². С этим трудно, а порой даже невозможно спорить, так как все, что становиться общественным, изначально формируется в сознании индивида. Каждый должен непременно прожить, осознать, обдумать каждое деяние как бы внутри себя. Здесь формируются и получают жизнь мотивы, желания, хотения человека. Именно этим, изучением внутреннего мира индивида, элементов его составляющих, занимается психология. Внутренний мир каждого отдельного индивида очень сложен и разнообразен, состоит из большого числа составных частей, представляет собой законченную систему. А у каждой системы есть свои регуляторы, и данная область не является исключением. Регуляция различных процессов человеческой психики проявляется в человеческом поведении непосредственно и уже через него взаимодействует и воздействует на социальное регулирование. Ввиду того, что одним из элементов такого регулирования является право, то соответственно психическая регуляция влияет и на него.

Право и психологию роднит то, что они, в конечном счете, имеют общую цель — регулирование деятельности людей. Они имеют одинакового субъекта своего воздействия — человека, так как «право, не имеющее убежденного союзника в лице того, кому оно адресуется, является слабым и ничтожным» 3 .

Для права порой большую ценность представляет конкретное деяние лица, но это деяние невозможно без определенных мотивов и желаний. Недаром же в составе преступления выделяют субъективную сторону, в которую включают мотивы и эмоции. Эмоциональную составляющую можно найти и в некоторых институтах гражданского права, например прощение долга, дарение, уступка.

Большинство действий осуществляется сегодня людьми без особого знания законодательства, и в этом случае лица руководствуются не чем иным, как своими собственными представлениями о добре и

¹ Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалия // Государство и право. 2002. № 2. С.5-13.

² *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 116.

³ Там же. С. 121.

зле, хорошем и плохом, справедливом и несправедливом, правильном и неправильном. Им совершенно необязательно каждый раз, заходя в магазин и осуществляя сделку купли-продажи чего-либо, брать Гражданский кодекс РФ.

Наказания, предусмотренные законодательством, также тесно связаны с психологией индивида, а именно с чувством страха. Если люди не будут испытывать страха перед наказанием, которое незамедлительно последует за нарушением закона, то это в конечном итоге приведет к глубокой деструктуризации и кризису в области законодательства и права в целом.

Таким образом, мы ясно видим, что разводить юриспруденцию и психологию абсолютно в разные стороны не представляется делом хорошим, положительным и верным. Мотивы и желания, являющиеся предметом изучения психологии, вместе с тем выступают необходимым элементом всех структур социального регулирования. А именно мотивы и желания выступают неотъемлемыми элементами психики индивида, наряду с различными эмоциями, состояниями, свойствами. Следовательно, связь права с психикой индивида довольна очевидна. «Сближает и объединяет психологию с юриспруденцией то обстоятельство, что знания, получаемые при изучении их предметов, служат общим целям — упорядочению отношений между людьми, между ними и природой, внешней средой, организации межчеловеческих связей на сознательной, рациональной основе»¹.

Теперь рассмотрим следующий аспект, позволяющий нам говорить о праве как о социальном регуляторе — интересы. Причем здесь речь будет идти именно об интересах индивидов, людей, личностей, интересах, преобразующих в себе мотивы, волю их носителей. Это своего рода вторая ступень социальности права.

Сегодня юристы очень часто акцентируют свое внимание исключительно на крупных интересах, которые, во-первых, влекут за собой определенные юридические последствия, а во-вторых, «доступны нормативному контролю»². Но наравне с крупными существуют и мелкие интересы, так мы получаем своего рода «иерархию социальны интересов»³. А, как известно, иерархия представляет собой категорию, обладающую некоторой, но не абсолютной устойчивостью. Она меняется вместе с обществом, следовательно, то, что сегодня являлось интересом мелким, завтра может стать интересом крупным, а может и исчезнуть вообще.

¹ *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 116.

² Там же. С. 298-306.

³ Там же. С. 298-306.

Кто-то, разумеется, возразит, дескать, невозможно узаконить и урегулировать абсолютно все. Но никто и не предлагает этого делать. Мы просто хотим показать, что абсолютно любые интересы влияют на право, вне зависимости от их положения и ранга в иерархии социальных интересов. Абсолютно любой интерес всегда и во все времена «стремится вписать себя в систему нормативно-правовой регуляции, стать юридически охраняемым», ибо только таким образом он может сохранить себя, зафиксировав свое господствующее положение в иерархии социальных интересов.

Эти процессы, а именно, борьба интересов между собой внутри иерархии, признание одних интересов всеобщими и отказ от других, очень хорошо видны при сравнении советского законодательства и законодательства Российской Федерации. Мы возьмем для сравнения последние кодифицированные акты советского времени — Кодекс РСФСР об административных правонарушениях 1984 г., Жилищный кодекс РСФСР 1983 г., и Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. и ныне действующие — Кодекс РФ об административных правонарушениях 2001 г., Жилищный кодекс РФ 2004 г., Семейный кодекс РФ 1995 г.

Начнем с кодексов об административных правонарушениях. Первое отличие заключается в изменении перечня задач, которые стоят перед законодательством об административных правонарушениях. КоАП РФ на первый план выдвигает задачу защиты личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, в то время как КоАП РСФСР в первую очередь ориентирован на охрану общественного строя и социалистической собственности. КоАП РСФСР административным нарушением признает посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность. КоАП РФ под административным правонарушением понимает противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое данным Кодексом или законами субъектов РФ устанавливается административная ответственность. В КоАПе РСФСР отсутствуют такие виды наказаний, как административное выдворение за пределы РСФСР иностранных граждан и лиц без гражданства, дисквалификация, административное приостановление деятельности, однако КоАП РФ не предусматривает исправительные работы как вид наказания, передачу материалов об административном правонарушении на рассмотрение товарищеского суда, общественной организации или трудового коллектива. Сегодня дела об административных правонарушениях уполномочены рассматривать судьи (мировые судьи), комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, федеральные органы исполнительной власти, их учреждения, структурные подразделения и территориальные органы, а также иные государственные органы, уполномоченные на то исходя из задач и функций, возложенных на них федеральными законами либо нормативными правовыми актами Президента РФ или Правительства РФ.

Различия имеются и в жилишных колексах. ЖК РСФСР классифицирует жилищный фонд только в зависимости от формы собственности, а ЖК РФ регламентирует и классификацию в зависимости от целей использования. ЖК РФ допускает использование жилого помещения для осуществления профессиональной деятельности или индивидуальной предпринимательской деятельности проживающих в нем на законных основаниях гражданами, в то время как ЖК РСФСР допускает использование данных помещений в качестве служебных жилых помещений и общежитий. ЖК РСФСР допускает перевод жилых помещений в нежилые только в исключительных случаях и при наличии согласия соответствующих государственных органов. ЖК РСФСР только указывает на возможность переустройства и перепланировки жилого помещения, однако не поясняет, что необходимо понимать под данными явлениями. В ЖК РФ более четко и конкретно регламентирован порядок оплаты за жилое помещение и коммунальные услуги, деятельность жилищных и жилищно-строительных кооперативов, осуществления права собственности и других вешных прав на жилые помещения. Более того, ЖК РФ определяет и регулирует такой новый институт, как страхование жилых помещений.

И последние кодифицированные акты, взятые нами для сравнения — это Семейный кодекс РФ 1995 г. и Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. Сегодняшний СК РФ не предусматривает обязательную торжественную обстановку при заключении брака, прямо устанавливает право граждан, желающих вступить в брак, обжаловать в суд отказ органа записи актов гражданского состояния в регистрации брака. Допускает и регламентирует процедуру медицинского обследования лиц, вступающих в брак. Супруги вправе присоединить к своей фамилии фамилию другого супруга. Подать заявление о расторжении брака сегодня может и опекун супруга, признанного судом недееспособным, расторжение брака производится органами ЗАГСа либо в судебном порядке. В СК РФ отсутствуют статьи, регламентирующие порядок содержания отчимом и мачехой своих пасынков и падчериц, не ставится отметка в паспорте лиц, злостно уклоняющихся от уплаты алиментов, об их взыскании. В свою очередь Кодексу о браке и семье РСФСР 1969 г., неизвестен институт брачного договора,

индексации алиментов. Данный нормативный акт не акцентирует внимания на разнице в возрасте усыновителя и усыновленного, уплаты алиментов в случае выезда лица, обязанного уплачивать их, в иностранное государство на постоянное место жительства.

Данные факты говорят о том, что меняется социум, общественный строй, ценности, соответственно меняются и интересы, которые будут находить отражение и закрепление в нормах права. В этом случае, при смене общественного строя, право направляет все свои силы на формирование и установление новой иерархии социальных интересов.

Теперь мы вплотную подошли к последней, третьей, ступени социального характера права, к институтам.

Социальный институт представляет собой «некую сознательно сконструированную людьми устойчивую структуру, культурный артефакт и позитивное установление, развернутые в сторону регуляции и упорядочения массивов человеческого поведения»¹. Это определение института позволяет говорить о его нормативности, «многоликости» и жизни в качестве элемента социального порядка.

Сегодня очень большие усилия ученых направлены на разработку институционального подхода и придания ему статуса междисциплинарности. Но как бы ни была важна проблема разработки междисциплинарного институционального подхода, нас все-таки в большей степени будет интересовать институт как регулятор нормативного характера, как связующее звено между правовым и социальным порядком, как показатель степени социальности права в качестве элемента соционормативной культуры.

Обращаясь к различным дефинициям института в юриспруденции, мы увидим, что все они указывают на совокупность правовых норм, действующих сообща и связанных между собой общим предметом регулирования, состоящим из большого количества однородных и похожих общественных отношений. Причем, наиболее важным обстоятельство здесь является именно действие правовых норм совместно, в определенном порядке. Это обстоятельство и позволяет говорить о наличии институтов в сфере права, оно и роднит институты, действующие во всех отраслях жизнедеятельности социума. Институт придает нормам большую эффективность, позволяет организовать регуляцию на рациональных началах и свести к минимуму субъективизм и саморегуляцию.

Законодатель, выступающий в роли «творца, утверждающего должное, продвигающего социальные идеалы и ценности»², создает юридиче-

Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 389-390.

² Там же. С.397.

ские институты, основываясь непосредственно на социальных интересах, на той иерархии этих ненормативных регуляторов, которая сложилась в обществе. Поэтому интересы будут пытаться включить себя не просто в нормы права, а в институты права. Наиболее яркая, последовательная, логичная и гармоничная связь последних с первыми проявлялась, как это ни странно, в системе советского права. Да, сейчас очень многие ее критикуют, и аргументы этих ученых сложно, а порой и невозможно опровергнуть. Мы не собираемся вступать в эту полемику, тем более, что это никак не связанно с целью нашего исследования, просто хотелось бы отметить, что Конституция и законодательство советского периода наиболее последовательно, нежели это происходит сегодня, закрепляли и реализовывали интересы в системе правовых институтов. Это очень хорошо видно на примере норм трудового права СССР и Российской Федерации, а именно на примере института увольнения работника.

Но вернемся к проблеме институтов как регуляторов социальных процессов, обладающих нормативностью и позитивностью. Хотя юристы вывели в свет категорию института, уже Древний Рим свободно оперировал данным термином, но более полное представление этого явления невозможно без социологических концепций и методов. Сошиология наравне с нормативным элементом института рассматривает «множество других явлений гетерогенного характера»¹, то есть различные статусы, роли, интересы, принципы поведения. Праву также отнюдь не чужды такие категории, как статусы и роли. Общество для социологии — это своего рода «сеть взаимосвязанных позиций, или статусов, в рамках которых люди играют свои роли»². Поведение человека в данном случае ставится в зависимость от занимаемого им статуса и ожиданий окружающих его людей. В свою очередь, эти ожидания могут рассматриваться как способ появления и существования социальных норм, в том числе и правовых и как права и обязанности, причем абсолютно любого характера, лица, соответственно его статуса. Таким образом, социальные институты возникают порой посредством заимствования некоторых элементов из всех нормативно-регулятивных систем. Более того, сложно не согласиться с Т. Парсонсом, который определял институт как организацию во взаимосвязанную систему того, что без такой организации станет почти произвольным набором эгоистических тенденций человеческого действия.

Сегодня многие ученые предлагают рассматривать право совместно с неправом, мотивируя это возможностью лучшего познания пред-

¹ *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С.403.

² Там же. С.404-405.

мета исследования. Такой подход вызывает большой интерес, так как позволяет более полно рассмотреть «правомерную» деятельность инквизиции в Средние века, авторитарные и тоталитарные режимы. Именно рассмотрение права в единстве с неправом еще раз доказывает социальную сущность права как регулятора, ибо неправо дает возможность увидеть какие видоизменения претерпевает право в различных общественных отношениях.

Современное общество и государство претерпели заметные изменения. Социуму в целом и каждому индивиду в отдельности приходиться строить, организовывать, развивать, отношения, исходя из заново переосмысленных общечеловеческих ценностей. Успех в этом деле напрямую связан с навыком регулирования общества. Право в данном случае является одним из самых продуктивных средств и способов регулирования, так как оно непосредственно связано с порядком. «Где начинается устроение порядка, там из хаотического, неустойчивого состояния возникают строго организованные ряды элементов, законосообразные структуры, обнаруживаются ритмы и чередования фаз развития какого-либо процесса, ощущается живой пульс права, движение самоутверждающегося порядка»¹.

Заключение

Таким образом, рассмотрев государство сквозь призму аксиологии, проанализировав перспективы будущего развития государства в России и изучив соотношение права и государства, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, государство представляет собой суверенную политико-правовую организацию общества, охватывающую его в пределах определенной территории, выступающую от имени и в интересах общества, обладающую абсолютным правом на законотворчество, легальное принуждение и правосудие, созданную и руководимую человеком, для преодоления великой боли существования людского рода, а также отделившую жизнь человека от жизни его далеких предков.

Во-вторых, государство есть эстетическая ценность, находящая свое осознание и отражение в интерпретации и понимании государства как произведения искусства. Государство появляется, живет и умирает по воли человека, по той же самой воле, которая является основой для создания произведений литературы, скульптуры, живописи. Государство — это такая же возможность самовыражения, это

¹ *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С.5.

вызов окружающей действительности, с той только разницей, что его творцами выступают народы, а не индивиды.

В-третьих, мы предлагаем в качестве проекта дальнейшего развития Российского государства подход евразийцев в понимании государства. Мы считаем, что именно данная концепция позволяет сочетать в себе историзм государства и демократию в ее сегодняшнем понимании. Реципировать опыт других государств необходимо с великой осторожностью, не забывая о народном сознании и менталитете.

В-четвертых, право является основным социальным регулятором государства. Ибо, последнее творится человеком, прежде всего как политико-правовая организация. Государство связано своим правом, оно позволяет государству быть, удерживая от анархии и гибели. Именно право притупляет инстинкт смерти, инстинкт агрессивности, способствуя достижению консенсуса между различными полюсами социума. Оно является лицом государства, его визитной карточкой, по которой встречают государство как его собственные граждане, так и мировое сообщество.

Итак, сегодня подходит к концу первый десяток XXI века. Пора делать первые выводы, заниматься анализом сложившейся ситуации, а также разрабатывать новые направления движения современного мирового сообщества. И государств, как представителей своих народов на мировой арене, это касается, пожалуй, в самой большей степени. Мы не знаем, какой путь выберет то или иное государство, представителем и приверженцем какого направления станет. Ясно только одно — государство — это гордиев узел, который необходимо развязать, а не разрубить. Война и кровь, являющиеся последствием гонки за материальными благами, «похоронный марш» для государств, наскоро сочиненный последователями марксизма, отголосками доносятся до наших дней. Последствия соответствующих событий необходимо ликвидировать окончательно, иначе маятник человеческого общества остановится на пункте под названием «Анархия».

Поэтому, «если люди не расстанутся с идеалами безудержного экономического роста и потребительства, коммерциализации, не откажутся от языческого культа денег и юридически ритуализированного торгашества»¹, и не повернутся лицом к духовно-нравственным ценностям, то о спасении человечества нечего и говорить.

Список использованной литературы Нормативные акты:

- 1. Конституция СССР 1936г.
- 2. Кодекс о браке и семье РСФСР 1969г.

¹ *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. М., 2009. С. 525-542.

- 3. Кодекс законов о труде РСФСР 1972г.
- 4. Жилишный колекс РСФСР 1983г.
- 5. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях 1984г.
- Конституция РФ 1993г.
- Семейный кодекс РФ 1995г.
- 8. Кодекс об административных правонарушениях РФ 2001г.
- 9. Трудовой кодекс РФ 2002г.
- Жилишный колекс РФ 2004г.

Книги, монографии, статьи:

- 1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
- Бачило И.Л. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 1993. № 7.
- 3. *Бачинин В.А.* Неправо (негативное право) как категория и социальная реалия // Государство и право. 2001. № 5.
- 4. *Бекин А.В.* К вопросу о типологических особенностях современного Российского государства // Право и политика. 2009. № 5.
- Бутенко А.П. Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки // Государство и право. 1993. № 7.
- Вольфф М. Мораль в политике: Гарве, Кант, Гегель // Право и политика. 2008. № 12.
- 7. *Вебер М.* Избранные труды. М., 1990.
- 8. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990.
- 9. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.
- 10. История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2004.
- 11. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
- 12. Клименко А.В., Румынина В.В. Обществознание. М., 2007.
- 13. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998.
- 14. Мальиев Г.В. Нравственные основания права. М., 2009.
- 15. Мальиев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
- 16. Неновски Н. Право и ценности. М., 1987.
- 17. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
- Русская философия права: Философия веры и нравственности. Антология / Под ред. А.П. Альбова, Д.В. Масленникова, А.И. Числова, С.В. Филипповой. СПб.. 1997.
- Соловьев Э.Ю. Прошлое трактует нас. Очерки по истории философии и культуры. М., 1991.
- 20. *Фрейд* 3. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.
- 21. Чичерин Б.Н. Избранные труды. СПб., 1998.
- 22. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990.
- 23. Яковлев А.М. Социальная структура общества и право. М., 2009.

Электронные источники:

- 1. Алексеев С.С. Теория государства и права // URL:http://www.twirpx.com (2010.11 августа).
- 2. *Галли К.* Национальное государство в глобальную эпоху // Россия в глобальной политике. 2009. №5 // URL:http:// www.globalaffairs.ru(2010.17 августа).
- 3. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права // URL:http://www.twirpx.com (2010.11 августа).
- 4. Устрялов Н.В. Понятие государства //Русский гуманитарный интернет-университет: URL:http://www.vusnet.ru(2010.11 августа).

Хамитова Г.Ш. Институт права ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, ассистент кафедры теории и истории государства и права, кандидат социологических наук

Правовой нигилизм молодежи как социальная проблема российского государства

Общество на протяжении всей своей истории всегда уделяло особое внимание проблеме поведения людей, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам. Когда общество сталкивается с острой потребностью разрешить те или иные конфликты или противоречия, связанные с нарушением чьи-то прав или законных интересов и когда отмеченные конфликты становятся массовыми, они приобретают статус социальных явлений.

Переход российского общества к рыночным отношениям неизбежно повлек изменения во всех сферах жизни — экономической, политической, социальной, духовной, в результате которых выявился ряд острых социальных проблем, одна из которых — правовой нигилизм молодого поколения.

Явления социальной деформации в настоящее время проникли во все сферы общественной жизни. Негативные проявления правового нигилизма — экстремизм, преступность в подростковой и молодежной среде — получили широкое распространение и обрели более опасный для российского общества характер по сравнению с прошлыми периодами времени. Данные девиации наносят огромный вред и государству, и обществу, задерживая их развитие. В связи с этим правовой нигилизм молодежи следует рассматривать в качестве социальной проблемы современного российского общества, требующей безотлагательного решения.

Поэтому мы определили главными задачами исследование причин появления правового нигилизма в молодежной среде и предложение комплекса мер по решению данной социальной проблемы.

Актуальность настоящего исследования связана также с проблемой современного состояния социальных отношений в российском обществе, которое характеризуется несколькими группами противоречий.

Первая группа противоречий связана с положением молодых людей в социуме. С одной стороны, они являются стратегически важным ресурсом общества и способны осуществить прогрессивные преобразования в экономической и социальной сфере. С другой стороны, российская молодежь поставлена перед необходимостью раннего выбора жизненного пути — после получения образования приобрести престижную, перспективную и высокооплачиваемую работу. Но в этом стремлении быстрее адаптироваться к условиям жесткой реальности, выбрать вид деятельности, дающий преимущества над другими, молодые люди упускают главное в жизненном формировании — воспитание и ценностное ориентирование, многие политические, правовые и нравственные нормы и ценности общества, словно перешагивая через них.

Вторая группа противоречий раскрывает проблему правового нигилизма молодежи через ее готовность отказаться от права и моральных норм. Отказ в начале 1990-х годов от воспитания и просвещения молодого поколения в учебных заведениях и армии, ограничиваясь только образованием, с одной стороны, снизил нравственно-правовое давление на молодых граждан. С другой же стороны, предоставленная молодым людям полная свобода действий не привела к выбору осознанной морально-правовой модели их поведения в гражданской и социально-культурной среде общества.

От того, насколько благополучно молодежь будет интегрироваться в общество, во многом будет зависеть стабильность и прогрессивное развитие российского государства. В связи с этим особенно актуальным становится вопрос правового воспитания молодого поколения.

Третья группа противоречий обусловлена фактом существования и распространенности правового нигилизма, что связано с неэффективностью действия в стране механизмов обратной связи в системе морально-нравственного воздействия на молодежь.

Четвертая группа противоречий связана с общими условиями и факторами детерминирующими развитие правового нигилизма и форм его проявления в каждой конкретной стране. К таковым можно отнести:

- экономическую неопределенность, разобщенность, сырьевую зависимость от иностранного капитала, от торговли полезными ископаемыми, от импорта; кризис отечественного производства; отсутствие наукоемких программ и увлечение малыми предприятиями торгового бизнеса;
- огромную явную и скрытую безработицу, из-за которой молодые люди не видят своего будущего. Им приходится получать неполноценное образование, совмещая его с поиском работы и вынужденным подрабатыванием на жизнь для того, чтобы по

окончании учебного заведения в трудовой книжке значился стаж работы, и было что предложить потенциальному работодателю.

Отечественные исследователи массового сознания молодежи отмечают произошедшую к 1990 году в результате перестройки коренную переориентацию молодежи от предпочтения нематериальных ценностей к выбору материальных благ¹.

- рынок становится образом жизни, где всё продается и всё покупается. Молодежь как наиболее активная часть населения первая и более других слоёв общества оказывается зависимой от рынка;
- молодое поколение отучили не только от чтения художественной литературы, но и от изучения правовых документов;
- все сомнительные новации в обществе (создание публичных домов, ночных и игорных клубов и т.п.) в первую очередь направлены на молодежь и против нее же;
- современная молодежь в большинстве своём ставит перед собой цель не работать, а управлять. Главным в системе ценностных ориентаций молодых людей становится стремление занять выгодное социальное положение, свою «нишу», управленческую должность, благодаря своим лидерским качествам (и/или нужным связям), но совсем не обязательно благодаря интеллекту и высокому уровню знаний.
- общемировой тенденцией поведения молодого поколения становится правовой нигилизм. Сегодня процессы правового нигилизма влияют на решение глобальных вопросов государственного устройства и развитие фундаментальных процессов современности процессов дифференциации и интеграции. Государства разделяются по «национальным квартирам», мотивируя свою позицию, в том числе, и правовыми причинами. Это представляет собой социальную проблему в связи с тем, что происходит размежевание общества, и во главу угла становятся не правовые отношения между членами общества, личностью и обществом, а только личностные;
- остро и часто государство и власть дают молодежи поводы не доверять правовым актам, убеждаться в их несправедливости. Фактическое неравенство перед Законом государства также является одной из главных причин правового нигилизма.

Возникает вопрос, какой выбор предоставляет молодому поколению российское общество в связи с глубокой дифференциацией

¹ Гилязитдинов Дж. М., Файзуллин Ф.С., Егорышев С.В. Молодежь сферы материального производства Республики Башкортостан. Уфа: Гилем, 2008. С. 29.

доходов населения и возможностью пользоваться общественными благами, удовлетворять свои растущие потребности? Именно с социально-правовыми последствиями этого выбора может быть связана восьмая группа противоречий.

Фридрих Ницше, задаваясь вопросом о том, что есть нигилизм, подразумевал под ним «то, что высшие ценности теряют свою ценность... нет цели, нет ответа на вопрос «зачем?»¹. С этой позиции рассматривается крайняя форма нигилизма — полное отрицание высших ценностей. Примерами деструктивного проявления правового нигилизма в обществе являются преступность, экстремизм в подростковой и молодежной среде.

В то же время к формам правового нигилизма можно отнести, например, вынужденное соблюдение правовых норм под страхом наказания и др. (так называемый пассивный нигилизм — т.е. неуважительное отношение к праву, не переходящее в запрещенные законом действия).

Если рассматривать правовой нигилизм в качестве формы общественного отношения, проявляющей себя и как субъект-объектная связь (отношение к обществу и его законам), и как субъект-субъектная связь (отношение к другим индивидам), целесообразнее это сделать в контексте теории аномии, предложенной Э. Дюркгеймом и усовершенствованной впоследствии Р. Мертоном. Э. Дюркгейм утверждал, что когда социальные нормы не просто слабо влияют на индивидов, а вообще практически отсутствуют, тогда в обществе наблюдается нормативный вакуум, т.е. аномия. При этом состояние аномии всегда сопровождает общества в переходные периоды истории, и в этом смысле оно нормально². Такое состояние, по-видимому, переживает в настоящее время и наше общество. Осознание этого представляет собой первый шаг на пути преодоления аномического состояния.

В то же время Р. Мертон полагал, что аномию можно наблюдать и в стабильном обществе. В этом случае она связана «с невозможностью достичь одобряемых культурой целей нормальными, узаконенными средствами, что в свою очередь приводит к поискам незаконных способов удовлетворения потребностей»³.

По мнению некоторых авторов, обострение проблемы правового нигилизма в молодежной среде в значительной степени детерминировано аномизацией всего общества в условиях радикальных стре-

¹ *Ницие* Ф. Собр.соч. в 9-ти томах. М., 1992. Т. 9. С. 9.

² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 342.

³ *Мертон Р.* Социальная структура и аномия// Социологические исследования. 1992. № 3. С.43.

мительных социальных перемен, которые сопровождаются общественной деморализацией, крушением прежних социальных идеалов, перестройкой всей системы социального контроля, состоянием, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились (Э. Дюркгейм: «Прежние боги стареют или умирают, а новые еще не родились» 1). В результате отмечается широкое распространение правового нигилизма молодежи в российском обществе.

Другие исследователи полагают, что правовой нигилизм проявляется не от свободы выбора, а, напротив, от невозможности многих индивидов следовать нормам, которые они полностью принимают.

Мы убеждены, что одной из главных причин молодежного и подросткового правового нигилизма, а также их криминального поведения является отсутствие необходимого и должного правового образования и воспитания молодых граждан.

Приходится констатировать, что в настоящее время государство не в полной мере осуществляет управление поведением граждан, особенно — молодых людей. Управление поведением молодежи напрямую связано с правовым образованием, воспитанием. Знание права, воспитание в духе права должно начинаться с детства, с воспитания в семье, в школе, так как это есть необходимая составляющая всесторонне развитой личности, её гражданской активности и культуры. Если в образ всесторонне развитой личности обычно включаются умственная, физическая, трудовая, нравственная, политическая и правовая составляющие, то в настоящий период в связи с переходом к рыночной экономике, провозглашением России правовым государством, становлением гражданского общества акцентирование внимания на правовой воспитанности, правовом образовании стало не просто актуальным, а необходимым требованием времени.

Подлинное правовое воспитание должно ориентироваться на то, чтобы правовая информация, полученная в процессе обучения, служила созданию системы устойчивых привычек действовать при любых условиях и в любых ситуациях только правомерно, а также вести борьбу с любыми правонарушениями. Правовое воспитание представляет собой разновидность социального контроля, который призван регулировать негативное и опасное для общества девиантное поведение молодых людей, в частности подростковые и молодежные преступления. Прежде всего, это обусловлено тем, что «предупреждение преступности среди несовершеннолетних является важнейшим аспектом предупреждения преступности в обществе»².

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. С. 331.

² Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы, 1990 г.). Режим доступа: http://www.juvenilejustice.ru/documents/d/world/errijad

Наиболее убедительным примером позитивного воздействия правового образования, воспитания на поведение молодых людей является уголовно-правовая статистика. Руководствуясь тем, что несовершеннолетние являются составляющей возрастной категории «молодежь» и соотносятся как частное и общее, считаем возможным, в качестве примера, привести данные подростковой криминальной статистики.

Если в СССР в 1961 г. подростковая преступность составила 39 288 преступлений, а в 1989 г. — 223 940 преступлений¹, то, согласно данным МВД Российской Федерации, в 2009 году в стране было зарегистрировано 170 703 600??? преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии². При этом необходимо обратить внимание на то, что в данном случае осуществлялось сравнение СССР и России (меньшей по территории и численности населения).

Состояние преступности несовершеннолетних в современной России вызывает обоснованную тревогу в обществе. Рост социальной напряженности и углубление кризиса в стране в первую очередь сказались на детях и подростках, как наиболее социально незащищенной части общества.

Уголовно-правовая статистика свидетельствует о ежегодном росте количества правонарушений, совершаемых молодыми людьми. По данным МВД Российской Федерации, в январе-декабре 2009 года в стране было зарегистрировано 2 994 800 преступлений. При этом уровень подростковой преступности остается достаточно высоким. Каждое семнадцатое (5,7%) преступление совершено несовершеннолетними или при их участии³.

С одной стороны, 5,7% — относительно небольшой показатель, если рассматривать его абстрактно. Но сам факт того, что 5,7% от общего числа всех преступлений, совершенных в 2009 году в России, приходится на молодых людей не достигших совершеннолетия, свидетельствует о том, что данные подростки уже с раннего возраста вовлечены в противоправную (уголовную) орбиту.

В данном случае были приведены данные уголовно-правовой статистики в отношении только зарегистрированных преступлений. С учетом того, что отличительными чертами подростковой преступ-

¹ Проблемы правового обучения и воспитания: Межвузовский сборник научных трудов. Брянск: Брянский государственный педагогический институт им. Петровского И.Г., 1993. С. 58.

² Краткая характеристика преступности в Российской Федерации за январьдекабрь 2009 года по материалам официального сайта МВД Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mvd.ru/stats/10000231/10000447/7492/

³ Там же.

ности (которая рассматривается в составе молодежной преступности) являются высокая степень латентности, активность и динамичность, а также, принимая во внимание административные правонарушения, данные статистические показатели были бы значительно выше.

Правовой нигилизм также можно рассматривать в качестве формы общественного мышления, которая, выражая свою мировоззренческую позицию относительно права, отчужденную определенными причинами, выступает как следствие и причина отчуждения от права.

Существуют индивиды, которые выбирают отрицательную линию поведения (в том числе правового) из нежелания быть как все. Как отметил Д. Карнеги, людьми движет страстное стремление осознания собственной значимости. Это же желание быть оцененным подталкивает многих молодых людей к совершению правонарушений. Более того, современный малолетний преступник считает себя значительной личностью, и первое, о чем он просит после ареста, — это посмотреть те бульварные газеты, которые пишут о нем как о герое дня¹.

Другие отрицают ценность существующей правовой системы, считая ее несправедливой. Несогласие определенной части населения с действующей в государстве правовой системой представляется вполне закономерным по причине того, что идеального права, как и идеального государства не существует. Кроме того, невозможно достичь единообразного отношения к праву всех людей, учитывая моральные, культурнонравственные, социально-экономические и иные различия. Очевидно, что граждане с низким уровнем дохода не разделяют убеждения власть имущих по поводу справедливости действующих законов. Кроме того, тот факт, что законы принимаются в интересах определенных групп населения, является одним из поводов для несогласия с ними основной массы граждан, понимающих всю несправедливость этих законов.

Более того, общество, создавая определенный стандарт поведения, не всегда само ему соответствует. Если идеальное общество и существовало бы (что, как известно, утопия), оно не могло бы долго оставаться совершенным. Как отметил Э. Дюркгейм, «если смотреть глубже, то окажется, что во всякой гармонии интересов таится скрытый и только отложенный на время конфликт. Ибо там, где господствует только интерес, ничто не сдерживает сталкивающиеся эгоизмы, каждое «Я» находится относительно другого «Я» на военном положении, и всякое перемирие в этом антагонизме не может быть долговечным»².

¹ Карнеги Д. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей. Минск: Попурри, 2007. С.28-30.

² Цит. по: *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. Учебное пособие для студентов высших учебных заведение. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 52.

Ряд исследователей рассматривают правовой нигилизм как существенный элемент российского правового менталитета. Согласно определению академика Н.И. Матузова, россиянам присущи «... неразвитое правовое чувство, низкий уровень политической и юридической культуры, отсутствие прочных традиций законоуважения и законопослушания, незрелое деформированное правосознание ... элементы вседозволенности». А.И. Ильин также отмечал, что русский человек как личность склонен к девиантному поведению, не считает преступление чем-то постыдным, даже, напротив, делом удали. В то же время, важно иметь в виду: то, что для одного человека или группы является отклонением, для другого (других) может являться привычкой или образом жизни.

Правовой нигилизм также может быть охарактеризован как выражение субъектами своих интересов в иной идеологической форме, нежели описанная в правовых установках данного, конкретного общества.

Субъектами правового нигилизма являются носители данной идеологии (индивиды или группы лиц), прямо или косвенно противопоставляющие свои ценностные ориентации, идеалы правовой системе, праву конкретного общества, поэтому средства массовой информации можно отнести к их числу. Это обусловлено тем, что современные «масс-медиа» не способствуют положительным правовым установкам населения, т.к. их продукция является одним из основных источников информации о криминальном мире, о способах и методах совершения преступлений и, тем самым, оказывает негативное воздействие на формирование правосознания. А обилие криминальных сводок рождает чувство беззащитности перед преступностью и неверие в эффективность правоохранительных органов³. Таким образом, СМИ, широко распространяя антиправовую информацию, злоупотребляя предоставленной Конституцией Российской Федерации свободой массовой информации, сами косвенно являются субъектами правового нигилизма.

Если каждый имеет право на свободное выражение своих мыслей, а, следовательно, и на неприятие существующей в государстве правовой системы, возникает закономерный вопрос: в чем заключается социальная опасность правового нигилизма?

Проблема состоит в том, что агрессивные проявления правового нигилизма представляют собой реальную угрозу безопасности членов

¹ *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы права. Саратов, 2003. С. 141.

² *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // Сочинения. В 10 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 1. С. 226.

³ *Гулина О.Р.* Феномен правового нигилизма в современной России. Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 88.

общества в физическом, материальном плане, а также их правовому сознанию. Социум, в котором законопослушные граждане не чувствуют себя в безопасности, не может способствовать развитию их положительного адекватного правосознания, не может быть признано демократическим. Деструктивные формы правового нигилизма наносят огромный ущерб социо-культурному, духовному, нравственному, экономическому развитию нашего государства. Поэтому современное российское общество со всей очевидностью поставлено перед объективной необходимостью незамедлительного решения данной социальной проблемы, как на общефедеральном, так и на региональном уровне.

Не смотря на уникальность того, что в настоящий момент переживает Россия, кризисные явления случались и в истории иных народов и государств. Поэтому правовой нигилизм как мировоззренческая проблема не является лишь российской проблемой. Данное положение подтверждается тем, что западная философско-правовая мысль также обеспокоена кризисом правовых ценностей.

Историк права Г.Дж. Берман в отношении американцев отмечает: «Мы находимся в середине беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша традиция права». При этом он отмечает, что это явление нельзя научно доказать, «этот факт из ряда тех, которые чувствуешь интуитивно», он проявляется в том, что старое метаправо разрушено, и его сменил своего рода цинизм. Прежние правовые постулаты стремительно исчезают, и не только из умов философов, не только из представлений законодателей, судей, адвокатов и других юристов, они исчезают из сознания большинства граждан, народа в целом, и более того, они исчезают из самого права¹.

Более того, нигилизм — это внутренняя логика европейской истории, черта современной европейской культуры, переживающая этапы «заката» и «старческих форм сознания» 2 .

Для изучения степени распространения правового нигилизма в молодежной среде за рубежом и с учетом того, что недостаточное правовое образование молодежи является одним из главных, на наш взгляд, условий распространения правового нигилизма, необходимо, прежде всего, проанализировать уровень и состояние правового образования молодых граждан в таких странах, как Великобритания, Германия, Норвегия, Республика Казахстан, США, Финляндия, Южная Корея, Япония.

¹ *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 48.

² *Гулина О.Р.* Феномен правового нигилизма в современной России. Уфа: РИО БашГУ, 2003. С.9.

В Великобритании с 2002 г. в программах школ появилась новая дисциплина — гражданство (3 и 4 стадия школьной программы) 1 . Британская система образования существует уже почти 100 лет и развивает единую систему экзаменов — так называемых «кембриджских сертификатов».

В старших классах изучение всех предметов не является обязательным. Школьное образование по английской системе полностью ориентировано на продолжение учебы в заранее выбранном университете, поэтому изучаются только те предметы, которые понадобятся в дальнейшем в вузе. В структуру образовательного стандарта входят 60 программ, собранных в 5 предметных групп (в том числе гуманитарные и социальные науки)².

Таким образом, в школах Великобритании изучаются основы религии и обществознания, но не право как таковое. Полноценное юридическое образование можно получить только в университетах. Однако для студентов неюридических специальностей изучение правовых дисциплин не является обязательным. Отсутствие должного правового образования в учебных заведениях является, по мнению автора, одним из условий, не способствующих формированию социально одобряемого поведения в молодежной среде.

Этот тезис подтверждается статистическими данными, согласно которым около 23% зарегистрированных правонарушений совершаются несовершеннолетними. Из них 50% подростков обвиняются в совершении преступлений³.

Результаты Международного исследования поведения жертв преступлений 1996 г. свидетельствуют о том, что страх перед преступностью у англичан вполне обоснован. Практически по всем видам преступлений, которые были включены в опросник (кражи, ограбления и др.), риск стать жертвой этих преступлений был наиболее высоким в Англии и Уэльсе⁴.

Деятельность полиции скоординирована с работой других органов в целях исправления преступного поведения, и акцент делается на

¹ Дмитриева О. Фабрика джентльменов//Учительская газета; спец. выпуск. № 28-29; 17 июля 2001 г. С. 11-25.

² Камышова О. Учеба в европейском университете — что для этого нужно? // Народное образование. 2005. №1.

³ Райан Джс. Преступность несовершеннолетних в Великобритании сегодня. Вопросы и ответы // Тезисы докладов и выступлений международной научнопрактической конференции «Ювенальная юстиция и профилактика правонарушений». СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 1999. — С.26.

⁴ Ведерникова О.В. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М.: Российская правовая академия Минюста Российской Федерации, 2001. С. 203.

предупреждение преступлений несовершеннолетних по возможности без судебного вмешательства.

В целях профилактики девиантного поведения детей в возрасте до 10 лет закон «О борьбе с преступностью и беспорядками» предоставляет местным властям и полиции возможность введения в Великобритании «комендантского часа». Согласно данной схеме, дети, обнаруженные без присмотра во время комендантского часа, могут быть доставлены домой и переданы под опеку ответственных лиц. Это позволит удалять с улиц асоциальных детей¹.

Одновременно с этим наблюдается тенденция усиления ответственности несовершеннолетних правонарушителей и их родителей. С 1998 года со стороны обвинения снята обязанность по доказыванию осведомленности 10-13-летних правонарушителей о преступности совершаемого ими деяния.

В *Германии* в старшей гимназии в число обязательных предметов входит один из предметов общественно-политического цикла (география, обществоведение или основы экономики и права). На начальной и средней ступени гимназического образования «обществоведение» вводится в 10 и 11 классах, и при этом может преподаваться поочередно с историей².

В Вузах, имеющих академический статус, учебные планы ограничиваются лишь самым необходимым набором учебных дисциплин, и предполагают значительные возможности для варьирования. Каждый студент, разрабатывая индивидуальный план занятий, пользуясь списком учебных мероприятий данного отделения, должен освоить обязательную учебную программу по избранному направлению. При этом большая часть времени в процессе обучения отводится самостоятельным занятиям³. То, что в школах Германии изучение обществоведения является практически обязательным (в 9-11 классах), является положительным фактором. Но минус в том, что право может не преподаваться ученикам, которые не выбрали его в качестве обязательного предмета. С учетом того, что студенты проходят обучение преимущественно по определенному профилю, это исключает изучение правовых дисциплин большинством студентов неюридических специальностей. А необязательность преподавания им права может, в

¹ *Райан Дж*. Преступность несовершеннолетних в Великобритании сегодня. Вопросы и ответы. С. 27.

² Воробьев Н.Е., Иванова Н.В. Модернизация учебного процесса в средней школе Германии // Педагогика. 2002. № 7. С.99, 104.

³ *Ворожейкина О.Л.* Образование в Федеративной Республике Германия // Социально-политический журнал. 1998. № 5. С. 180-198.

свою очередь, неблагоприятно отразиться на дальнейшем поведении молодых граждан. Это дает основания предположить, что недостаточное уровень правового образования молодых людей является одним из факторов, детерминирующих устойчивую тенденцию роста преступности в Германии¹.

В то же время положительным моментом в законодательстве ФРГ является действие законов «О помощи детям и молодежи», «О суде по делам молодежи», «О распространении литературы, представляющей опасность для молодежи», «О защите работающей молодежи», «О защите молодежи в общественных местах» (распространяется только на общественные места, в семейной частной сфере его нормы не являются обязательными, и приоритет родительской ответственности за воспитание остается неприкосновенным).

Закон «О защите молодежи в общественных местах» запрещает несовершеннолетним (лицам до 18 лет) употребление алкоголя, нахождение в ресторанах, пребывание в игорных залах. Он также регламентирует правила пребывания несовершеннолетних в опасных местах и предусматривает ответственность в случае их нарушения. Закон обращается, прежде всего, к организаторам мероприятий и лицам, занимающихся данной деятельностью. Если ребенка или молодого человека застают в месте, считающемся запрещенным для их посещения, то компетентные органы обязаны вмешаться. Нарушение правил проведения мероприятий со стороны организаторов и лиц, ответственных за данную деятельность, ведет к различным формам наказания².

Также положительным моментом является действие в ФРГ закона «О распространении литературы, представляющей опасность для молодых людей», который применяется и к печатным изданиям, и к носителям звуко- и видеозаписи, иллюстрациям и другим изображениям. Данный закон различает две категории печатных изданий, представляющих опасность для несовершеннолетних, а именно: «издания, которые способны нанести вред нравственности молодых людей» (§ 1) и «явно наносящие большой вред нравственности молодых людей» (§ 6). К ним относятся, прежде всего, безнравственные издания, побуждающие к жестокости и насилию, преступлениям и расовой ненависти или прославляющие войну. Это также распространяется на литературу, за-

 $^{^{1}}$ Белявская О.А. Преступность в Японии (статистический анализ). М., 1992. С. 29.

² Булатов Р.Б. О правовой защите детей и молодежи (из опыта действующего законодательства ФРГ) // Тезисы докладов и выступлений международной научнопрактической конференции «Ювенальная юстиция и профилактика правонарушений». СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 1999. С. 82.

девающую человеческое достоинство, прославляющую или умаляющую опасность национал-социализма и употребления наркотиков¹.

Для этих категорий печатных изданий правовые последствия связаны с запретами на продажу, распространение и рекламу продукции, подпадающей под определения закона, с целью недопущения несовершеннолетних к таким произведениям. Этот положительный опыт целесообразно перенять и в отношении российских печатных изданий, СМИ.

В *Норвегии* система обязательного школьного образования составляет 13 лет (10 лет — начальная и средняя школа, 3 года — старшая). В 8 классе дополнительно к предметам, изучение которых было обязательно в начальной школе, добавляются бухучет, экономика и дисциплины, предусматривающие начальную профессиональную ориентацию.

В старшей школе есть 2 обязательных отделения — академическое и профессиональное. Академическое отделение ориентирует своих выпускников на поступление в вузы. Здесь с каждым днем появляется больше возможностей заниматься только теми предметами, с которыми в дальнейшем будет связана учеба в вузе и работа.

Колледжи в Норвегии являются специализированными, профессиональными высшими учебными заведениями. Здесь особенно популярны колледжи, где можно изучать экономику, юриспруденцию, бухучет и аудит, международные отношения, информационные технологии.

Университеты в Норвегии считаются научно-исследовательскими центрами. Наиболее популярными специальностями в Норвегии являются информатика, журналистика, юриспруденция, экономика².

Однако, несмотря на то, что престиж юриспруденции в Норвегии высок, в школах, колледжах, вузах право в качестве обязательного предмета не изучается. Это направление рассчитано на получение высшего образования (для более узкого числа людей). Поэтому отсутствие в образовательных учреждениях Норвегии обязательного изучения права не способствует, на наш взгляд, формированию законопослушного поведения молодежи.

В Республике Казахстан в целях правового воспитания граждан Президентом республики 21 июня 1995 г. было принято постановление «О мерах по организации правового всеобуча в Республике Казахстан». Данным постановлением перед государственными органами была четко определена программа правового всеобуча и его задачи:

• формирование высокой гражданской и социальной активности человека, его общей правовой культуры;

¹ *Булатов Р.Б.* О правовой защите детей и молодежи (из опыта действующего законодательства ΦРΓ) С. 83.

² Быстрицкая Я. Заслуженные векталы // Учительская газета; спец. выпуск; № 28-29. 17 июля 2001 г. С.53-57.

- получение учащейся молодежью специальных правовых знаний в процессе подготовки к избранной трудовой деятельности;
- ранняя профилактика правонарушений.

Как отмечено в постановлении, правовой всеобуч является средством воспитания всех граждан в духе уважения к закону, призванным помочь им получить необходимый минимум правовых знаний для выполнения профессиональных и общегражданских обязанностей. Правовое воспитание населения проводится в различных формах правового обучения, таких как Школы правовых знаний, семинары, круглые столы, деловые игры, диспуты, дискуссии и пр. 1

Президент и члены правительства Республики Казахстан считают, что правовое обучение необходимо начинать в дошкольном возрасте, так как уже с первых шагов у юного гражданина должны формироваться нравственные качества, эмоции и поведение. Все граждане должны знакомиться с законами своего государства, четко и ясно представлять свои права, уметь защищать их, а также неукоснительно соблюдать свои обязанности.

В Республике Казахстан воспитанию молодежи в духе уважения к праву уделяется большое внимание со стороны государства. Это выражается как в нормативно-правовом закреплении, так и в реальной государственной политике. Основными принципами праворазъяснительной работы являются системное и непрерывное осуществление правовой подготовки. Это продиктовано осознанием того, что граждане смогут построить подлинно правовое государство лишь в том случае, если они будут обладать достаточными юридическими знаниями, чувством патриотизма и развитым уровнем правового сознания и правовой культуры.

Однако в настоящее время модель правового образования и воспитания молодых граждан Республики Казахстана не является окончательно сформировавшейся и действующей. Это подтверждается показателями уголовной статистики. При общем снижении преступлений, совершенных несовершеннолетними за период 1993-1999 гг., среди преступников доля учащихся общеобразовательных школ значительно возросла. Большинство этих преступлений связано с употреблением алкоголя, токсических веществ, наркотиков, общим ослаблением социального контроля. Более того, наблюдается увеличение доли заранее подготовленных преступлений при повторном совершении общественно опасных действий. Это свидетельствует об устойчивости

Постановление Президента Республики Казахстан «О мерах по организации правового всеобуча в Республике Казахстан» от 21 июня 1995 г. СПС «Гарант»

антиобщественной направленности поведения учащихся и о существующих недостатках в системе предупреждения¹, а также является показателем недостаточного уровня правового образования молодежи.

Можно рассмотреть соотношение учащихся и безработных/не учащихся несовершеннолетних правонарушителей в России и Республике Казахстан. Анализ изученных автором уголовных дел 2005-2008 гг. показал, что в 48% случаях несовершеннолетние, «проходившие» по уголовным делам, учились в школе, 34% подростков учились в профтехучилищах или колледжах, 4% подростков работали и лишь 14% не работали и не учились (т.е. входили в группу риска). То есть 82% правонарушителей являлись на момент совершения преступления учащимися школ, колледжей, профтехучилищ. В совокупности с работающими подростками несовершеннолетние учащиеся составили 86% несовершеннолетних преступников.

Статистические данные преступности в Республике Казахстан показали, что 80% осужденных несовершеннолетних на момент совершения преступления работали или учились, но при этом в абсолютном большинстве были нарушителями трудовой дисциплины, проявляли леность, нежелание повышать квалификацию или успеваемость².

Система школьного образования в CIIIA не имеет централизованной структуры и может варьироваться в зависимости от штата. Ответственность за образование возлагается в основном на местные школьные советы.

Во многих школах в обществоведение или гражданское воспитание входит общенациональная учебная программа образования в области прав человека как часть программы. Более того, американская общественность придерживается точки зрения, согласно которой в американских школах следует преподавать расширенный курс по обществоведению параллельно с гражданским воспитанием.

В большинстве штатов требуется, чтобы не менее половины учебного времени в начальной школе было отдано чтению, письму, счету и обществоведению. Остальное учебное время распределяется между естествознанием, гигиеной и санитарией, физкультурой, трудом, художественными дисциплинами (пением, музыкой, рисованием, лепкой). Обязательными предметами в средней являются английский язык, математика, обществоведение, естествознание, физкультура с

¹ *Ли А.Н.* Проблемы предупреждения преступности учащихся образовательных школ Республики Казахстан. Алматы, 2002. С.16.

² Беркинбаев Н.С. Особенности изменений преступности в Казахстане в постсоветский период// Вестник Международного Института Управления. Архангельск. 2003. № 1-2. С.17.

гигиеной, музыка и изобразительное искусство, труд (для мальчиков) и домоводство (для девочек)¹.

Высшее образование США характеризуется значительным разнообразием учебных программ, изучаемых курсов и дисциплин.

Таким образом, в США с раннего возраста подростки имеют возможность изучать правовые дисциплины, что в дальнейшем при желании молодых людей может перерасти в изучение права в вузе. Общеобязательность изучения права продиктована своеобразным «культом права», который существует в этой стране. Американцы достаточно осведомлены о своих правах и при любом их нарушении незамедлительно обращаются в суд за защитой. Теоретически это должно способствовать высокой степени правосознания молодежи, однако, фактический уровень подростковой и молодежной преступности в стране остается достаточно высоким. Четко осознавая свои права и свободы, американцы нередко забывают о существовании таких же прав и свобод у других граждан. Можно предположить, что одним из факторов, способствующих распространению социально неодобряемого поведения в американском обществе, выступает недостаточное качество образования молодого поколения в части касающейся юридической грамотности.

Одной из причин широкого распространения правового нигилизма в американском обществе также является деятельность средств массовой информации. Как известно, в современных государствах «масс-медиа» оказывают колоссальное влияние на установки и поведение граждан. Однако это воздействие далеко не всегда носит положительный характер.

В 1996 г. Американская медицинская ассоциация (АМА) объявила, что насилие, которое демонстрируется в СМИ, особенно на телеэкране и в кинематографе, достигло уровня, который угрожает здоровью нации США. По результатам современного исследования выявлена прочная связь между временем, которое учащиеся начальной школы проводят у телевизора, и пристрастием к видеоиграм, а также агрессивным поведением подростков².

Вызывает серьезные опасения тот факт, что огромное число продуктов печатной и киноиндустрии, содержащей прямые призывы к аморальному, противоправному поведению, насилию, поступает в Россию именно из США. И благодаря отсутствию правовых запретов на распространение в российском обществе данной продукции, все граждане, включая несовершеннолетних с несформировавшейся психикой, имеют прямой доступ ко всей этой негативной информации.

¹ *Тарасюк Л.Н., Цейкович К.Н.* Образование в США // Социально-политический журнал. 1998. № 5. С. 154-170.

² *Масионис Д.* Социология. СПб.: Питер, 2004. С. 184.

Это, в свою очередь, оказывает крайне деструктивное воздействие на поведение молодых людей.

В то же время полезным представляется опыт американских педагогов и юристов по работе с трудными подростками, которые используют метод группового перевоспитания, предложенный Дж. Гротцером. В основе этого метода — идея о том, что группа как таковая может изменить поведение и отношение к жизни отдельного лица. Развитием этого метода является «программа совместного проживания», разработанная в саквентинской тюрьме. Она объединяет метод группового перевоспитания с «терапевтической» программой, направленной на перевоспитание несовершеннолетних¹.

Конечной целью подобных программ, направленных на профилактику девиантного поведения подростков, является их социальная реабилитация, которая проводится насильственно. Несовершеннолетний сам выбирает, встать ему на путь исправления или нет. Для этого ему обеспечивают возможность получения работы, образования, дают понять, что у него есть выбор.

Финляндия занимает особое место среди скандинавских стран, т.к. ее система образования ставит целью обеспечение высокого уровня знаний, навыков и просвещения всего населения. В исследовании самой авторитетной программы международной оценки образования PISA, которое проводилось в 1998-2001 гг. и рассчитано до 2007 г. включительно, Финляндия показала самые высокие результаты².

В процессе обучения особое внимание уделяется знаниям и умениям, необходимым в повседневной жизни. Школьный учебный план включает такие предметы, как родной язык, второй государственный язык страны, иностранные языки (как правило, английский), обществоведение, историю, математику, физику, химию, физкультуру, музыку, изобразительное искусство, ручной труд, домоводство, религию или этику, биологию, географию, экологию. Кроме того, учащиеся в соответствии со своими интересами могут изучать факультативные дисциплины³. То есть обществоведение в школах изучается в качестве одного из обязательных предметов.

¹ Куркина И.Н. К вопросу о девиантном поведении несовершеннолетних и его профилактике // Тезисы докладов и выступлений международной научнопрактической конференции «Ювенальная юстиция и профилактика правонарушений». СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 1999. С. 268.

² Загвоздкин В. Тенденции образовательной политики и развития школьного законодательства в странах ЕС // Народное образование. 2005. № 2. С. 63.

³ Воробьев Н.Е., Бессарабова И.С. Особенности системы образования в Финляндии // Педагогика. 2006. № 2. С.113.

Гимназия (лицей) является единственным из традиционных учебных заведений, дающее полное среднее образование и, следовательно, право поступления в университеты и другие вузы. Обучение в гимназии завершается студенческими экзаменами. Из них четыре являются обязательными: по родному языку (финскому или шведскому), по второму государственному языку, по иностранному языку, а также по математике или по реальным дисциплинам (по выбору — история и обществоведение, биология, химия, география, физика, религия, философия, этика, психология)¹. Т.е. обществоведение в гимназиях относится к реальным (обязательным) дисциплинам и является предметом, который учащиеся изучают по своему выбору. При этом существует вероятность того, что если учащийся предпочтет обществоведению историю, он будет лишен возможности получения правовых знаний в процессе обучения в гимназии.

Также в Финляндии существует развитая система профессионально-технических училищ. Их учебные планы включают в себя такие общеобразовательные дисциплины, как родной язык, второй государственный язык, иностранный язык, обществоведение, основы предпринимательства, математика, физика, химия, физкультура, гигиена, правила трудовой жизни, искусство, культура². В этих заведениях «Правоведение» или «Изучение основ права» входит в число обязательных для изучения предметов.

Характерной чертой всех вузов Финляндии является научная подготовка самого высокого уровня, тесная связь научно-исследовательской работы с обучением. Особенность организации учебного процесса в вузах, имеющих академический статус, состоит в том, что учебные планы ограничиваются лишь самым необходимым набором дисциплин и представляют большие возможности для варьирования³.

Таким образом, во всех учебных заведениях Финляндии (школах, гимназиях, профессионально-технических училищах, лицеях) правовому образованию молодежи внимание уделяется. Однако в вузах преподавание правовых дисциплин не является обязательным, студенты изучают его лишь по своему желанию. Поэтому, вероятность распространения правового нигилизма среди студентов вузов значительно выше, чем у школьников, учащихся лицеев и профессиональных училищ.

Для *Японии* характерно использование в школах зарубежных педагогических идей, преобразованных в соответствии со своей системой образования.

¹ Воробьев Н.Е., Бессарабова И.С. Особенности системы образования в Финляндии // Педагогика. 2006. № 2. С.113.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 115.

Начальная школа рассматривается как способ приобрести в разумных пределах обязательные знания. В младшей и старшей средней школе для повышения результативности преподавания используют специальную систему тестов, выясняя мотивы негативного и положительного отношения ученика к учебным предметам. Старшая школа (10-12-е классы) дает академическое образование (для подготовки к университетам), общее (для завершения образования) и профессиональное (для подготовки работников средней квалификации).

До середины 1990-х гг. учебный план старшей школы состоял из 8 кластеров: японский язык, обществоведение, математика, естественные науки, иностранный язык, домоводство и экономика. На их освоение отводилась основная часть учебного времени. Остальное время уделялось специальному обучению и внеклассной учебной деятельности. Кроме того, в Японии весьма популярны тесты, т.к. они дают возможность выявить уровень знаний учеников и существующие проблемы в их обучении.

В новых программах средней школы приоритет отдан базовому образованию, развитию способностей суждения, самовыражения и творчества. Обязательная программа вместо 8 прежних теперь включает 9 кластеров — добавились «интегрированные научные знания». «Социальные занятия» теперь продлены на 2 дисциплины: «география и история» и «граждановедение».

Таким образом, образование в Японии характеризуется следующими положительными моментами. Обязательность изучения права (дисциплины «обществоведение» и «граждановедение»), которому уделяется много внимания. Поддерживается высокая квалификация преподавателей. Уровень правовых знаний учащихся определяется посредством тестов, которые выявляют возможные «пробелы». При этом обращается внимание на отношение самих учеников к изучаемым предметам, учитываются их пожелания и интересы.

В то же время анализ преступности в Японии свидетельствует о большом процентном составе несовершеннолетних в общем количестве подозреваемых в совершении преступлений. В уголовной сфере Японии проявляется тенденция к омоложению преступности. Например, в общем числе подозреваемых в совершении краж постоянно возрастает доля несовершеннолетних (около двух третей всех подозреваемых), преобладающую часть которых составляют подростки младших возрастных групп. Также особую тревогу вызывает ситуация в сфере преступного злоупотребления наркотиками. Некоторые исследователи полагают, что причиной этого является то, что Япония является страной высокого уровня жизни населения и практически

полного удовлетворения потребительских запросов. Поэтому молодежь извращенно принимает стандарты «общества потребления»¹.

Анализируя приведенные данные, можно сделать вывод о том, что японские учащиеся отличаются довольно высокой степенью правового нигилизма, несмотря на то, что их правовому образованию уделяется немалое внимание. Наглядные показатели этого содержатся в данных уголовно-правовой статистики. Это позволяет предположить, что правовое образование молодежи в Японии не находится на должном уровне, что является одной из предпосылок распространения правового нигилизма в социуме.

В то же время можно подчеркнуть положительный момент — для уголовной статистики Японии характерны регулярность и своевременность ее появления («Белые книги о полиции» издаются ежегодно); репрезентативность (охватывает чрезвычайно большой объем данных); высокий аналитический уровень материалов (выявление тенденций, детерминирующих факторов); доступность не только специалистам, но и населению (Белые книги продаются свободно) 2 .

Это позволяет анализировать состояние молодежной и подростковой преступности Японии, а также разрабатывать меры ее профилактики и предупреждения. Данные позитивные стороны уголовно-правовой статистики Японии способствуют также высокой раскрываемости преступлений, в том числе подростковых (более 60 % всех преступлений).

Кроме того, состояние преступности в Японии более благополучно, чем в других ведущих странах Запада благодаря гомогенности японского населения и сравнительно малому присутствию на Японских островах иностранцев. В японском народе также сохраняются элементы специфической восточной социальной психологии, исторически сформировавшихся традиций, способствующих сдерживанию преступности.

Для *Южной Кореи* характерно то, что в системе образования, включающей в себя начальные, средние школы, средние школы повышенной ступени и высшие учебные заведения, а также профессиональные и высшие профессиональные школы, не преподаются правовые дисциплины. В число обязательных для вузов предметов правовые дисциплины (обществознание, обществоведение и т.п.) также не входят.

В связи с тем, что в Южной Корее не уделяется должного и необходимого внимания правовому воспитанию молодого поколения, можно предположить достаточно высокий уровень правового нигилизма в молодежной среде.

Белявская О.А. Преступность в Японии (статистический анализ). М., 1992. С. 14.

² Tam жe. C. 10.

Таким образом, несмотря на то, что изучению права молодыми людьми в Германии, Республике Казахстан, США, Японии уделяется немало внимания, с учетом данных уголовно-правовой статистики, согласно которой подростковая и молодежная преступность в этих странах находится на достаточно высоком уровне, можно предположить, что одним из детерминирующих ее криминологических факторов является невысокое качество самого правового образования в учебных заведениях.

Как показали исследования уровня правового образования в Великобритании, Норвегии и Южной Корее, изучению правовых дисциплин молодых граждан этих стран необходимого внимания не уделяется. Это, на наш взгляд, является одним из условий, способствующих высокой степени распространения неуважительного отношения к праву в молодежной среде вышеуказанных стран, отсутствию законопослушного поведения, в том числе росту подростковой и молодежной преступности.

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что такое негативное социальное явление, как правовой нигилизм молодежи и его крайне деструктивная форма — преступность в молодежной среде — присущи не только Российской Федерации, но и развитым зарубежным странам. Следовательно, данная проблема не ограничивается рамками одного государства. Очевидно, что для снижения негативных для социума последствий его распространения одного только правового образования молодежи недостаточно. И это подчеркивает необходимость рассмотрения его в комплексе с другими формами профилактики и предупреждения распространения правового нигилизма в молодежной среде и преступности как крайне негативной его формы.

В связи с тем, что в настоящее время Россия переживает период острейшего социального кризиса, происходит процесс реформирования, появления новых элементов и структур, который сопровождается разрушением старых, в молодежной среде получает широкое распространение правовой нигилизм. Поэтому особенно актуальным становится необходимость управления поведением молодых граждан со стороны государства. Молодежь должна получать необходимые для жизни правовые знания для того, чтобы уважительно относиться к закону и праву в целом, не нарушать действующее законодательство и сделать сознательно правомерное поведение образом жизни.

Снижение уровня распространения правового нигилизма молодежи и подростковой, молодежной преступности как формы его проявления является процессом многосубъектным. Его субъектами являются не только индивиды, но и государственные, муниципальные ораны и общественные организации. Также в числе субъектов управления поведением молодых граждан, профилактики подростковой и

молодежной преступности можно выделить «органы защиты и социальной, психолого-педагогической, медицинской, правовой помощи подросткам, находящимся в неблагоприятных жизненных условиях»¹.

Проблема правового нигилизма является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества. И решать данную проблему можно, только используя комплексный подход. Управление поведением молодых граждан должно реализовываться в системе профилактики и предупреждения молодежной преступности.

Особое внимание необходимо обратить на вопрос правового воспитания молодой личности в семье. Это связано с тем, что микроклимат семьи оказывает непосредственное воздействие на психику и поступки молодого человека, то есть именно в семье формируется база, на основе которой осуществляется дальнейшее развитие представлений человека о праве и культуре, а поступки родителей и окружающих людей формируют его жизненные ориентиры.

Первый опыт социального влияния ребенок получает в семье. И важнейшим фактором формирования противоправного поведения подростков является неблагоприятный семейный фон (алкоголизм родителей, физические и нравственные оскорбления, агрессия по отношению к ребенку и друг к другу и т.д.). Это приводит к деформации семейных отношений, создает хроническую психотравмирующую ситуацию, что формирует антисоциальную направленность личности подростка.

Учебные заведения также являются важными агентами социализации молодых граждан. Школе как главному после семьи агенту правовой социализации принадлежит значительная роль в нравственноправовом воспитании учащихся.

Школа как один из элементов образовательной системы развивает интеллект, формирует ценности и нормы поведения, дает новые знания и навыки социализации². Следовательно, школа должна прививать уважительное отношение молодежи к праву, способствовать формированию высокой правовой культуры молодого поколения. Более того, именно за школой закреплена важная роль в исправлении ошибок семейного воспитания, компенсации недостатков семейного воспитания, приостановлении процесса деморализации личности подростка, который начался в семье.

На данный момент ситуация такова, что в учебных планах образовательных учреждений не уделяется должного внимания правовому воспитанию молодежи. Молодые граждане в школах, техникумах,

¹ Криминология. Учебник для вузов/ Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Луневой. М.: Волтерс Клувер, 2001. С. 283.

² Исаев Б.А. Социология. Краткий курс. СПб.: Питер, 2007. С. 65.

колледжах и даже вузах не получают правовые знания, необходимые им в жизни. Следовательно, они часто не знают о своих правах, обязанностях и об ответственности за свои неправомерные действия, что в результате приводит к совершению ими правонарушений.

Как показали проведенные автором в 2007-2008 гг. социологические исследования¹, лишь 6,3% респондентов применяли в жизни правовые знания, полученные в процессе обучения в школе. Практически одинаковые показатели у студентов вузов — 6,4% молодых граждан смогли применить на практике полученные во время обучения правовые знания. Меньший процент выявился у учащихся техникумов, колледжей. Всего 4,4% респондентов считают также. Таким образом, тех правовых знаний, которые получают молодые люди в процессе обучения в школе, техникуме, колледже, вузе совершенно недостаточно для формирования социально одобряемого поведения молодых граждан, воспитания их в духе уважения к праву.

Создание правового государства означает не только издание законов, регулирующих все сферы жизнедеятельности, но и воспитание законопослушных граждан. Речь идет о повсеместном правовом образовании и воспитании молодежи, не зависимо от образовательных учреждений, где они учатся. Ведь часто выпускники технических факультетов вузов, придя на производство, имеют только приблизительные знания о том, в каких случаях, например, применяются меры дисциплинарного взыскания, в каких следует дисквалификация, когда наступает уголовная ответственность².

По мнению автора, правовое образование молодых граждан является одним из главных направлений борьбы с распространением правового нигилизма молодежи в российском обществе. Для того, чтобы управлять поведением молодых людей, направляя его в правомерное русло, необходимо постоянное воздействие социальных норм общества.

И, как отметил Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своей статье «Россия, вперёд!» 10 сентября 2009 г., нам предстоит избавиться от пренебрежения к праву и суду, которое стало нашей печальной «традицией». Необходимо прививать вкус к правовой культуре, законопослушанию, уважение к правам других, а правоохранителей следует учить охранять и защищать права и свободы³.

¹ В опросах приняли участие 1592 молодых человека в возрасте от 14 до 21 года (ученики 9-х и 11-х классов, учащиеся техникумов, колледжей, студенты вузов городов Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Октябрьского, Туймазы)

² Шафикова Г.Х. Игры на правовом поле. Режим доступа: http://chelyabinsk.chelsi. ru/viewart.php?id=614

³ *Медведев Д.А.* Россия, вперед! Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/5413

Соколов Е.С.

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова, факультет философии, 2-й год аспирантуры

Государство как произведение искусства: конфигурации новоевропейского государства, войны и субъективности

І. Формулировка Я. Буркхардта сегодня может сбивать с толку. В его "Культуре Италии в эпоху Возрождения" речь ведь идет не о том, чтобы осмыслить государство как эстетический феномен. Точнее, не только об этом и, во всяком случае, не в том смысле, в котором мы называем "эстетическим феноменом" картину, например (если бы это было иначе, мысль Буркхардта представляла бы после работ Р. Барта и Д. Дики только исторический интерес). Буркхардт характеризует чрезвычайно нестабильную политическую ситуацию, сложившуюся в Италии в XIV — XVI вв.: ни папа, ни император не обладали достаточными ресурсами, чтобы подчинить себе весь полуостров; в образовавшемся вакууме силы правители городов-государств плели интриги, вели бесконечные войны и призывали, руководствуясь сиюминутным интересом, на итальянские земли то французов, то испанцев, а то и турок. Ослабевали сословные барьеры, «целесообразность», индивидуальные качества и талант значили здесь больше, чем законы и обычаи остальной Западной Европы. Ведь это было время, когда сыновья пап основывали княжества". Политическая деятельность в условиях величайшей неопределенности, когда нельзя было вполне рассчитывать ни на одно средство, когда постоянную угрозу представляли не только внешние враги, но и собственная семья, становилась искусством: «в столь искусственных условиях существования только виртуоз мог достигнуть успеха, и каждый должен был подтверждать и доказывать, что он достоин обладать властью»².

Как показывает уже Макиавелли, между папой, императором и французским королем, а с другой стороны — между народом и знатью — возникает неустойчивое равновесие, зазор, в котором оказывается воз-

¹ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. http://www.gumfak.ru/kult_html/italy/kultura03.shtml

² Tam жe. http://www.gumfak.ru/kult html/italy/kultura05.shtml

можным утвердить собственное господство, балансируя, сталкивая или гармонизируя крупные силы. Здесь обнаруживают себя новые изощренные тактики власти, здесь требуются тщательный расчет (см., например, описание статистики во Флорентийской республике, «первом современном государстве» по Буркхардту), хладнокровное суждение, «политическая объективность». Новое государство, «государство как сознательно задуманное построение, как произведение искусства» требует новой рашиональности. Иначе говоря: специфическая социально-политическая конфигурация является условием возникновения нового типа власти и — одновременно — нового человеческого типа. «Тирания, — пишет Буркхардт, — в высшей степени способствовала развитию индивидуальности самого тирана, кондотьера, затем тех, кому он протежировал, и талант которых одновременно беспошадно использовал — секретарей. должностных лиц, поэтов, компаньонов»². Здесь была, конечно, своя эстетика. Но какая! А.Ф. Лосев называет ее «обратной стороной титанизма». «Обнаженная от всяких теорий человеческая личность, в основе своей аморальная, но зато в своем бесконечном самоутверждении и в своей ничем не сдерживаемой стихийности любых страстей, любых аффектов и любых капризов доходившая до какого-то самолюбования и до какой-то дикой и звериной эстетики», — пишет о ${\sf H}^3$.

Мы попытаемся продолжить аналитику Буркхардта применительно к одному частному моменту.

Демонстрируя «каким образом и война принимала характер произведения искусства», Буркхардт отмечает в качестве специфических моментов организацию наемного войска, растущую роль огнестрельного оружия и возникновение военной науки, заключая, что «такое рациональное отношение к проблемам войны при известных обстоятельствах сменялось ужасными злодеяниями»⁴. Однако, остается не вполне ясно, как изменившийся характер войны связан с новыми государственными формами и как он участвует в производстве новой субъективности. Над этими вопросами (не ограничиваясь материалом Возрождения) мы хотели бы порассуждать в настоящей работе.

II. Как известно, Макиавелли, которого Буркхардт называет «бесспорно самым великим из всех, кто считал себя способным построить

¹ Там же. http://www.gumfak.ru/kult_html/italy/kultura01.shtml

² Там же. http://www.gumfak.ru/kult_html/italy/kultura12.shtml

³ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev_EstetVozr/_05.php

⁴ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. http://www.gumfak.ru/kult_ html/italy/kultura09.shtml

государство»¹, настоятельно советовал государю озаботиться состоянием своей армии. Более того: «государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого»². Новаторство Макиавелли в том, что, ставя вопрос о средствах завоевания и удержания власти, он мыслит в перспективе задачи объединения Италии. Пока нет политического единства и собственной армии. Италия не может сопротивляться «варварам»³. Принципиальное значение имеют поэтому не «рецепты» или «стратагемы», щедро рассыпанные в текстах великого флорентийца, а проект создания нового государства (как характеризует «Государя» уже Гегель⁴), который может быть реализован только при условии создания новой армии и нового человека. Проект первой Макиавелли, не смущаясь неудачной попыткой создания флорентийской милиции, описывает в диалогах «О военном искусстве»: он ставит в один строй римских легионеров, германских пикинеров и фюзильеров, прикрывая их с флангов эскадронами жандармов⁵. Странная фантазия, казалось бы. Но нас не должна вводить в заблуждение классическая стилизация — речь идет о регулярной армии, единообразно организованной и вооруженной, прекрасно подготовленной. А самое главное — в отличие от отрядов кондотьеров, разоряющих страну, заинтересованных в войне и угрожающих собственным нанимателям, — набранной из своих подданных, одушевленных любовью к родине и потому стойких в бою. Была, правда, серьезная проблема: Флоренция не желала делиться правами ни с сельским населением, ни с подчиненными Пизой, Ареццо, Прато и др., да и в самом городе, конечно, не было гражданского мира (свидетельство тому — постоянные перевороты). Как пишет Г. Дельбрюк, характеризуя деятельность Макиавелли во время его работы над милицией, «он и не мог иначе поступать, как искать средних путей между желанием республики иметь собственное войско и страхом республики быть поглощенной этим самым собственным ее войском»⁶. Здесь нет его вины. Те же условия, которые сделали возможным феномен Макиавелли, то есть социологический анализ avant la lettre (см., например, конец 5 главы I Книги «Рассуждений»), политику как науку и новые тактики власти, основанные на балансировании

Там же. http://www.gumfak.ru/kult_html/italy/kultura07.shtml

² Макиавелли Н. Государь. http://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt

⁴ *Гегель Г.Ф.В.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 414.

⁵ Макиавелли Н. О военном искусстве // Искусство войны: антология. СПб., 2004. C. 354-355.

⁶ Дельбрюк Г. История военного искусства (электронное издание). М., 2005. С. 3510.

между «народом» и «знатью», делали одновременно невозможным создание народной армии. Слишком противоречивы были интересы различных социальных групп, жителей различных областей и т.д., слишком велика неопределенность, вынуждающая полагаться на «фортуну» по меньшей мере, столь же часто, как на «доблесть».

Государь стоит, помимо прочего, перед задачей изменения самого себя. Советы, которые дает Макиавелли, достаточно хорошо известны, чтобы имело смысл подробно на них останавливаться: кроме того. вполне традиционны: закалять тело упражнениями, а ум — чтением и размышлениями. Так что выделить хотелось бы, пожалуй, единственный момент: Макиавелли не просто отбрасывает моральные соображения в своем анализе, он требует радикального переопределения ценностной иерархии. Когла речь илет о спасении отечества, все прочее не имеет значения. «»Не бойся греха, если в грехе спасенье»¹. — таков смысл афоризмов Макиавелли», — пишет А.К. Дживилегов. Конечно, большинство деятелей Возрождения святыми не назовешь, однако Макиавелли говорит о принципиальном изменении ориентации: средневековые ценностные доминанты — как христианское благочестие и спасение луши, так и рыцарская честь и слава — ухолят в тень, на их место заступают патриотизм и virtù, деятельный разум, целеустремленная активность. Его порыв, его упорство, его мысль, устремленные к новому человеку и к новому государству, производят, конечно, сильнейшее, в том числе и эстетическое, впечатление. «То, во что он верил, то, что он делал, чтобы претворить свою веру в жизнь, то, что он перестрадал из-за этого, поставило его в ряду пророков единства на одно из первых мест. Люди Risorgemento [...] ему этого не забыли. И помнит, и будет помнить новая Италия. Это она поет у Джозуэ Кардуччи: «Я — Италия, великая и единая. И воспитал меня Николло Макиавелли»².

Макиавелли был идеологом нового государства, но возникало оно как бы само собой, вне любых планов и идеологий. Этот «объективный» процесс привычней сравнивать с действием природной стихии, нежели свободной воли художника. Но сама возможность социальных наук связана с отказом от альтернативы «естественная причинность» — «свободная причинность» и признанием социального реальностью sui generis (классическая формулировка принадлежит Э. Дюркгейму). Новые формы власти утверждались в тысячах локальных и спорадических схваток, результаты которых, тем не менее, оказывались взаимонаправленными и взаимоподдерживающими, иначе говоря, складыва-

¹ Дживилегов А.К. Никколо Макиавелли // Дживилегов А.К. Творцы итальянского Возрождения. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 252.

² Там же. С. 250.

лись в стратегию. Это происходило не потому, конечно, что где-то за ними стоял некий автор, — здесь обнаруживает себя действие интереса, «невидимой руки» (впервые описанной А. Смитом применительно к рынку). Какое уж тут, казалось бы, «произведение искусства»? Однако ведь социологический анализ от К. Маркса до П. Бурдье направлен не только на то, чтобы доказать, что позиция (в системе производства, например) определяет интерес (чаще всего неосознаваемый), который, в свою очередь, определяет тактику, — но и на то, чтобы рассмотреть, каким образом сформированный данной позицией человек выражает ее в своей деятельности. А это уже непосредственным образом смыкается не только с буркхардтсковской постановкой вопроса (в специфических исторических обстоятельствах новоевропейская индивидуальность возникает впервые как фигура тирана-»виртуоза», создающего новое государство и армию), но даже и с эстетической проблематикой в собственном смысле. Уже В.Г. Белинский пишет: «Тип в искусстве то же, что род и вид в природе, что герой в истории...»¹. А Гете — гораздо тоньше, конечно, — определяет поэта не как прямо выражающего общее в конкретном, но как открывающего смысл в «разрозненности жалкой», связующего эту разрозненность гармонией, объединяющего ее, то есть как открывающего синтезом (невольно вспоминается здесь Хайдеггер с его «Истоком художественного творения»): «Созвучный миру строй души его — // Вот этой тайной власти существо»².

Утверждение нового типа господства происходит в борьбе королевской власти с феодальным порядком, важнейшими инструментами ей служат регулярная армия (первая форма которой, ордонансные роты, появляется во Франции в середине XV в.) и чиновничество. Новая власть претендует на то, чтобы установить монополию на легитимное физическое насилие, запретить феодальные войны и частные распри. Количество стали, которым располагает король, увеличивается пропорционально уменьшению его на перевязи дворянина, где меч сменяется декоративной рапирой. В общем завершаясь к середине XVII века, этот процесс находит классическое выражение в формуле Томаса Гоббса: повиновение за защиту. Примерно тогда же окончательно складывается язык права, на котором власть говорит о себе: «через развитие монархии и ее институтов, — пишет Мишель Фуко, — установилось это измерение "юридически-политического"; оно, безусловно, не адекватно тому способу, каким осуществлялась и осуществляется власть; однако же оно является тем кодом, в соответствии с которым власть себя предъявляет

¹ Цит по: *Михайлов П.* Тип // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1939. Т. 11. Стб. 266-271.

² Гете И.В. Фауст. М., 1960. С. 43.

и в соответствии с которым, по ее же собственному предписанию, ее и нужно мыслить. История монархии и сокрытие деяний и процедур власти юридически-политическим дискурсом шли рука об руку»¹.

Своеобразной вехой, указывающей на оформление суверенного государства и, одновременно, особой формы войны, служит Вестфальский мир. Процессы возникновения государства, обладающего монополией на легитимное насилие, и государственной войны взаимно обуславливают друг друга: ограничение влияния церквей, религиозных союзов и других подобных акторов означает превращение войны религиозной и гражданской в войну justi hostes, войну-дуэль, которую "на европейской земле и по правилам европейского военного права ведут организованные армии"2. С другой стороны, именно концентрация капитала физического принуждения позволяет эффективно контролировать территорию и собирать налоги, она служит условием любой другой. «Концентрация вооруженных сил и финансовых ресурсов, — пишет П. Бурдье, — сопровождалась концентрацией символического капитала признания, легитимности. [...] всеобщий сбор налогов вносил вклад в объединение территории или, точнее, в формирование — в действительности и в представлениях — государства как целостной территории, как реальности, объединенной подчинением одним и тем же обязанностям, чье существование вызвано той же необходимостью защиты»³. Конкретный анализ обнаруживает связи между военными и гражданскими институтами: либо прямое происхождение от армейских служб органов администрации (столетиями сохраняющих лишь несколько измененные мундиры и названия)⁴, либо появление их в связи с военными нуждами: Банк Англии, например, «своим возникновением обязан войнам, которые вела Великобритания против Людовика XIV»⁵.

Мундир можно считать символом тех воздействий, которые государство оказывало на доставшийся ему человеческий материал. В конце XVII— начале XVIII вв. государство открывает тело как объект воздействия⁶; мундир может быть понят как одна из техник власти и, в то же время, как своеобразная визуализация всей совокупности дисциплинарных методов. Из армии униформа распространяется в департамен-

 $^{^1}$ *Фуко М*. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 186-187.

 $^{^2}$ *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum. СПб., 2008. С. 171.

³ *Бурдье П*. Дух государства. http://www.politanaliz.ru/articles_341.html?page=2

⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства (электронное издание). М., 2005. С. 3854-3855; *Герлиц В*. Германский генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М., 2005. С. 8.

⁵ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 413.

⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 198.

ты и школы, а затем — на фабрики, в тюрьмы, больницы... Само слово указывает на ключевую роль в формировании индивида послушного и полезного. В конце XIX века, когда этот процесс был завершен, Фридрих Ницше взывает устами Заратустры: "Я вижу множество солдат; как хотел бы я видеть множество воинов! "Уни-формой" называется то, что они носят; пусть не будет униформой то, что они этим скрывают!"1. Тщетная надежда. Государство становится обладателем монополии также и на легитимное символическое насилие, то есть "власть навязывать (и даже вдалбливать) произвольные (но не признаваемые за таковые) средства познания и выражения (таксономия) социальной реальности"2. Власть, как показывает Бурдье, формирует категории мышления, вводит легитимные номинации и классификации. Муштра не только метод "политической анотомии" (Фуко), муштра — это способ утверждения иерархии, способ добиться мгновенного и беспрекословного подчинения, а тем самым сделать невозможной любую критику в отношении отдающей приказ инстанции. "Вот я слышу голоса со всех сторон: не рассуждайте! Офицер говорит: не рассуждайте, а упражняйтесь! Советник министерства финансов: не рассуждайте, а платите! Духовное лицо: не рассуждайте, а верьте!"3, — пишет Кант. Сам он отстаивает право на свободное использование разума, однако только "публичное" — там, где человек выступает в качестве "части механизма", рассуждать не дозволено⁴. Однако и то распоряжение разумом, которое Кант называет "свободным", зависит от государства: кто же обеспечивает институционально эту "публичность"? кто устанавливает требования, которым должен соответствовать текст, чтобы быть признанным "научным"?

Удивительная диалектика новоевропейской политической рациональности: от виртуозного расчета, искусного балансирования, от индивидуальности, неудержимой, переходящей любые границы, от творца — к скрупулезному подсчету и классификации, к таблице⁵, к упорядоченной человеческой массе, к человеку-машине, к человеку как произведению искусства.

III. Новое время не кончилось. Мы все еще принадлежим к человеческому типу, сформированному суверенным государством, мы все еще,

¹ *Ницше* Φ . Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Φ . Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4. — М., 2007. С. 35.

² *Бурдье П.* О символической власти // *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 93.

³ *Кант И*. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // *Кант И*. Сочинения. В 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 31.

⁴ Там же.

⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 216-218.

как это показал Фуко, мыслим власть "юридически": только как полагающую некие границы и оставляющую нетронутой заключенную в них часть свободы¹. Однако, тем важнее теперь, когда униформа вышла из моды, указать на некоторые разрывы, на произошедшие в XX веке трансформации государства, войны и субъективности, на появление новых фигур. Этому будет посвящена заключительная часть работы.

Карл Шмитт описывает в "Номосе Земли" пространственно-правового порядка, обозначая в качестве условного рубежа 1890 г.² Прежний номос Земли (номос — категория, характеризующая связь пространственного порядка и политико-правовых отношений, «мера, в соответствии с определенным порядком делящая поверхность Земли и ее локализующая, а также заданная этой мерой форма политического, социального и религиозного порядка»³) основывался на оппозиции твердой суши и открытого моря. «Линии дружбы» разделили мир надвое: свобода новых, открытых европейской экспансией пространств противостояла специфическим ограничениям международного права, действующим на европейской земле. С одной стороны, «естественное состояние»: борьба за колонии, уничтожение туземцев, свобода морского разбоя, с другой — сфера относительного порядка, jus publicum europaeum, политики баланса сил, ограничения войны, превращающего ее в ведущуюся по строгим правилам "дуэль" (характерна здесь точка зрения Гроция, возводящего bellum к duellum⁴). Собственно установление этого порядка стало следствием и одновременно raison d'etre новоевропейского государства: «первым способствующим торжеству рационализма последствием возникновения пространственного образования «государство», — пишет Шмитт, — стала детеологизация общественной жизни и нейтрализация непримиримых противоречий, выразившихся в конфессиональной гражданской войне»⁵. Межгосударственный правовой порядок был основан на взаимном признании территориально замкнутых политических единств. До конца XIX в. «господствовало убеждение, что международное право это специфически европейское международное право. [...] Конечно, существовали всемирные, универсальные понятия, такие как человечество, цивилизация и прогресс, определявшие как всеобщие теоретические понятия, так и словарь дипломатов. Но именно благодаря этому целостная картина с самого начала была сугубо европоцентричной, ибо под челове-

 $^{^{1}}$ Фуко M. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 186.

² *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum. С. 307—328.

³ Там же. С. 52.

⁴ Гроций Г. О праве войны и мира. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/ Article/gr prvoin.php

⁵ Шмит К. Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum. С. 166.

чеством понималось, прежде всего, европейское человечество, цивилизация естественным образом означала европейскую цивилизацию, а прогресс был прямой линией развития этой цивилизации»¹.

Однако к началу XX в. свободное пространство закончилось, а европоцентризм все более вытеснялся универсалистским пониманием права. Америка становилась ключевым политическим игроком; в Европе крупная буржуазия, заинтересованная в новых рынках, толкала империи к войне. Первая мировая война стала концом старого мира: прежние ограничения войны были отброшены, система европейского равновесия разрушена. Определяющим для нового мирового порядка разделением стала граница между экономическими системами. Соответствующим образом изменился смысл войны: она перестала быть столкновением признающих друг друга политических противников и превратилась в «тотальную войну» (термин Э. Людендорфа), войну абсолютных врагов, она в значительной степени утратила инструментальный характер («Мы за ценой не постоим», «Зло должно быть побеждено», «Никаких переговоров с террористами» и тд.). Пакт Келлога-Бриана юридически оформляет эту трансформацию: война более не признается легитимным средством политики. Оборотной стороной этого документа стала возможность вновь, как до 1648 г., квалифицировать войны как справедливые и несправедливые, а впоследствии — изменение номинации. Новым политическим инструментом становится непризнание государством того факта, что оно находится в состоянии войны — поскольку если война предполагает легализацию противника (по крайней мере de facto на время военных действий), то «вооруженный конфликт», «контртеррористические» и «миротворческие» операции, напротив, криминализируют его. Дело осложняется тем, что политическая практика порождает соответствующие научные подходы, а «экспертная оценка» становится оружием.

Сегодня, когда битвы, разворачивающиеся на экранах и страницах, имеют, по меньшей мере, такое же политическое значение, как реальные сражения, такие ученые эксперты, как Майкл Уолцер, Хенрик Сисе, Джон Ролз или Николас Фоушин должны приравниваться к полку, а то и дивизии. Их "этика войны" строится на концептуализации здравого смысла, базовые очевидности (незыблемость буржуазного порядка, либеральных ценностей) не подвергаются рефлексии и полагаются в качестве универсальных. Недвусмысленно утверждается превосходство определенного типа рациональности и определенной организации общества над другими². «Справедливость» трактуется

¹ *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum. С. 309.

² *Pons Д.* Закон Народов: неидеальная теория. http://magazines.russ.ru/nz/2002/4/rolz-pr.html

во вполне себе мелкобуржуазной логике: прежде всего как «равные возможности», но также и как «законопослушность, разумность и доброта»¹. В том же духе ведется своеобразная «борьба за наследие», обосновывающая данный дискурс как единственно-возможный: положения античных (Цицерона) и средневековых (Аврелия Августина, Фомы Аквинского, Иоанна Солсберийского, Данте Алигьери) авторов интерпретируются в отрыве от контекста и модернистски, все иные способы мыслить «справедливую войну» (в марксизме, русской религиозной философии или у того же Карла Шмитта, например) игнорируются. Критерий законной власти понимается, например, как «необходимые знания и компетенции»; критерий «рациональной вероятности успеха», критерий «пропорциональности» и некоторые другие в трактовке Х. Сисе (последователя Уолцера и. помимо прочего, редактора-составителя известной антологии «The Ethics of War. Classic and Contemporary Readings. — Blackwell publishing., 2006») означают конвертацию военно-технического, административного и интеллектуального превосходства США и их европейских союзников в превосходство этическое. Простой силлогизм в качестве примера: морально по возможности уменьшить потери среди гражданского населения; высокоточное оружие позволяет это сделать; США используют высокоточное оружие. Следовательно, США воюют морально.

Конечно, война единодушно объявляется злом, однако оправдываются оборонительные войны (что лишает этической легитимации попытку переустройства существующего порядка насильственным путем, а, следовательно, способствует его консервации) и "гуманитарные интервенции". При этом необходимая для вмешательства оценка (этнического конфликта как "геноцида", ситуации как "чрезвычайной", военного вмешательства как "необходимого", войны как "справедливой" и т.д.) выносится заинтересованной стороной и в условиях абсолютного информационного господства США и их европейских союзников². Если, как пишет Э. Тоффлер, в конце XX века знание («в широком смысле») становится решающим фактором поражения³, то это означает, что символическое насилие становится предпосылкой физического. Корректива, которую мы вносим тем самым в хрестоматийное веберовское определение государства⁴, позволяет понять экспертную оценку, «этическую» в данном случае, как инструмент госу-

¹ Сисе X. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М., 2007. С. 20.

² Хомский Н. Новый военный гуманизм. М., 2002.

³ *Тоффлер Э.* Война и антивойна. М., 2005. С. 113.

⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645.

дарственного господства. В эпоху заката национального государства это господство вынуждено принимать форму soft power.

Почему так происходит? Формирование универсального пространственно-правового порядка, изменение смысла войны, а затем теория и практика международных процессов над «военными преступниками» и гуманитарных интервенций ставят под вопрос государственный суверенитет, самую основу новоевропейского государства. Первая мировая война вызывает кризис европейского сознания, становится тяжелым отрезвлением после опьянения прогресистскими идеалами. Сообщения о зверствах немцев в Бельгии, бессмысленная позиционная война и ужасающие попытки перейти в наступление: газовые атаки, «верденская мясорубка», танки... Меняется способ рефлексии. Послевоенная философия тематизмирует «закат Европы», бездушный техницизм, противостоящий культуре, «заброшенность» и «забвение бытия». Послевоенная эстетика открывает абсурд и безобразное. Альтернатива «упадничеству» — реваншизм консервативный или фашистский, тоталитарное искусство.

Неожиданным эффектом войны стала женская эмансипация: женщины заняли «мужские» места на производстве, впервые стали объектом государственной пропаганды и получили избирательные права. Война нанесла сокрушительный удар по прежним формам мужского господства. Окончательно подорваны были позиции дворянства, наиболее консервативного социального слоя, поскольку, во-первых, физически уничтожено было огромное количество кадровых офицеров, во-вторых, государство, погрязшее в займах, более не могло искусственно поддерживать разорявшееся на протяжении всего XIX в. "первое сословие". Напротив, война обеспечивала все более широкую поддержку революционным движениям, в том числе и суфражисткам. Но главным фактором, конечно, стало изменение структуры трудовой занятости. Удар по мужскому господству не только стал еще одной (наряду с описанным Шмиттом изменением пространственно-правового порядка) подвижкой европейской субъективности — шагом к универсализации морального сознания (и в то же время — к постановке под вопрос субъект-объектной парадигмы), он стал ударом по государственному господству. Именно здесь находятся истоки депопуляции, ставящей под вопрос национальное государство в Европе.

Следующим этапом была Вторая мировая война и ядерные взрывы, ставшие ее заключительным аккордом. Трагический опыт нацизма и Холокоста изменил европейское сознание, способствовав признанию мультикультурализма, альтернативных образов жизни. Мировые войны породили усталость; атомное оружие породило страх. Его появление, как пишет Мартин ван Кревельд, было началом конца большой

межгосударственной войны¹. Абсолютное оружие, пародоксальным образом, стало сдерживающим фактором: страх эскалации конфликта не позволял ядерным державам «воевать друг с другом напрямую, всерьез и в существенном масштабе»². Теоретики глобализации (Э. Гидденс, У. Бек, З. Бауман, Дж. Стиглиц и др.) утверждают, что возможность ТНК избежать уплаты налогов подрывает силы государства, и в нашем рассмотрении представляется важным подчеркнуть не столь еще заезженную мысль ван Кревельда: с концом большой войны «люди перестанут видеть смысл в сохранении большей лояльности к государству, чем, например, к General Motors или IBM"³.

Ресурсы, которыми может располагать государство, уменьшаются. Ситуация в некотором смысле близка той, которую описывал Буркхардт: те усилия, которые власть сегодня приклалывает для самообоснования. могут быть поняты как искусство. Конечно, в духе времени, то есть как «современное искусство». Ограниченный в ресурсах князь в опасной, непредсказуемой ситуации становился виртуозом. Западная политическая элита, все более ограниченная в ресурсах, приобретает сходство с артгалереей или аукционным домом. «Мягкое» господство, иначе говоря, символическое, эвфемизированное, то есть скрывающее себя в качестве такового, а потому, пародоксальным образом, одновременно принятое добровольно и оставшееся незамеченным, является не свободным выбором «гуманных» элит, а вынужденной формой существования власти в западных обществах. Так же как специфический характер современного искусства — не результат чьего-то умысла (или постмодернистского заговора) и не каприз моды. Утрата «объективных» критериев прекрасного коррелирует с утратой государством суверенитета (в классическом понимании, 1648-1914). Искусство становится привилегированной формой престижного потребления; начинает существовать в постоянном противоречии между индивидуалистическим «месседжем» (насмешки над табу, над обществом потребления и т.д.) и жестким следованием определенным моделям, «стилям жизни». Признание художника зависит сегодня не столько от качества его произведений, сколько от некоего обряда посвящения, совершаемого теми кругами, которые делают искусство легитимным⁴. Единственным критерием оценки произведения становится цена, на которую влияют в том числе такие факторы, как репутация продавца, формат и время продажи... Потому ничтожные, с любой, остающейся только эстетической, точки зрения, вещи стоят огромные деньги.

¹ *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 415-423.

² Там же. С. 422.

³ Там же. С. 414.

⁴ *Бенаму-Юэ Ж*. Цена искусства. М., 2008.

Политика все более приобретает подобный характер: формы прямой демократии, даже реального представительства (когда политик сохраняет связь с группой, зависимость от нее) замещаются политтехнологиями; публичная политика становится шоу. Противоречие здесь обнаруживается между демократической, модернизационной и подобной риторикой (в конечном счете, речь всегда идет об «общем благе») — и действием, обусловленным только, используя терминологию Бурдье, внутренней логикой политического поля. Как говорил К. Лоренц, когда отбор происходит под действием одного лишь внутривидового соперничества, без действия внешней причины, возникает опасность оказаться загнанным «в самые нелепые тупики эволюции» 1. Политики, карьеры которых построены в логике бюрократического выдвижения, в любой иной логике представляются ничтожными. Общее снижение электоральной активности, наблюдаемое сегодня, — результат (и свидетельство) элитарности, политического отчуждения.

Эксперты, инженеры грядущей субъективности, предлагают описания социального мира, политические импликации которых тем более значимы, чем менее очевидны (мы попытались показать это на примере «этики войны»). Навязанные государством фигуры становятся способом сохранения лояльности. Важнейшей такой фигурой является, конечно, террорист. Универсальный правовой порядок, мировое разделение труда, культурный империализм, поставляющий образы жизни, к которым большая часть населения Земли заведомо не сможет даже приблизиться, порождают перманентную «гражданскую войну планетарного масштаба». Государство пытается обосновать себя, подчиняя ее привычной логике противостояния, то есть учреждая террориста как «Большого Другого».

Теракт производится СМИ как медиа-продукт, вписанный в символический и коммерческий порядок. Иначе говоря: связанный со всей индустрией производства образов (неслучайно после 11 сентября 2001 года говорили об «эффекте бумеранга» — в рухнувших башнях-близнецах воплотились фильмы-катастрофы) и обладающий конкретной денежной стоимостью, повышающейся или понижающейся в зависимости от затронутых политических, экономических и карьерных интересов (может быть, например, некий взрыв должен был быть предотвращен определенной службой, или, может быть, он показал, что безопасней пользоваться услугами другой транспортной компании). Террорист вынужден говорить через своих врагов и на их языке; теракт как событие совершает журналист, смысл вписывается в него жертвами и их родственниками, чиновниками, экспертами, политиками, редакторами... Теракт становит-

¹ *Лоренц К.* Так называемое зло. К естественной истории агрессии. М., 2008. С. 223.

ся вызовом, на который власть вынуждена отвечать — причем в логике, схожей с той, которую анализирует Фуко, описывая в первой главе «Надзирать и наказывать» казнь Дамьена, покусившегося на жизнь короля. Вызовом, позволяющим ей реучередить себя в качестве сакральной, позволяющим заявить о себе даже как о чрезмерной, начав войну со Злом, объявив чрезвычайное положение и ограничив ряд гражданских свобод. Жан Бодрияйр пишет: «Самый драматичный политический результат последних событий заключается в крушении такого понятия, как мировое сообщество, и, шире, всей системы представительства и легитимности. [...] Ведь ситуация складывается следующим образом: никто не хочет войны, и тем не менее, она состоится — состоится с более или менее явного согласия правительств всех стран мира»¹. Но в том то и дело, что терроризм обеспечивает государству carte blanche. Террорист становится «новым Гитлером», воплощением абсолютного зла, его действия воспринимаются как бесконечное преступление. В результате исчезает «полемика, сравнивающая принципы и практики». Принцип этого исчезновения, как пишет Жак Рансьер, — «представление абсолютной жертвы, жертвы бесконечного зла, требующего бесконечного возмездия»². В войне с террором, таким образом, оказываются хороши любые средства.

Мы не придерживаемся, конечно, конспирологических объяснений терроризма (хотя уже их популярность свидетельствует, что разговорам о выгодности терактов для правительств и спецслужб присущ некоторый «здравый смысл»). Напротив, мы хотели бы подчеркнуть, что в навязывании террориста как фигуры представления нет чьего-то циничного умысла — такова логика функционирования полей символического производства (политики, журналистики, науки). Это означает, однако, что вопрос победы над терроризмом — это вопрос изменения социального порядка, обеспечивающего данные формы символического производства. Или: вопрос о социальном порядке как произведении искусства. От того, какие ответы мы будем давать на него, зависит развитие саморегуляции, появление новых форм интеграции и солидарности — или, напротив, искусственное возрастание государства, обеспеченное эскалацией «мировой гражданской войны».

¹ Бодрийяр Ж. Под маской войны. http://www.strana-oz.ru/?article=718&numid=15

² *Рансьер Ж.* До и после 11 сентября: разрыв в символическом строе?// Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 г. глазами французских интеллектуалов. М., 2003. С. 55.

Мехед Г.Н. Государственный университет гуманитарных наук, факультет философии, 5-й курс

Государство и эстетика

...абсолютная свобода в искусстве как одном из частных видов деятельности неизбежно входит в противоречие с постоянным состоянием несвободы в обществе в иелом.

Теодор Адорно, «Эстетическая теория»¹

Через несколько месяцев после начала вторжения войск США и их союзников в Ирак мародерами при попустительстве коалиционных войск был разгромлен Багдадский музей, где хранились редкие экспонаты, в том числе знаменитая стела Хаммурапи² — один из первых письменных источников права. Преступное равнодушие к общечеловеческому культурному наследию, проявленное оккупантами свидетельствует об отсутствии у них элементарного образования и, как следствие этого, об отсутствии какого-либо уважения к сохранению памятников «освобожденного» Ирака. Таким образом, американские оккупанты предстают не в самом лучшем свете — не как освободители, а, скорее, как новые варвары, сродни ордам Атиллы или толпам вандалов, громящих Рим.

Что поделаешь, если мы живем в эпоху, когда нефть ценится гораздо выше, чем какие-то стелы с непонятными клинообразными значками... Тем более очевидно, что пока никакого значительного прогресса в деле сохранения культурного наследия нет. Конечно, филиалы ЮНЕСКО успешно действуют по всему миру, но является ли это гарантией, безусловной гарантией от разрушения культурных ценностей и памятников? Учитывая, что ООН (и ЮНЕСКО, соответственно) под давлением США очень часто склонна занимать позицию «двойных стандартов», опасения за судьбу памятников и достояний целых наций кажутся весьма реальными.

В этом свете поиск новых решений и обращение к предыдущему опыту человечества представляются вполне логичными. Одним из та-

¹ Адорно Т. В. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. С.5.

² http://old.russ.ru/politics/20030417-sigal-pr.html

ких опытов является так называемый Вашингтонский Пакт или Пакт Рериха¹, в подписании которого в Вашингтоне 15 апреля 1935 года участвовали более чем два десятка государств. Этот Пакт, также как и Конвенция ООН 1954 года, был призван установить раз и навсегда незыблемые стандарты отношения к памятникам культуры в военное время. Как ни странно, но конвенция 1954 года по своим амбициям значительно уступила Пакту Рериха, хотя и официально признала его.

Разработал проект Пакта Николай Рерих, российский эмигрант, философ, новатор в области живописи. Хотя вряд ли именно личность автора проекта сыграла ключевую роль в подписании Пакта. На первый взгляд удивительно, что Пакт был сразу же поддержан американской стороной, без влияния и доброй воли которой Пакт, скорее всего, так и остался бы на бумаге: и здесь свою роль сыграл Ф.Д. Рузвельт, который стал главным организатором подписания Пакта, сумев объединить для этого 21 американское государство. Однако же не все так просто. В середине 1930-х годов уже довольно четко вырисовывались контуры будущего противостояния с СССР. Американцам нужно было показать, что они поддерживают эмигрантские круги, заручиться их поддержкой. К тому же, как это стало ясно еще при подписании Пакта Бриана-Келлога², американцам было крайне выгодно продемонстрировать свою инициативу и дееспособность в международном праве, учитывая их желание ослабить влияние Лиги Наций, а еще лучше — создать альтернативную ей организацию, но уже подконтрольную Вашингтону.

Тем не менее, не стоит забывать, что по своему духу Пакт Рериха кардинально отличался от тех норм и конвенций международного права, которые принимались обычно под влиянием США. В этом смысле, Пакт, скорее, был преемником международных инициатив еще императорской России³, благодаря которым возник Гаагский трибунал и была принята первая международная конвенция, ограничивающая использование различных видов вооружения. Вряд ли США и их союзники намеревались серьезно отстаивать принципы и положения Пакта, что позднее продемонстривало принятие Конвенции ООН 1954 года, которая формально основывалась на Пакте Рериха, однако реально имела к нему мало отношения, проигнорировав некоторые важные положения Пакта. Именно поэтому Пакт так и остался скорее декларативным документом, чем реальным нормативным актом международного права.

¹ http://www.smr.ru/centre/win/books/shibaev 1.htm

² http://www.kaa-club.com/статьи/monitorum-аналитика/Пакт-бриана-келлога/

³ http://www.kaa-club.com/статьи/monitorum-аналитика/гаагская-конференция/

Однако Николай Рерих, очевидно, рассчитывал на нечто большее, чем просто подписание и декларирование принципов Пакта. Более того, в самом документе были заложены некоторые идеи, которые позволяют говорить о целостной — эстетической — концепции государства. В тексте Пакта и своих многочисленных статьях на эту тему Рерих призывал сделать основной расходной статьей бюджета государства финансирование культуры и искусства. В канун Первой мировой войны это было настоящим скандалом, ведь более половины бюджета тратилось европейскими государствами на военные нужды.

Логика рассуждений Рериха внешне проста и наивна — тратя основные фонды не на войну, а на культуру, человечество постепенно отойдет от практики войн, «повзрослеет» и перейдет к мирному сосуществованию наций и государств. Эту идею до Рериха лелеяли многие лучшие умы человечества, включая Руссо и Канта. Последний написал даже трактат «О вечном мире», где провозглашал принципы устройства международного права, при которых могли бы быть достигнуты условия всеобщего мира¹. У Канта, конечно же, идея «вечного мира» осмысливалась исключительно в русле философскоправового дискурса. И это осмысление базировалось на правовой концепции государства. Рерих же подспудно пытался утвердить свое понимание государства — как произведения искусства. Иначе говоря, поддерживая и развивая культуру и искусство, государство само становится объектом эстетического восприятия и анализа.

Но здесь возникает ряд вопросов, с которыми, как мне кажется, следовало бы разобраться. Конечно, государство и произведение искусства — вещи несовместимые. Это, скорее, просто метафора. Впервые ее употребил Я. Буркхардт, однако использовал он это сравнение по отношению к итальянским государствам эпохи Возрождения, чьи правители — князья и герцоги — старались превзойти друг друга в поощрении искусств и ремесел и, таким образом, большая часть денег из бюджета тратилась на искусство. Однако не следует, конечно же, смешивать две вещи — поддержку искусства и само искусство. Оттого, что государство поддерживает и развивает искусство, оно само онтологически, разумеется, не становится произведением искусства.

Можно было бы сказать, что государство является произведением искусства, автором которого выступает нация. Однако в таком случае наше современное российское государство является весьма специфическим произведением искусства, напоминающим скорее шедевры

¹ http://www.politvektor.ru/glavnaya-tema/4689/

Сальвадора Дали... И каким же тогда уродливым произведением искусства являлось бы нацисткое государство! Каковы тогда критерии различения произведения искусства, шедевра, от обычной «мазни»?

Так в каком же смысле государство может являться произведением искусства? На мой взгляд, ни в каком — это лишь метафора. Однако вполне оправданно говорить о применении эстетических критериев по отношению к государству, оценивая и анализируя его конкретную деятельность.

И здесь проявляется один важный момент. Эстетический анализ государства возможен лишь в той мере, в какой к нему применим анализ этический. Можно долго спорить о том, что такое искусство, и рассуждать о нравственных основаниях искусства, однако по отношению к государству эстетический критерий во многом совпадает с этическим. Было бы слишком безнравственно заявить, что нацистское государство — произведение искусства, а те, кому оно не нравится, — ничего не смыслят в искусстве.

Ведь не все то, что красиво — этично. Например, те же нацисты очень большое внимание уделяли культуре, искусству. Они были буквально помешаны на символах и мифологии. Однако это никак не оправдывает их поступки, их варварское желание убивать и разрушать чужую культуру.

Перед тем, как перейти к контаминации эстетического и этического методов, следует выяснить, что представляет из себя этический подход. Существует точка зрения, согласно которой государство — лишь средство, помогающее обществу достичь определенных целей, и эта точка зрения обычно оказывается близка представителям юридической науки. В.И.Спиридонова утверждает, что существует два основных подхода к проблеме толкования идеи государства — институциональный и этический.

Институциональный подход, как ни трудно догадаться, воспринимает государство как средство, инструмент достижения каких-то целей, которые ставит перед государством общество. Этический же подход, наиболее выдающимся представителем которого является Гегель, понимает государство как имманентную часть общества. Это не просто средство, которое само себя изживает и «усыпляет», как считал, например, Ленин, оно еще и цель. Дело в том, что только с такой позиции можно действительно рассуждать об этических принципах и правилах в политике, оценивать действия государства с этических по-

¹ Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли.

зиций. Именно при этическом подходе становится возможным определить гармоническое соотношение между обществом и государством.

Институциональный же подход априори предполагает, что государство мешает обществу, противостоит ему, каким бы хорошим и правильным оно ни было. Поэтому государство при таком подходе — всегда плохое, всегда мешает развитию гражданского общества, всегда «давит» экономику. Неудивительно, что институциональный подход отождествляет власть и насилие.

Общество при этом как бы никакой ответственности не несет — оно всегда, опять-таки априори, выступает в позе «страдающего», всегда пассивно. Таким образом, такой подход несет в себе заряд релятивной и утилитаристской морали, в то время как этический подход основан на признании абсолютных норм и ценностей. Поэтому совместить этический и эстетический методы, на мой взгляд, можно только на базе этического подхода к государству.

Учитывая, что центральным понятием эстетики является гармония, то центральным понятием, так сказать, этатистской эстетики, следуя нашей логике, должно быть понятие справедливости. Именно это понятие обеспечивает концептуальное «схватывание» идеи гармонии в общественно-правовом поле. Горизонт понятия «справедливости», конечно, довольно широк, но именно «сотрудничество» с эстетикой может дать определенные положительные результаты и сузить круг проблем, связанных с соотношением общего и частного, индивидуального и всеобщего, что является, на мой взгляд, центральным содержанием понятия справедливости.

Наиболее универсальное осмысление понятия справедливости дал Кант, он оставил нам ключ к разгадке соотношения частного и всеобщего в этико-социальном контексте. Ключ этот — категорический императив. Именно в категорическом императиве содержится формулировка всеобщего правила универсализации, посредством которого и устанавливается гармоническое соотношение между всеобщим и частным. Это соотношение устанавливается изнутри частного, особенного. Иными словами, особенное, когда оно осознает свою автономность, устанавливает всеобщее равенство для всех разумных существ посредством априорных законов практического разума и, таким образом, уравновешивает всеобщее — закон — и индивидуальное, особенное — свободу. Именно в следовании всеобщему закону заключается подлинная свобода индивида — вот кантовское решение проблемы справедливости.

Очевидно, что эстетическая концепция государства, если мы уже выяснили, что она не может оставаться нерелевантной по отношению к этическим принципам, должна строиться с учетом этих выводов Канта.

Предвижу возражение, что я здесь просто низвел эстетику до чистой этики. Однако давайте представим себе просто «хорошее», так сказать, «этическое» государство. Оно исправно заботится о своих гражданах, помогает искусствам и культуре (но не чересчур обильно), соблюдает принципы правового государства, где закон уважается и исполняется повсеместно, не слишком вмешивается в частную жизнь своих граждан, справедливо перераспределяет доходы, сглаживая разницу между бедными и богатыми. Одним словом, это «хорошее» государство, в том смысле, что там все действительно равны перед законом и между социальными группами нет острого антагонизма: бедных нет, все довольны своим достатком.

Однако это всего лишь «первый уровень». Ведь в таком обществе происходит самое ужасное: оно все глубже и глубже погружается в пучины общества потребления, поскольку все препятствия к удовлетворению потребностей устранены. И все погибает в фетишизме, а культура и искусство полностью интегрируются в потребительскую идеологию. В результате, такое «хорошее» государство оборачивается унылым потребительским раем.

Это именно то, что происходит в странах Запада, а с 90-х годов XX века этот процесс принял глобальный характер. Массовая культура и массовое потребление становятся символами потребительской цивилизации. В результате мы наблюдаем феномен новой коллективизации, когда человек — потребляющий раб — закрепощен и поглощен системой. В таком обществе существует патологическое нарушение соотношения между особенным и всеобщим. Конвейер позволил производить в огромных количествах одинаковые — абсолютно одинаковые! — вещи. При этом непосредственные производители — рабочие — оказываются отчужденными от предмета своего труда. Рабочий собирает не автомобиль, а крепит болтами двигатель к раме или вклеивает лобовое стекло — но он никогда не производит вещь целиком.

Таким образом, человек низведен до уровня обслуживающего механизма, от которого требуется производить в больших объемах монотонные циклические операции и потреблять одинаковые товары, к которым относятся и предметы современного искусства. Несмотря на видимое торжество частного, особенного, индивидуального, в действительности торжествует как раз всеобщее, коллективное, первобытное. Это отлично иллюстрируют работы Э.Уорхола, где предметом изобразительного искусства становится бутылка кока-колы или банка консервов — абсолютно массовый предмет, один из миллионов ему полобных, ничем от него не отличающихся.

Торжествует природная необходимость, абсолютный и неумолимый закон. Потребители, считая, что достигают наибольшей свободы, наиболее полно и разнообразно удовлетворяя свои потребности, идут на поводу своих прихотей и потребностей, не подозревая, что эти потребности им навязаны. На пути претворения принципов гуманитарной справедливости становится человеческая природа, природа homo economicus. В результате человек возвращается в массу, в толпу, из которой, казалось, вышел в XVIII-XIX веке: у него напрочь отсутствует критическая рефлексия и саморефлексия, и потому он неспособен различить должное и сущее; говоря языком Канта, он действует исходя лишь из гипотетического императива, ко всему относясь лишь как средству удовлетворения своих потребностей, что мы и видим на примере вторжения США в Ирак и истории с пропажей стелы Хаммурапи.

* * *

Поэтому эстетический элемент обязательно должен присутствовать в концепции государства. Что же представляет из себя эстетическое государство?

Эстетическое государство должно как можно больше внимания уделять развитию своих граждан посредством институтов культуры и образования с целью восполнения индивидуального и особенного — в этом Рерих был, безусловно, прав. Но важно подчеркнуть и другой момент: истинная справедливость восторжествует только тогда, когда социальные отношения в государстве будут устанавливаться исходя из требований категорического императива. Именно в этом задача эстетически привлекательного государства: оно должно не просто гармонизировать социальные отношения посредством уравнивания всех перед законом и эффективного перераспределения доходов и благ (на этом оно должно было бы остановиться, исходя из институционального подхода), но еще и пробудить самосознание своих граждан, перевести их, по Гегелю, с уровня чувственной достоверности через уровень сознания на уровень самосознания.

Именно поэтому нужно предоставить максимум условий для развития творческих способностей каждой личности. Ведь только посредством самоотчуждения, критического раздвоения индивидуальности в процессе творческого созидания и происходит рождение полноценной, автономной и рефлексивной личности. Как иначе научить восприятию искусства, кроме как в процессе творчества?

Искусство обладает мощным потенциалом освобождения, как это было в период Возрождения. Почему это так? Да потому, что каждое произведение искусства — будь то художественный роман или симфо-

ния — абсолютно оригинально, именно это отличает настоящее искусство. Каждая картина — если это подлинник — единична в своем роде, а значит, требует не формального подхода, а индивидуального, содержательного восприятия. Именно об этом и должно заботиться в первую очередь «наше» эстетической государство — воспитание способности воспринимать предметы искусства неизбежно приведет к росту самосознания, саморефлексии, необходимости осмысления самого себя, развитию «двумерного» мышления. Таким образом, эстетическое государство должно возглавить эстетическое просвещение.

Новое Просвещение необходимо¹, причем именно эстетическое. Старое Просвещение, которое рождалось под флагом рациональности, пришло к культу разума, его обожествлению. История Нового Времени — по сути, история «сумасшествия Разума» и нового восхождения иррационального, достигшего своего апогея в XX веке под видом потребительской цивилизации. Адорно и Хоркхаймер — главные критики Просвещения² — продемонстрировали его внутреннюю амбивалентность, надорванность: оно пошло по боковому пути развития, слишком понадеявшись на разум и забыв непосредственно о «просвещенности». Таким образом, Просвещение отставило позитивную рациональность, предпочтя ей культ Разума, новую мифологию. Научно-технический прогресс лишь помог этой мифологии утвердиться, превратить окружающий нас мир, по выражению Хайдеггера, в «постав»³.

Преобладание научно-технического знания — огромный перекос в пользу «физиков», что демонстрирует пример общего образования, — привел к тому, что совершенно неверно было истолковано понятие рациональности, в результате чего из творческой рефлексии рациональность превратилась в механико-математический склад ума. Навязанная обществу научно-техническим прогрессом и системой потребления эта однобокая рациональность превратила большую часть населения планеты в «людей-без-свойств» (гениальное пророчество Р. Музиля), марионеток, которыми в своих целях манипулирует политическая надстройка огромной машины потребления.

Новое гуманитарно-эстетическое Просвещение призвано исправить этот «перекос». За счет приобщения населения к культурным ценностям прошлых эпох и предоставлению ресурсов для максимального развития творческих способностей перекос можно было бы ликвидировать. Спасет ли это от общества потребления? Вряд ли эстетическое Просвещение коренным образом изменит экономиче-

http://www.politvektor.ru/analitika/3836/

² Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения

³ *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993.

скую базу, но, безусловно, весьма сильно отразится на политической системе общества, а также на культурном развитии. Если человек почувствует, что он обрел «свойства», стал полноценной неповторимой личностью, то ему уже не нужна будет «псевдоиндивидуальность», навязываемая идеологией потребления и модой, следовательно, одна из основ этой потребительской идеологии будет подорвана. И чем больше людей будут обретать «свойства», тем менее тотальным будет это пресловутое общество потребления.

* * *

Пакт Рериха в свое время предуготовил идею нового Просвещения, сформулировав эстетическую концепцию государства. Но что означает новое гуманитарно-эстетическое просвещение для международных отношений и права? Прежде всего, торможение процесса глобализации. Если тоталитарное потребительское общество начнет распадаться, нации неизбежно станут возвращаться к своим собственным культурным, идеологическим и религиозным истокам. Вероятно, такой поворот будет означать новое обострение отношений с исламским миром, так как в пору господства глобализации ислам присвоил себе монопольное право критиковать потребительскую цивилизацию, противопоставляя себя ей. Ее распад может повлечь за собой, так сказать, кризис самоидентификации ислама. Впрочем, это в равной степени касается почти всех традиционных религий. Особенно жестко этот кризис, по-видимому, может сказаться на протестантизме.

Таким образом, вряд ли «принятие на вооружение» концепции эстетического государства будет способствовать установлению мирных отношений между цивилизациями. Однако это лишь в начальный период «исхода» из общества потребления. Постепенное освобождение и обретение «свойств» продемонстрирует, что человечество в своей основе едино. Творческий прогресс человечества неизбежно откроет наличие подлинных, а не сфабрикованных, общечеловеческих ценностей, так как обретение индивидуальности каждым народом и каждым человеком будет сопровождаться изменением способа мышления, из «одномерного» оно станет «двумерным», а то и «трехмерным». В конечном итоге, установится понимание единства истин разума, которые не только всеобщи, но еще и универсальны для всех разумных существ.

* * *

Для России, по-видимому, идея эстетического просвещения была бы как нельзя кстати. Достаточно взглянуть на то, что происходит с нашей экономикой и образованием, с нашей культурой и наукой, для того,

чтобы осознать всю глубину упадка российского государства и общества. И здесь неизбежен парадокс: эстетическое государство должно стать «локомотивом» нового Просвещения, однако на сегодняшний день наше государство не может соблюдать даже уже принятые законы, не может гарантировать неприкосновенность частной собственности и т.д. Кто же заставит его вкладывать деньги в культуру?

Нынешняя элита еще готова вкладывать деньги в те отрасли науки, которые обещают большие дивиденды если не прямо завтра, то в среднесрочной перспективе (пресловутые «нанотехнологии»). Что же касается гуманитарных отраслей российской науки, то складывается такое впечатление, что государевы люди даже «не в курсе», что к ним помимо экономики и юриспруденции относятся также и культурология, история, социология, философия.

То же самое с искусством и культурой. Они полностью интегрировались в потребительское общество, которому интересны лишь третьесортные детективы и блокбастеры. Серьезная литература, серьезный кинематограф, не интегрированные в рыночные механизмы (просто потому, что они не могут составить конкуренцию, не востребованы потребителем), влачат жалкое существование.

Какие альтернативы есть у России, кроме как открыто идти навстречу потребительскому обществу? Конечно, очень важной задачей является введение государства в правовые рамки и построение разветвленного гражданского общества, решение вопросов социальной справедливости. Однако не менее важной задачей, если мы хотим приблизить наше государство к эстетическим идеалам, является создание условий для развития гуманитарного образования, повышение статуса гуманитарных наук, финансовая стимуляция гуманитарных исследований и образовательных программ, прививание основ эстетической культуры.

Полынин И.М. Саратовская государственная академия права, гуманитарный факультет, отделение «Политология», 3-й курс

Государство как произведение искусства

Ввеление

Во всяком произведении искусства великом или малом, вплоть до самого малого, всё сводится к кониепиии.

Иоганн Вольфганг Гёте.

За всю историю развития человечества было сформировано множество понятий и определений государства. Аристотель утверждал, что это «самодовлеющее общение граждан», Д. Локк, представлял его как общую волю, выраженную преобладающей силой, Р. Молль считал, что государство — это «организация совместной народной жизни», Ленин называл его аппаратом угнетения одного класса другим. В целом, можно сказать, что количество определений государства приблизительно равно количеству мыслителей, исследовавших данный вопрос. Но посреди множества мнений и обоснований особняком стоят слова Я. Буркхардта о том, что в случае преодоления в государстве тирании, эгоизма и пренебрежения к праву «в истории появляется нечто новое: государство как сознательно задуманное построение, как произведение искусства» 1.

Из-за множества трактовок данную точку зрения можно назвать неожиданной. В самом деле, если рассуждать о государстве как о произведении искусства, что нужно иметь в виду? Три подхода к пониманию данного вопроса были обозначены на заседании Московско-Петербургского философского клуба (МПФК), проходившем в апреле 2010 года.

Первый, выделенный академиком А.А. Гусейновым, эстетический подход, с одной стороны включает в себя восприятие государства с точки зрения его внешнего дизайна — парадности и ритуальности. С другой стороны, Абдусалам Абдулкеримович утверждает, что: «государство может быть понято в качестве произведения искусства в

¹ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. С. 8.

прямом значении... как скажем роман Толстого «Война и мир» или опера Чайковского «Евгений Онегин»»¹.

Почему? Потому, что, по мнению А.А. Гусейнова: «Государство — это ...изначальная самодостаточная, прекрасная, каждый раз в себе индивидуальная реальность в том виде, в каком её создают конкретные люди, которые стремятся к лучшей жизни. И при таком понимании государство, конечно, есть произведение искусства».²

Второй подход, сакральный, тесно переплетается с первым и был озвучен в речах П.Д. Баренбойма и И.Г. Яковенко. Вытекает он из вопроса соотношения государства и культуры. Петр Давидович утверждает — огромной национальной проблемой любого государства (а особенно нашего) является плохой вкус. В качестве объяснения он цитирует Евгения Евтушенко: «...Когда политика, ведущая себя как путана, напяливает подвенечное платье, плохой вкус не делает её девушкой... Употребление блатного лексикона, чтобы «стать ближе к народу», это плохой вкус... Считать войну до победного конца единственным выходом, даже если война бесконечна...это плохой вкус... Да и сам наш парламент — это выставка вопиюще плохого вкуса некоторых избирателей...»³.

По мнению П.Д. Баренбойма, эстетика и сакральность государства заключаются в том, что одно стихотворение может выразить его сущность лучше, чем тысячи философских и юридических исследований. А государство как произведение искусства — это государство, где ценятся идеи Пакта Рериха⁴.

Продолжает эти мысли И.Г. Яковенко: «Люди не могут относиться к государству только как к некоторому социальному или политическому институту... Любое государство будет себя эстетизировать... работать на ритуальные формы, на самопредставление... и в этом отношении оно неотделимо от искусства». 5

Третий подход к пониманию государства — **рационалистический**. По сути своей, он противопоставляется первым двум. Сформулировал его профессор В.М. Межуев: «Государство выступает действительно как некоторая машина, но никак не эстетическая конструкция. Это во времена Возрождения можно было так говорить, потому что тогда

¹ Стенограмма заседания МПФК. Государство как произведение искусства: между эстетизацией и рационализацией (ч.1). 23.06.2010. www.ng.ru.

² Там же. См.: Гусейнов.

³ Там же. См.: Баренбойм.

⁴ Первый в истории международный договор о защите культурного наследия, подписанный в Вашингтоне представителями двадцати одной американской республики 15 апреля 1935 года в 12 часов дня.

⁵ Стенограмма заседания МПФК. Государство как произведение искусства: между эстетизацией и рационализацией (ч.1). См.: Яковенко.

было очень эстетизированное мировоззрение. В Новое время государство выступает как машина, которая принуждает частных собственников... действовать так, чтобы они не перегрызли друг другу горло... Что там эстетически можно объяснить — я понятия не имею!» ¹.

Таким образом, **целью** данной работы является попытка ответить на вопрос: «Допустимо ли считать государство произведением искусства?».

Для достижения поставленной цели планируется решить следуюшие залачи:

- 1. Проанализировать заявленную тему с точки зрения этикоэстетического подхода. (Постараться понять, можно ли считать государство «произведением искусства в прямом значении» или «прекрасной, каждый раз индивидуальной в себе реальностью»).
- 2. Рассмотреть государство с точки зрения сакрализации.
- 3. Определить сочетаемость этико-эстетического и сакрального подхода к государству с его рационализацией.

Стоит признать, что важность темы «государство как произведение искусства» на первый взгляд не очевидна. Но именно в ней заложены такие актуальные сегодня в России проблемы, как сложность национальной самоидентификации, сохранение культурно-исторического наследия, соотношение политики и морали, предназначение государства. Решения же этих проблем лежат не только в рамках политической или юридической науки, но и в пределах философии, формирующей человеческую личность. И хочется верить, что со временем, в мировоззренческих вопросах, люди всё-таки вернутся к авторитету философов, а не торговцев.

Глава І. Государство с точки зрения этики и эстетики

А гений и злодейство

Две вещи несовместные. Не правда ль?

А. С. Пушкин. Из трагедии «Моцарт и Сальери».

Мудрость улавливает красивое в уродливом, хорошее — в плохом....

И. Н. Шевелев.

Чтобы ответить на вопрос, является ли государство «произведением искусства в прямом значении» или «прекрасной, каждый раз индивидуальной в себе реальностью», необходимо обозначить некую шкалу ценно-

¹ Стеннограмма заседания МПФК. Государство как произведение искусства: между эстетизацией и рационализацией (ч.1). См.: Межуев.

стей. И для объективности подходить не только со стороны внешней формы (эстетики, выделенной А.А. Гусейновым), но и внутреннего (этического) содержания. То есть, попытаться осознать: является ли государство само по себе злом или добром и в каких случаях его можно назвать красивым. Так как во многом тема, поднятая в данной работе, существует благодаря Я. Буркхардту, обратимся к его пониманию государства как произведения искусства.

В своей работе «Культура Возрождения в Италии» он, несомненно, пользуется эстетическим подходом, оценивая государство с точки зрения его парадности, ритуальности, да и в целом, как отметил профессор Кембриджского университета Питер Берке, иллюстрирует влияние «культуры на политику», таким образом, представляя ренессансную концепцию Государства как произведения искусства в качестве альтернативы современному государству. Но при более внимательном рассмотрении можно заметить, насколько Буркхардта интересует этический аспект. Рассмотрим два примера из главы «Государство, как произведение искусства».

Пример первый: правление Джангалеоццо Висконти в Милане.

Буркхардт отмечает, что за время своей жизни Д. Висконти (1378—1402) внёс огромнейший вклад в культуру своего государства. Он основал «чудеснейший из всех монастырей» Чертозу ди Павия, Миланский собор, «по величине и великолепию превосходящий все церкви христианского мира», дворец в Павии, «который надолго стал самой роскошной княжеской резиденцией в тогдашней Европе», поместил там же свою библиотеку, большую коллекцию реликвий святых, а также посвятил им «особый культ» 1. Однако вместе с тем Буркхардт отмечает, что высшей целью государства этого времени становится княжеская охота на кабанов; того, кто пытается помешать этому, жесточайшим образом казнят; «трепещущий народ должен кормить пять тысяч его (Висконти) охотничьих собак и нести строжайшую ответственность за их надлежащее содержание» 2. Ужесточается бремя налогов, распространяется атмосфера тирании и страха.

Таким образом, несмотря на обилие культурных памятников, внешнюю красоту и атрибутику дома Висконти, Буркхардт не называет созданное им государство произведением искусства, из-за чудовищного «капитала жестокости и трусости, который в этом роду передавался из поколения в поколение»³.

Пример второй: Правление Федериго Монтефельтро в Урбино.

¹ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. С.14.

² Там же.

³ Там же.

Явным антиподом Джангалеоццо Висконти выступает Федериго Монтефельтро (1422-1482 гг.). Я. Буркхардт пишет, что во время его правления «не только государство было рассчитанным и организованным произведением искусства», но также и двор, придворные которого «были совершенны». То есть они не были расточительны, не играли в азартные игры, не злословили и не хвастались. Сам же Федериго ежедневно был занят делами государства, вёл аскетический, набожный образ жизни и даже «охотно руководил гимнастическими упражнениями молодых людей своего двора на лугу при монастыре св. Франциска» 1. Целью государства Урбино Буркхардт называет заботу о подданных, и как можно заметить, с любовью и скрупулезностью описывает все его особенности, начиная с дворца и библиотеки и заканчивая образом жизни обитателей.

На основании сравнения двух вышеуказанных примеров можно заключить, что с эстетической стороны Буркхардт оценивает государство как «...каждый раз индивидуальную в себе реальность», причём далеко не всегда прекрасную. И главным критерием ответа на вопрос, является ли государство произведением искусства, становится его этическая составляющая, в том смысле — доброе оно по своей природе или нет. А эстетика, связанная с внешней формой, вторична. Вывод: по Буркхардту: злое красивым быть не может.

Однако есть очень важное обстоятельство. Следует отметить, что Буркхардт выносит свои рассуждения на основании частных случаев. И отрицательных примеров государства он приводит куда больше, чем положительных. При этом каждое «государство-произведение искусства» недолговечно и обязательно связывается им с конкретным человеком. Да и сами примеры «чудо-государств», выдвигаемые этим учёным, страдают откровенным идеализмом. Так, например, с исторической точки зрения известно, что тот же Федериго Монтефельтро служил кондотьером (наёмным военачальником) у семьи Висконти, подавил восстание в Вольтере, не любил книгопечатание и по одной из версий взошёл на престол в результате заговора Пацци. Поэтому, для объективности, с тех же подходов рассмотрим государство как явление.

Можно сказать, что в основном мыслителей, исследовавших проблемы создания государства, ещё со времён Т. Гоббса и Д. Локка разделяло лишь одно: отношение к человеческой природе. Одни считали, что она «тварная» (Гоббс, Беккариа, Тихомиров, Данилевский, Бердяев и т.д), другие утверждали, что она положительная (Монтескье,

¹ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. С.14.

² Заговор Пацци — неудачный заговор среди флорентийских патрициев и их сторонников во главе с Франческо Пацци, направленный на свержение правящей в Тоскане династии Медичи. (2.05.1478)

Руссо, Радищев, Пейн, Леонтьев, Чичерин, Кавелин и т.д.). Первые писали, что естественным состоянием для человека в догосударственный период является «война всех против всех». Вторые этот тезис опровергали, объясняя возникновение государства необходимостью регулирования усложняющихся общественных отношений. Однако, в целом аргументация к созданию государства такова:

- 1. Оно является выразителем общественных интересов.
- 2. Оно необходимо для защиты населения от внешних и внутренних угроз.
- 3. Оно регулирует общественные отношения, обеспечивает защиту прав и свобод граждан.
- 4. Оно способствует появлению и развитию религиозных, образовательных, воспитательных, торговых и иных общественных учреждений.

На первый взгляд всё вполне обоснованно. С этической точки зрения, государство выступает позитивным регулятором социальных отношений, создателем общественных институтов, катализатором прогресса, защитником мира и порядка. С эстетической — идеальным механизмом распределения ролей, машиной по претворению в жизнь народной воли. Но ведь реальность куда суровее.

И было бы несправедливо замолчать иной подход к данной проблеме, который имеется у отечественных и зарубежных теоретиков анархизма (Годвин, Прудон, Штирнер, Бакунин, Кропоткин, Толстой и т.д.). Рассмотрим их контраргументы:

- 1. Государство не является выразителем общественных интересов. Так как в любом случае оно отражает интересы не всего народа, а лишь правящего класса. Используя лексику Прудона можно сказать: «Управление людьми посредством людей есть рабство» 1, причём независимо от источника: мыслитель одинаково осуждает и власть насилия, и власть авторитета. С этой же точки зрения подвергаются критике идеи парламентаризма и представительства. «Все партии без исключения, как скоро они начинают стремиться к власти, делаются только различными формами абсолютизма» 2, добиваясь власти, они не гнушаются ложью, удерживая её применением физической силы.
- **2.** Государство не нужно для защиты от внешних и внутренних угроз. Более того, оно само по себе является их источником. А именно ещё в XIX столетии великий Л.Н. Толстой написал: «Но кто же эти...зые люди, от насилия и нападения которых спасает нас государство и его войско?

¹ Эльцбахер Ц. Анархизм. Суть анархизма. М., 2009. С.74.

² Там же.

Если три, четыре века тому назад... когда убивать людей считалось доблестью, были такие...то ведь... люди нашего времени не употребляют и не носят оружия, и все, исповедуя правила человеколюбия, сострадания к ближним, желают того же, что и мы, — только возможности спокойной и мирной жизни»¹. Отрицает Лев Николаевич и необходимость судебно-репрессивной системы, настаивая на том, что преступник — тот же человек, которого совершить преступление чаще всего заставила некая необходимость, а не желание. И «угрозы и наказания не могут уменьшить количества таких людей, а уменьшает его только изменение среды и нравственное воздействие на людей»². Тогда как тюрьмы, каторги и казни лишь огрубляют народ.

3. Государственное регулирование общественных отношений губительнее его отсутствия. Лучше всего данные мысли выражены у Кропоткина. «Рассматривая те миллионы законов, которым повинуется человечество, можно заметить среди них три обширных класса: законы для защиты собственности, законы для защиты правительства и законы для защиты личности»³. При анализе мыслитель приходит к их вредности и бессмысленности. Так как законы о собственности призваны не защищать данное право, а наоборот, похищать часть продукта у производителя. Законы для защиты правительства закрепляют лишь особые привилегии правящих классов и легализируют насилие. А страх наказания ещё не удержал ни одного убийцу, решившего посягнуть на неприкосновенность личности.

4. Государство тормозит развитие религиозных, образовательных, воспитательных, торговых и иных общественных учреждений, хотя в свое время и способствовало их появлению.

Эту мысль развил Л.Н. Толстой, отмечая, что если на определённой стадии исторических отношений люди были разобщены между собою, и государство являлось неким коммуникативным органом, то в нынешнее время «широко развившиеся средства общения и передачи мыслей сделали то, что для образования обществ, собраний, корпораций, конгрессов, ученых, экономических, политических учреждений люди нашего времени не только вполне могут обходиться без правительств, но что правительства в большей части случаев скорее мешают, чем содействуют достижению этих целей» 4.

Таким образом, можно заключить, что взгляды анархистов неоднократно подтверждались историей. Именно государства начинали самые

¹ *Толстой Л.Н.* Царствие божие внутри вас. С. 75. www.koob.ru.

² Там же.

³ Эльцбахер Ц. Анархизм. Суть анархизма. М., 2009. С. 146.

⁴ *Толстой Л.Н.* Царствие божие внутри вас. С. 75. www.koob.ru.

бессмысленные и крупные войны, тормозили развитие науки средневековым догматизмом, мешали общественному развитию тоталитарными идеологиями, да и в целом, даже при демократических режимах, наносили больше вреда, чем пользы. Из чего следует, что по этической природе своей государство является злом. Однако, в нынешних условиях — злом необходимым. По той причине, что большинство людей (особенно это видно по России) лениво, не склонно к самостоятельности и понятия не имеет, как можно собой управлять. Более того, исторически сложилось так, что даже если плохая, проворовавшаяся государственная власть уходит из нравственно неподготовленного общества — возникают беспорядки и хаос (из недавних примеров вспомним Киргизию).

И в завершение стоит сказать, что лично у меня с эстетической точки зрения, государство вызывает симпатию. Но, подобную той, которую испытывают люди, любуясь древним изящным клинком. На второй план отходит то, что это орудие убийства, погубившее, возможно, не одного человека. Невольно оцениваешь мастерство выполнения и находишь «гений в злодействе». Да и, в конце концов, государство, действительно, как клинок: важно то, в чьих руках оно находится... Но это лишь внешняя его сторона. В следующей главе порассуждаем о внутренней.

Глава II. Сакрализация государства

Бог плёток и кнутов может только наказывать. Бог слабых и грязных — помогать и очищать. Бог влюблённых — любить и прощать. Бог атеистов — прятаться от тех, кто его ищет...

Оскар Боэций.

Чтобы верить своим глазам, надо их почаще открывать.

Леонид Сухоруков.

На раннем этапе возникновения общества как явления исключительную роль играла религия. Придя на смену мифам и простейшим верованиям, она закладывала основы мировоззрения, выстраивала систему связей, социальную иерархию, формировала ценности, придавала человеческой жизни некую цель. Порядок сей был заложен много тысяч лет назад и сохранился по сегодняшний день. О чём я?

Да о том, что тех, кто имеет право называть себя атеистом, совсем немного. Даже самый ярый противник существования Иисуса и Алла-

ха, Будды и Яхве не может сказать, что абсолютно свободен от религиозных убеждений. Дело в том, что почти все жители этой планеты, сознательно или нет, являются последователями еще одной весьма древней веры. Названия ей еще не придумали, но **верховное божество** уже есть — **государство**. И в правду, чем оно не подходит на эту роль? Давайте поразмыслим.

Никто, ни один крупнейший историк не обозначит нам точно, когда появилось первое государство. Значительная часть скажет, что собственно сам исторический этап, сопутствующий его возникновению, начался приблизительно в V-IV веке до нашей эры. А предшествовал ему догосударственный период, отличительными чертами которого было варварство, «война всех против всех», дикое общество. И лишь только благодаря появлению государства удаётся наладить защиту естественных человеческих прав и установить «новый порядок».

А что же с историями, которые предлагают религии? Почти в каждой из них мы встречаем сюжет, в котором Бог победил хаос и создал определенным образом упорядоченный мир. А что было до Бога и его деятельности? Тьма, дикость, жестокость...ну и так далее. Ничего не напоминает?...

Пойдем далее. Что такое Бог в большинстве религиозных практик? Милостивый творец, который следит за общим благоденствием. А для чего задумывалось государство, какой бы теории его происхождения мы не придерживались? В точности для того же самого. Государство должно охранять человеческий покой, заботиться о благе своих граждан. Разумеется, что в религии, что в государственных делах, методы достижения всеобщего счастья, с простыми смертными обсуждению не подлежат.

А что же ожидает тех «негодяев», которые попытаются оспорить верховенство Бога в нашем бренном мире? Правильно — адское пекло, вечные муки, а в случае успешности их миссии — страшные кары, которые обязательно постигнут всё человечество. Думаю, никто не станет спорить с тем, что условия содержания в тюрьмах некоторых государств мало чем уступают адскому котлу. Да и редко встретишь политического лидера, который бы не рассказывал об ужасах общества, оставшегося без попечительства государственных служащих.

Кстати, а что же до них самих? Высшие из государственных служащих ведут себя, как **апостолы или пророки**, а священным писанием, которое они несут простым смертным, является установленное Государством-Богом Право. Не мудрено, что «апостолы», как наиболее приближенные к «Богу», пользуются его особой любовью и привилегиями, получая большую благодать (зарплату).

Также в основе почти любой религии заложен **принцип жертвенности**. Проявляется он как в обязанности помогать нуждающимся (налоги), так и готовности положить за свою веру жизнь и здоровье (служба в армии). И не стоит пояснять, что если кто-то уклоняется от того или иного священного долга перед Богом, то он должен быть сурово наказан.

Как и у каждого Бога, у государства есть свои места **отправления культа**, с аппаратом священнослужителей, куда частенько ходят простые смертные, чтобы что-то просить и вымаливать. Воздаётся же, как правило, тем, кто щедр на пожертвования.

О государстве, как и о Боге, можно услышать **религиозную проповедь** — достаточно посмотреть новости на государственном канале. Да или просто для ублажения слуха внять словам наиболее просвещенных иерархов.

А напоследок стоит отметить, что у всякой религии есть **своя атри-бутика и священные реликвии**. Множество вещей в государстве попадает под ту или иную категорию, но особого внимания заслуживает предмет, сочетающий в себе обе функции — это **деньги**. А что такое деньги? По факту — результат работы печатного станка, но Государство-Бог наделяет их особой ценностью. Они становятся **священны**. Каждоё изображение на купюре указывает на чёткую принадлежность к конкретному Государству-Богу. Перепутать рубль с долларом также сложно, как перепутать крест и полумесяц. А количество денег напрямую связано с лучшей жизнью. Более того, верующие обязаны их беречь, ибо тот, кто лишится этой священной реликвии, обречён на жалкое существование до конца своих дней...

Продолжать эту занимательную параллель можно долго, однако сделаем вывод. Сакрализация государства — процесс естественный, так как за время его существования абсолютное большинство людей настолько к нему (государству) привыкло, что даже и не хочет представить свою жизнь иначе. Более того, не задумываясь о природе государства, люди начинают в него слепо верить, а общеизвестно то, что вера начинается там, где заканчивается знание.

Ведь многие граждане даже и не представляют возможности и функции своего государства, ставя ему в обязанность решать буквально все свои насущные проблемы. А такой подход является одновременно и причиной и следствием людской инфантильности. С другой же стороны государство, граждане которого в него верят, но сами собой управлять не хотят — имеет тенденцию к «закручиванию гаек» и это тоже исторический факт.

Это есть природа **сакрального**: Государство **становится таким, каким его представляют люди**. Семьёй во главе со строгим царём-батюшкой —

пожалуйста. Институтом угнетения одного класса другим — ради Бога. Непобедимой и погрязшей в коррупции системой — им же хуже...

Заключение

Чаще всего выход там, где был вход.

Станислав Ежи Лец.

Следуя традициям жанра, стоит напомнить, что **целью данного труда** является попытка ответить на вопрос: «Допустимо ли считать государство произведением искусства?».

В ходе работы были решены следующие задачи:

1. Проанализировать заявленную тему с точки зрения этикоэстетического подхода. (Постараться понять, можно ли считать государство «произведением искусства в прямом значении» или «прекрасной, каждый раз индивидуальной в себе реальностью»).

На основании анализа концепции Буркхардта было выявлено, что он оценивает государство как «...каждый раз индивидуальную в себе реальность», причём далеко не всегда прекрасную. И в качестве главного критерия ответа на вопрос, является ли государство произведением искусства, мыслитель выбирает этический, то есть доброе оно по своей сути или нет. По Буркхардту — злое красивым быть не может, соответственно эстетика уходит на второй план.

Далее, через соотнесение взглядов этатистов и анархистов, автор данной работы пришёл к выводу, что с этической точки зрения государство является необходимым злом. Но, тем не менее, с точки зрения эстетики, это не мешает ему вызывать симпатию, подобную той, которую испытывают люди, любуясь древним клинком, пускай смертоносным, но изящным.

2. Рассмотреть государство с точки зрения сакрализации.

На основе проведённых параллелей между верой в государство и верой в Бога, автор заключил, что сакрализация государства — процесс естественный. Так как за время его существования абсолютное большинство людей настолько к нему (государству) привыкло, что даже и не хочет представить свою жизнь иначе. Более того, не задумываясь о природе государства, люди начинают в него слепо верить, а общеизвестно то, что вера начинается там, где заканчивается знание.

Природа же сакрального состоит в том, что: Государство становится таким, каким его представляют люди.

3. Определить сочетаемость этико-эстетического и сакрального подхода к государству с его рационализацией. На основании двух уже решённых задач можно сделать следующие выводы. Во-первых, рассмотрение государства с точки зрения этико-эстетического подхода ни в коем образе не противоречит его рационализации. Так как, вкупе с рациональным познанием, этика позволяет понять нам сущность государства (неизбежное зло), а эстетика принять её и даже восхититься. По отдельности же каждая из этих точек зрения неизбежно грешит необъективностью. Например, сугубо рациональный подход в отношении оценки государства не оперирует категориями «добро» или «зло»; есть факты и выгода. Этический подход зациклен на морали, через которую определяет благо. Эстетический же подход предполагает анализ формы, а не содержания.

Во-вторых, по мнению автора данной работы, сакрализация государства вредна и противоречит рациональности. Можно как угодно рассуждать, является ли оно (государство) добром или нет, сколько угодно им любоваться или отрицать его красоту, но нельзя наделять государство священными свойствами, которых в нём и в помине нет. Так как такой подход неизбежно превращается в религию.

Резюмируя, можно заключить: **Государство допустимо называть произведением искусства**, но не в прямом значении (как картину или статую), а как уникальный механизм управления людьми и удержания внутри большинства из них природного зла. Жить вне государства может лишь тот человек, который обладает волей, самостоятельностью и желанием свободы, превышающим лень, апатию, страх и животные инстинкты.

Список использованной литературы:

Книги.

- 1. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристь. 1996.
- 2. Кропоткин П. Речи бунтовщика. М., 2010.
- 3. *Толстой Л*. Царствие божие внутри вас. www.koob.ru.
- 4. Эльцбахер Ц. Анархизм. Суть анархизма. М., 2009.

Статьи.

- 1. Буркхардт, Якоб. www.wikipedia.ru.
- 2. Висконти, Лукино. www.wikipedia.ru.
- 3. Заговор Пацци. www.wikipedia.ru.
- 4. Монтефельтро. www.wikipedia.ru.
- Монтефельтро Федериго, www.wikipedia.ru.
- 6. Монтефельтро Федериго. www.bse.sci-lib.com

Другие Источники.

1. Стенограмма заседания МПФК. Государство как произведение искусства: между эстетизацией и рационализацией (ч. 1—2). Может ли эстетическое чувство помочь в конструировании гармоничного публичного пространства, в котором так вольно дышит человек. 23.06.2010. www.ng.ru.

Государство как произведение искусства

Введение

Невозможно судить о политике, не имея некой идеальной точки, которая охватывает и задает направленность всем происходящим событиям. Эта идеальная точка изначально есть первоначальная истина. Тертуллиан писал, что когда-то было божественное время, когда существовал «неписаный закон, которому учила сама природа» 1. Природа — богатство жизненных проявлений без конца обновляемых. Природа не хаос, под действием неведомого закона в ней происходит гармоничное переплетение всех форм и действий. Что это за непознанный до сих пор нами вселенский закон? Иного объяснения нет, будь то процесс физико-химический реакций или творение существ неведомо могучих? Но то, что все в ней настолько естественно есть прямое доказательство высшего порядка.

Если идеальной точкой в природе является первоначальная истина, которая мыслится Мартином Хайдеггером как сияющий «просвет бытия»², и я придерживаюсь его понимания истины как непотаенности, то в государстве как преимущественно человеческом образовании идеальной точкой всегда был и будет человек. Но будет ли это один человек, небольшое общество или все люди — все зависит от того, к какому государству мы обратимся. Мы можем вместе с духом Ницше устремить свой взор в будущее и вместе с ним дожидаться времен пришествия нового законодателя, мы можем вместе с духом Руссо обратиться к эпохе общественных соглашений и обогатиться опытом перехода от естественного состояния к государственному, а можем просто взглянуть в глаза вечности и увидеть никогда не рушимое и всегда тождественное себе вечное благо — справедливость, — для которой и благодаря которой создаются и существуют государства.

Человеческое общество отгородилось от природы, создало свою вторую природу, соперничая с ней в совершенстве. Но преуспело ли

¹ *Тертуллиан*. Апология. М., 2004.

² Хайдегер М. Исток художественного творения. М., 2008.

оно в этом совершенстве? Государство лишь блеклое отражение могущества нераскрытой природы. Государство — это творение рук человеческих. Когда руки обессилят, станет жалким их творение. Вдохнуть силу в эти руки сможет лишь чистый дух — творческий дух природы. Но необходимо высвободить наше мышление, чтобы быть готовым воспринять эту новую энергию.

Онтология искусства По А. Шопенгауэру

Высокое искусство создается гением. Он целиком отдается созерцанию попавшего в его поле зрения объекта, не стремясь сделать его своей собственностью или как-то извлечь из него пользу. Бесстрастно созерцая, он схватывает чистую вечную идею. Так поэт радуется весеннему дождю и воспевает не просто льющийся с неба поток воды, но благодатный дождь небес, который снова возрождает землю для нового цветения. Он видит вечное круговращение стихий, а не просто случайно возникшее явление. Когда гений растворяется в мире и мир воссоздается в нем, но уже в кристаллизированной форме, в высвеченной структуре, тогда рождается подлинное творение искусства. В нем оживает вечность, которая в обычной жизни кажется недосягаемой.

Творчество гения — вдохновение, когда все вдруг перед ним предстает в ярком свете. Природа — источник истинного вдохновения гения. Искусство — зеркало природы. Природа всегда поражала творческих людей своим богатством проявлений. Дремучий лес и пробивающийся сквозь тяжелые ветви тонкий луч света — прекрасный миг, который останавливает художник на своей картине и возводит до вечной идеи согревающего мира света. Свет для чистого познания является самым необходимым условием. Чем ярче свет, тем нагляднее предстает объект познания. Даже лунный свет, столь боготворимый романтиками, слабо освещая предметы этого мира, все же высвечивает их формы, которые существеннее всего в них остального.

Изначально природа была домом, в котором люди могли обрести способность трансцендирования — выхода за пределы своей субъективности. Созерцать творение природы или произведение искусства — по сути одно и тоже, но постигнуть идеи, которые в них заключены, легче в произведении искусства, чем в творении природы. Искусство высвечивает идею. Идея одна, а вещей этой идеи много. Существует некая общая идея цветка и множество цветов в природе. Но художник, представляя в своем творении идею цветка, представляет ее максимально наглядно. Искусство — это максимально нагляд-

ный способ отображения сущего. Так, палитра цветов на холсте может быть даже богаче самих цветов природы. Слова в стихотворении многозвучнее слов нашей обыденной речи. Чем более наглядно и менее абстрактно художник представляет постигнутую идею, тем ярче сияет истина мира.

В мире действует воля, она объективируется в искусстве. Степень объектности воли в лирическом стихотворении значительно меньше степени ее объектности в драматическом эпосе. Чем большее количество людей с их различными судьбами сумеет охватить писатель в неком единстве жизненных связей, тем идею более высокого уровня он способен обозреть и выразить в своем произведении. Существует два пути к постижению идей. Первый путь легкий — путь через красоту, когда идея непосредственно проникает в сознание людей будучи сама красотой, которая, как всем известно, никогда не остается без внимания. Второй путь трудный — путь через возвышенное, от обстановки полного уединения до обстановки борьбы стихийных сил природы.

В живописи, чем насыщенней она становится, тем большую самостоятельность от вещей получают идеи. В поэзии слова, как прямые корреляты идей, уже свободны от вещей, хотя и служат отсылками к ним. Высший род поэзии — трагедия — идеи не выражает, но преображает, искупляет старые, взывает к новым. Но лишь в музыке, и больше ни в каком другом роде искусства, мир может предстать во всей своей идейной полноте. «Музыка непосредственно отображает саму волю и, таким образом, для всего физического в мире показывает метафизическое, для всех явлений — вещь в себе»¹.

Сущность искусства Шопенгауэр видит в созерцании чистой идеи и в ее наглядном представлении.

По М. Хайдеггеру

Искусство — это способ обретения истины сущего. И художественное творение — это место, где истина находит себе место для своего устойчивого стояния в сиянии света. Хайдеггер описывает картину Ван Гога, на которой изображены крестьянские башмаки. Башмаки — это то самое привычное, которое давно потеряло свою первоначальную необычность. Исторгнуть это сущее из повседневной рутины снова в то состояние, в котором оно впервые самопроявилось — вот на что способно искусство. Только эти башмаки и больше ничего — так в одиноком стоянии полнее раскрывается существо представленного. На картине башмаки «приводятся к стоянию в светлоте своего

¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. І. Кн. 3. М., 1992.

бытия»¹. Вырывая сущее из темноты бывалости, художник освящает его, открывает его истину.

«Все искусство, — пишет Хайдеггер, — дающее прибывать истине сущего как такового — в своем существе есть поэзия»². Поэзия то, что пребывало во тьме, выводит на свет, то, что долгое время пребывало незамеченным и забытым, преподносит в блеске славы и возрожденного величия. Поэзия — это зовущий и влекущий в свой волшебный мир прекрасный голос бытия. Это язык, который обретает звучание музыки.

Искусство Хайдегтер мыслит онтологически-онтически. Онтическое можно познать только онтологически, то есть через бытие, которое понимается экзистенциально как существование. Только человек экзистирует, а потому истинно бытийствует. Человек как здесь-бытие заботится не только о своем бытии, но будучи брошенным в этот мир, он проявляет заботу и к вещам этого мира. Поэтому человек у Хайдегтера не субъект, а здесь-бытие. На земле человек не только основывает свой мир, но земля, распускаясь и расцветая, увядая и снова возрождаясь, сама создает мир, в котором живет человек. Земля мирует. Мир и земля составляют бытие человека. И экзистируя только в этом ключе, в единстве мира и земли, человек прозревает, что есть бытие и что есть сущее, которое бытийствует.

Мир — это та открытость, те разверстые просторы, в которые ввергнут человек. Земля — это та сокровенность, те хранящиеся богатства, которыми располагает человек. Не источая богатства земли, раскрыть ее как мир и снова затворить ее как землю — в этом и состоит искусство человека, в широком смысле слова как искусство жить. Находясь в гармонии с природой, в которой мир и земля пребывают в полном согласии друг с другом, человек свершает истину своей жизни. Хайдеггер мыслит истину как то, что совпадает с сущим. Это греческое понимание истины как раскрытости.

Художественное творение восставляет свой собственный мир, в который как ее составляющая входит земля. Мир — это то художественное, что отличает творение от просто вещи. Мир в творении бытийствует, в нем земное входит в столкновение с небесным, а смертные с божествами. В мире вершится борьба, которая или разрешается и тогда разрушенная гармония восстанавливается, или входит в устойчивое противостояние, и тогда заявленный трагический конфликт будет сигнализировать об отсутствии гармонии в мире. Земля — это тот материал, из которого создается художественное творение. В живописи — это краски и холст, на которой эти краски оживают, проявляя всю свою

¹ Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008.

² Там же.

красочность. В архитектуре — это строительные камни, которые по законам симметрии принимают правильную форму. В поэзии — это слова, которые не просто прилажены друг к другу, но связаны друг с другом так, что одно без другого становится уже невозможным.

Поэзия вбирает в себя все роды искусств, являясь их главным основанием и завершающим единством. Без слова не было бы ни храма, ни статуи, ни картины. Поэзия «раскидывает посреди сущего открытое место, и в этой открытости все является совсем иным, необычным»¹. И уже в этой открытости звонит вечерний колокол старой церкви, играет с водой из фонтана мраморный ангелочек, зеленится трава на живописном полотне.

Природа расцветает, человек расцветает — искусство увековечивает это миг цветения. Художественное творение не дает истине, которая в ней раскрывается, исчезнуть, оно дает ей вечно пребывать в ее хранительном покое. Пребывая в творении, сама же истина не просто покоится, а находится в состоянии самого высокого сосредоточения подвижности в неподвижности. А истина, как мы уже знаем, есть лишь просветленное сущее, следовательно, само сущее в художественном творении пребывает в состоянии накала схватки мира и земли как просветления и сокрытия.

Истина как просвет есть сияние. Свет и блеск прекрасны, и сияние истины прекрасно. Истина — красота, и поэтому то, что освещается истиной, становится красивым. Красивы художественные творения, ибо сама истина, встроенная в каждую из них, освещает их божественным лучом. Раскрываясь, сущее предстает в своем подлинном свете — свете истины. Сущее в художественном творении тем полнее раскрывается и тем ярче в нем сияет свет истины, чем в более одиноком окружении оно предстает. Только вот этот человек с его историей жизни, с его настоящими мыслями, с его раздумьями о будущем, и больше никого вокруг него, а только ширящийся в бескрайнее мир. И глядя из мира на него и на мир из него, становится ясно, насколько самобытна его жизнь.

Только сокрытое может стать открытым. Истина — это двуединство затворения и отворения, одно без другого невозможно. То, что затворяется — это земля, а то, что отворяется — это мир. Мир разверзает сущее, а земля оформляет это сущее в устойчивый облик, изнутри которого сияет истина. Истина — свершение этого сущностного противоборства. Эта истина может быть проговорена только на поэтическом языке, который есть праязык. На языке поэзии говорит само бытие. Его говор сохраняет поэт. Поэт дает пребывать истине

 $^{^{1}}$ *Хайдегеер М.* Исток художественного творения.

бытия — $\lambda \dot{\eta} \theta \epsilon_{\rm I} \alpha$, — он спасает бытие от $\lambda \dot{\eta} \theta \eta$ — забытия. Поэт послушен зову бытия. Бытие призывает его к говорению, и он говорит. Бытие призывает его к молчанию, и он молчит. «Сказание поэтического слова есть речение и песнь самого бытия, а поэт предстает лишь как рµ η ve $\dot{\nu}$ c, то есть истолкователь слова» $^{\rm I}$. Поэт ничего не выдумает, но он умеет вглядываться и прислушиваться, он способен слышать тишину и видеть незримое. Он тот, кого послали божества на землю, чтобы даровать смертным язык небес.

Хайдеггер мыслит искусство как место, где обретается истина сущего, поэтому поэзия, близкая философии, обладает первенством среди всех родов искусств. Поэт, как и философ «окликнут самим бытием»², их взор всегда направлен вглубь, в сокрытое, которое они раскрывают, а раскрытое запечатлевают в своих творениях. Запечатлевая сущее в его несокрытости или истине, они сохраняют его.

Другой способ, каким бытийствует истина, есть деяние, закладывающее основы государства.

М. Хайдеггер

Онтология государства

Творение могущественных

Мы должны посмотреть на мир невинными глазами — прочувствовать его волшебство. Или же отрешится от него, и стать на сторону инопланетного наблюдателя. И философия Ницше дает возможность посмотреть на мир политики сквозь увеличительное стекло, разглядеть все его изъяны и совершенства. Ницше возвращает нас назад в прошлое — к естеству, где политика вновь обретает утраченную мощь. Все его взрывные идеи следуют за струящейся нитью естественной гармонии. Ницше за политику, вновь одетую в наряды, светящиеся всеми естественными красками.

Поворот в осмыслении политики Ницше совершает через кардинальную переоценку человеческой сущности. Политика — это не сознательно спроецированная сфера, которая обусловливает ход человеческой жизни, но сама инстинктивная жизнь человека задает направленность вектору политики. Политика — это зеркало, в котором отражена естественная борьба людей за место под солнцем, действующих в силу своего главного импульса — воля к власти. Воля к власти обращает человека к неустан-

¹ *Хайдеггер М.* Исток художественного творения.

² *Хайдеггер М.* Парменид. СПб., 2009.

ному процессу совершенствования. Политика становится процессом постоянного совершенствования посредством совершенствующих индивидов. Те, кто не хочет работать над собой, гибнут, другие же, закалившись в борьбе, возрождаются, обретая вторую силу восприятия. Это непрерывный процесс достижения определенных состояний и их разрушения. Эта и есть политика как вечное возвращение одного и того же.

Время действенности христианских ценностей приближается к концу. Наступает великая полночь, когда мир распрощается с христианством раз и навсегда, ведь люди, как считает Ницше, сами «убили» Бога. А потом на горизонте должна заняться новая утренняя заря, заря новых ценностей, которые ждут своего создателя.

По мысли Ницше, лишь один человек будущего заключает в себе весь смысл развития человечества. «Существовавший до сих пор человек — как бы эмбрион человека будущего»¹. Мир он увидит как перспективу для собственных великих замыслов. И создаст ли он новое государство или заложит основание чему-то совершенно иному — вопрос, на который сможет ответить лишь будущее.

Перспективизм — видение мира как поля для приложения сил, — ключ к пониманию Ницше. Так человек смотрит на мир, на все кругом происходящее как испытатель, который должен провести опыт на измерение своей силы для того, чтобы потом этой силой преобразовать все вокруг. Человек для Ницше — разрушитель, трансформатор, созидатель, тот, который своей внутренней силой воздействует на внешние силы, подчиняя их себе. Он «эксплуатирует внешние обстоятельства»². И человек, закладывающий фундамент для нового государства или обновляющий старое на новых основаниях, использует массы как орудие для своей деятельности. «Не следует вдаваться в обман, — предупреждает Ницше, — совершенно также обстоит дело с народами и расами: они образуют «материал» для создания отдельных ценных индивидов, которые продолжают великий процесс»³. Вот основная мысль — великий процесс! Но для чего и к чему этот великий процесс?

Рассмотрим генеалогию этого процесса, для этого вернемся к бесспорному принципу — воля к власти. Лишь только человек выкажет в чем-либо превосходство, то есть задействует свою волю к власти, то в тот же момент что-то обязательно приносится в жертву. Воля к власти всегда реализуется через разверзание пропасти. Когда происходит осознание этой появившейся пропасти, то возникает стремление ее преодолеть. В стремлении ее преодолеть воля к власти лишь удваива-

 $^{^{1}}$ *Ницие* Φ . Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005.

² Там же.

³ Там же.

ется, так как человек берет на себе ответственность за образовавшую пропасть, то есть утверждает за собой право на очередное проявление воли к власти. Усиление воли к власти лишь увеличивает пропасть, стремление ее преодолеть снова усиливает волю к власти и так до бесконечности. Рост власти и рост пропасти взаимно обуславливают друг друга, все время создавая вокруг себя новую расстановку сил, новую картину мира. Но пропасть всегда жаждет быть преодоленной.

Но философия Ницше — это провозглашение и утверждение этой пропасти. Цель — максимальное увеличение пропасти, когда максимум воли к власти на одном полюсе обернется ее обнулением на другом. Это должна загореться такая яркая звезда, что под ее лучами погаснет все вокруг. Но погаснет все старое, все, что уже не способно к жизни на новых началах. Эти новые начала и учредит новая звезда. Ницше приветствует современное ему состояние разобщенности людей. Это состояние позволяет каждому устремиться в бескрайние горизонты. Цель в отдельных индивидуумах — это ближе к истине. Всегда только ввысь над чернеющей пропастью.

«Мир как саморождающееся произведение искусства»¹. Искусство в его истинном предназначении — это всегда устремленность к высоким идеалам. Мир, если его рассматривать как самотворящееся произведение, есть космос, рождающий в себе ослепительное солнце. Новым солнцем мира должно стать совершенно новое государство, которое может уже и не быть государством в современном значении этого слова. И это новое государство не будет ли возвращением давно забытого старого? Да, но только настолько давно забытого, что для нас оно будет совершенно новым.

Ортега-и-Гассет также как и Ницше к проблеме государственного строительства относится творчески. Государство есть результат творения тех, кто властвует. Когда люди объединяются, то природа отступает. Государство — это всегда результат людского замысла — «преодоление всякой природной общности»². Во всем, что бы ни создавал человек, следует воздавать честь его воображению. От силы воображения зависит сила творения. «Оттого у всех народов наступал предел их государственного развития — предел, поставленный природой их воображению»³.

Те, в чьих руках власть, получают свободу для государственного строительства. Но для этого необходимо не только воображение властвующих, но и помощь и поддержка народа. Подчинение народа оправдыва-

 $^{^{1}}$ *Ницше* Φ . Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей.

² Ортега-и-Гассет X. Восстание масс. М., 2003.

³ Там же.

ется «его участием в замысле, в великом историческом предназначении»¹. Но кто же сможет замыслить «могущественную программу жизни»²?

Осознать дух времени, дух эпохи, дух свершений способны лишь отдельные личности, те, кто смогут подняться над повседневным бытием и ощутить новые вершины. Политика — это творчество солистов, ведущих за собой массы, а не идущих вслед за их все возрастающими запросами, «жизнь тяготит их, если не служит чему-то высшему»³.

Общественный договор как искусство

Страх человека перед одиночеством как перед самой страшной свободой исчезает в государстве. Государство дает человеку чувство превосходства над природой, ибо сама естественная мощь человека уступает по силе безграничной стихии природы.

Основание государства Спиноза выводит из естественной природы людей. Естественная природа человека — это разум и страсти. Индивидуальный разум не всегда способен и желает контролировать страстные порывы, которые могут быть опасными как для самого человека, так и для окружающих. Поэтому необходимы общие установления, которые поставили бы под контроль проявления нежелательных человеческих действий. Так образуется общее право. Право создается разумом. Только право дает возможность государству существовать как единому политическому организму. «Народ не может быть руководим как бы единым духом (как это необходимо в государстве), если он не имеет права, установленного по предписанию разума»⁴.

Государство создается для обеспечения безопасности граждан — это его главная добродетель. Что касается свободы, которая есть частная добродетель, то «человек тем более свободен и тем более верен самому себе, чем более он любит Бога и чтит Его всей душой»⁵.

Государство образуется по естественному праву природы. Естественная мощь народа, создающая общее право, — это верховная власть. Государство — это совокупное тело верховной власти. Когда верховная власть установлена, люди переходят в гражданское состояние, в котором подчинение приказам государства является обязательным, «хотя бы он и считал их несправедливыми» 2. Разум человеку подскажет, что он лучше будет исполнять приказы верховной власти, чем окажется один на один

¹ *Ортега-и-Гассет X*. Восстание масс.

² Там же.

³ Там же

⁴ Спиноза Б. Трактаты. М., 1998.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

с неуправляемой природной стихией. А люди более всего боятся одиночества, «ибо в одиночестве никто не обладает силами, достаточными для самозащиты и для снискания всего необходимого в жизни»¹.

Фундаментальная проблема, которая волновала Руссо — как создать такую коллективную силу, которая, ограждая людей от опасностей, как естественной природы человека, так и самой беспощадной природы, открывала бы простор для полноценной свободы индивида. Он пишет: «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всей общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде»².

Ассоциация людей стала возможна в силу наличия общей потребности у всех граждан — потребности в структурирующем законе, верховном праве, рассекающем светом темень человеческих дел. Человек не может двигаться во тьме, ему необходимы солнце и луна, как ориентиры и источники света. Следовательно, источником человеческой свободы является свет, бросаемый человеку свыше государством, озаряющий человека изнутри. Освященный, человек уже осознает свой жизненный путь и двигается по нему. Только в Политическом организме, следовательно, возможна настоящая свобода человека, для которой необходимо все то, что создается Государством или Сувереном.

Движимые этой общей волей («воля народа как целого»³) люди создают посредством общественного соглашения государство. Становясь его частью, отныне каждый гражданин, получая свободу действия, выбирает то занятие, которым он в наибольшей степени может послужить Целому, то есть государству. Оттого, что выигрывает целое, выигрывают и его части. Таким образом, духовное и материальное обогащение человека невозможно без служения процветанию всему государству в целом. И наоборот, невозможно процветание государства, если в нем не будет возможности для обогащения жизни каждого его гражданина.

Итак, раз общая воля всех людей является основой создания государства, то дело политики как управления государством должно состоять в служении этой общей воле, которая желает общего блага. Руссо пишет: «обществом должно править, руководясь единственно этим общим интересом»⁴.

¹ *Спиноза Б*. Трактаты.

² *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1998.

³ Там же.

⁴ Там же.

Общий интерес находит свое выражение в законах. Руссо определяет законы лишь как условия гражданской ассоциации. Для того чтобы законы максимально соответствовали принципам, по которым желает жить каждый гражданин, в их создании должен по возможности участвовать каждый. Это возможно, когда общество едино, когда оно не разделено на противоположные друг другу группы, когда человек не становится личностью из-за принадлежности к определенной касте, а в силу осознания собственной воли. То общее, которое есть в каждой воле и становится общей волей.

«Потребовались бы Боги, чтобы дать законы людям»¹. Тот, кто создает закон, — это не повелитель народа, а его выразитель, тот, кому народ дает право выразить свою волю. Великие законы даны людям не парламентами, а великими людьми. В государствах правители, стремящиеся возвести свои правление под прочный фундамент, должны исходить из великих установлений, созданных человечеством. Иудаизм, христианство, ислам вознесли те государства, которые их восприняли, ибо в этих религиях и установленных им законах человеческого общежития наиболее полно нашла свое выражение общая воля.

Определение общей воли и ее выражение посредством законов создает политическое единство, которое зовется государством.

Классика как вечный образец

Аристотель пишет, что государство существует по природе, ибо «природа ничего не делает напрасно»². Люди по природе склонны к общению, общение протекает в сообществах. Чем обширнее сообщество людей, тем выше уровень общения. Общение, которое охватывает всех людей и ведется по поводу общих принципов и ценностей человеческой жизни называется общением политическим. Благо человеческой жизни — это главная цель политического общения, а, следовательно, и государства как институциональной формы политического общения.

Ценность политического, то есть целого, выше ценности индивидуального, то есть частного. Аристотель пишет: «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас, ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части»³. В целом организуются все части, и каждая часть становится именно частью вследствие существования целого. Часть, которая получает свое бытие от целого, полноценнее части, которая предшествует целому, ибо ей еще

¹ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права.

² Аристотель. Политика. М., 2002.

³ Там же.

нужно подняться до целого. Целое является завершением. В государстве осуществляется конечная цель человека.

Государство как полное завершение возможно в силу действия общего закона природы, а именно, равновесия двух начал, властвующего и подчиненного. Гармония этих противоположных начал возможна только в их добровольном союзе. В таком союзе одни добровольно подчиняются власти других, а последние берут на себя ответственность за руководство первыми. Политика, таким образом, есть лишь оформление естественного состояния людей: «политика не создает людей, но берет их такими, какими их создала природа»¹. Но если «власть над свободными людьми более прекрасна и более соответствует добродетели, нежели господство над рабами»², то естественная политика не есть высшая политика. Хороший гражданин в хорошо устроенном государстве должен уметь и властвовать и подчиняться.

Проблема высшей политики или политики, которая преследует высшее благо, — это вопрос субъекта властвования. Субъект властвования — это не всегда человек. Властвовать может и должен закон, ибо он свободен от человеческих страстей. Закон, данный Богом, есть высший разум, а потому истинный субъект властвования. Но без руководства людей власть законов не всегда возможна, поэтому «правильное законодательство должно быть верховной властью, а должностные лица будь это одно или несколько должны иметь решающее значение только в тех случаях, когда законы не в состоянии дать точный ответ»³. Чем больше законов, тем меньше их совокупная сила, поэтому законов должно быть мало, но они должны обладать божественной силой. Сила действия законов ослабляется с увеличением радиуса их воздействия, поэтому хорошо управляемое государство не может быть слишком многочисленным.

Государство — верховное самодовлеющее существо, рожденное законом и освященное высокими идеалами человеческими жизни всегда общими для всех. Ось человеческой души достигает вершины в государстве, в котором сходятся противоположности, в котором относительное множество становится абсолютным единством. Единство в государстве тождественно различию. Собрание различий образуют люди, как своим неповторимым обликом, так и своей неповторимой жизнью. Возрастание различий между людьми ведет к возрастанию необходимости к их единению, как чрезмерное напряжение на одном полюсе требует для своего ослабления усиления напряжения на другом.

¹ *Аристомель*. Политика.

² Там же

³ Там же.

Государственное единство — это установленный политический порядок. Политический порядок — это общение. Главная цель политического общения — это благо человеческой жизни. Высшее благо человека — это счастливая жизнь, которая для каждого человека в отдельности и для всего государства в целом одна и та же, ибо часть получает свое бытие из целого. Итак, «нужно, чтобы граждане имели возможность заниматься делами и вести войну, но, что еще предпочтительнее, наслаждаться миром и пользоваться досугом, совершать все необходимое и полезное, а еще более того — прекрасное»¹. Но для счастливой жизни необходимо, чтобы прежде восторжествовала справедливость, которая есть высшее политическое благо. Справедливость состоит в гармонии единства и множества, похожести и различия. Справедливость действует двояким образом, с одной стороны, она действует распределительно, то есть стремится к сохранению природной непохожести людей друг на друга, а с другой стороны, действует уравнивающим образом, устанавливая для всех людей общие жизненные основания.

Справедливость пребывает в той точке, в которой происходит пересечение противоположных сущностей. Так, полития становится самым справедливым государственным строем, ибо в ней власть народа, который культивирует уравнительную справедливость, соединяется с властью избранных, которые славят распределительную справедливость. Здесь демократия сливается с олигархией, образуя срединное состояние.

Справедливость как главный закон

Справедливость нельзя иначе помыслить как мудрость. Мудрость же состоит главным образом в свершении. Свершение справедливости это и есть великая мудрость. Ибо нет труднее дела, чем достижение справедливости как золотой середины.

Срединный путь есть самый прямой путь. И «справедливость сама по себе и рассматриваемая в своей природе, — как пишет Данте, есть некая прямизна или прямая линия, не терпящая никакой кривизны ни там, ни здесь»². Как прямой путь не терпит никаких отклонений ни вправо, ни влево, так и чистое свойство не желает, чтобы к нему что-либо примешивали. Поэтому справедливость — это то, что избегает человеческих страстей, а это чистый разум, свободный от воли.

Абсолютное состояние справедливости достижимо, когда противоположные качества, взаимно преодолеваясь, останавливаются в равновесии. Это весы, главный принцип которых состоит в удержании

¹ *Аристотель*. Политика. ² *Данте*. Монархия. М., 1999.

равновесия. Поэтому справедливость — это соразмерность, то есть то, чем соизмеряют все вокруг. И мудрость, как рассуждал Аврелий Августин, «есть мера духа, т.е., то, чем дух держит себя в равновесии, чтобы не слишком расширяться и не сокращаться ниже полноты» Роскошь, господство, гордость и прочее ведут к расширению души, а к ее сокращению ведут нечестность, страх, печаль, жадность и иное подобное. Лишь обретение истины, считает Аврелий, дает человеку силу держаться правильной середины или справедливости.

Сущность справедливости — это гармония. В музыке она звучит при смешении высоких и низких тонов. В человеке она звучит при сочетании яростного духа с величайшей кротостью. В политике она звучит при слиянии власти тирана с властью мудреца. И верно суждение Платона о том, что «государство должно быть смешано наподобие напитка в кратере, где бурлит налитое неистовое вино, а другое, трезвое божество его сдерживает, так что получается добрый, смешанный в меру напиток»². И вся вселенная — это гармония. Она, как пишет Тертуллиан, вся состоит из соединения противоположных субстанций — «из пустого и плотного, из одушевленного и неодушевленного, из осязаемого и неосязаемого, из света и тьмы, из жизни и смерти»³. А сами противоположности, как рассуждает Аристотель в «Метафизике», происходят из двух начал — единого и множества.

Справедлив черно-белый мир политики Макиавелли, ибо в нем такие противоположные сущности как добро и зло вынуждены заключить между собой условный мир. Политика здесь — это священная зона, в которой даже явное зло должно надеть на себя маску добра, а сама доброта не должна бояться зла. Справедливость, а она богиня Фемида, действует у Макиавелли с неумолимой беспристрастностью. Если проявишь доблесть в трудных испытаниях, считает Макиавелли, то получишь корону надолго. Но если корона досталась легко («за деньги или по милости дарителя»⁴), то подтверди ее перед народом, иначе лишишься ее в скором времени. Сила у народа, а доблесть у лиц выдающихся. Быть благосклонным как к тем, так и к другим — значит быть справедливым.

Справедливость как некий порядок — это закон. Закон — это разум. И, прежде всего, — это разум законодателя. Хороший законодатель, по Платону, должен быть лепщиком душ. Цель души — войти в состояние гармонии и ритма и тем самым причаститься к гармонии космоса. А для этого необходимо мусическое воспитание. Пение и

¹ *Августин Блаженный*. Творения: Об истинной религии. Т. 1. СПб., 1998.

² Платон. Законы. М., 1999.

³ Тертуллиан. Апология. М., 2004.

⁴ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002.

пляска — два идеальных способа настроить душу на божественный лад. Тогда всю жизнь людей законодатель должен устроить как «прекрасную игру с танцами и музыкой» 1 .

Справедливость сродни благожелательности и противоположна алчности. Поэтому справедлив тот законодатель, который «не имеет в виду и не предписывает того, что пригодно ему самому, но только то, что пригодно его подчиненному, для которого он и творит»².

Высшая справедливость возможна тогда, когда царит мир и благоденствие, ибо только в мире воля народа достигает своей цели. Но что есть общая воля и воля каждого? Данте вслед за Аристотелем исходит из великого принципа, что «природа и Бог ничего не делают напрасно, но все, что получает бытие, предназначено к какому-либо действию»³. Присущее человеку свойство — это способность к представлению посредством «возможного интеллекта»⁴. Все человечество в целом обладает абсолютным «возможным интеллектом», задача которого состоит в претворении в жизнь всей этой потенции, а это возможно когда каждый человек раскрывает присущую ему интеллектуальную силу. Значит, воля каждого заключена в совершении собственного действия, а желание необходимых для этого условий (это мир и благоденствие, ибо только в покое человеку приходит осознание своей силы) — это воля всего народа.

Схожим образом размышляет и Тертуллиан об общности всех людей. Сущность у всех людей одна, но ее внешнее проявление у всех различно. «Все народы — один человек, различно имя; одна душа, различны слова; один дух, различны звуки; у каждого народа есть свой язык, но сущность языка всеобща. Повсюду Бог и повсюду благость Божия» 5 .

Итак, золотыми являются слова Данте о том, что «мир лучше всего устроен, если высшую силу в нем имеет справедливость» 6 .

Заключение

Поразмыслим над следующими словами Платона: «Никогда, ни в коем случае не будет процветать государство, если его не начертят художники по божественному образцу?» Если верно говорят, что идеи правят миром, то трудно и представить, на что способны божественные идеи. Идеи создают реальность. Человек сначала создает реальность в своем

¹ *Платон*. Законы. М., 1999.

² Платон. Государство. СПб., 2005.

³ Данте. Монархия.

⁴ Там же.

⁵ Тертуллиан. Апология.

⁶ Данте. Монархия.

⁷ *Платон*. Государство.

сознании, потом его сознание само начинает вести его по жизни, высвобождая его идеи в реальный мир. А проведение политики лишь на известную величину отличается от ведения частной жизни. Поэтому политика есть также результат оживления нарисованных благородными сердцами идеальных картин. Если политик способен хотя бы общими штрихами изобразить результат своего правления, то уже сама созданная им картина подскажет, какие действия необходимо предпринять. Итак, что бы ни говорили против идеалов как скромных отражений могучего блага, без них невозможны никакие высокие цели, а без высоких целей невозможны никакие высокие достижения.

Политика — вечный процесс возвращения одного и того же, определяемый волей к власти как ее внутренним стержнем. Воля к власти в действии требует претворения в жизнь таких идеальных моделей, которые облагородят жизнь каждого его члена. Обязательным условием идеальной модели является наличие золотой середины — справедливости, — это и есть общая воля. Об общей воле народа сможет поведать божественный правитель, и согласуясь с ней, создать новые законы дня, как законы государства. Ночь следует за днем, а потому дневной закон есть закон и божественный.

Но политика — это хождение по иглам, поэтому осторожны и мудры должны быть шаги правителя. Каждый шаг вслед за тонким еле уловимым отражением абсолютного блага. Когда правитель станет подобен божеству не по величию, а по приносимым жертвам своей жизни, тогда и народ возвысится вместе с ним, став ближе к вечному благу.

Литература

- 1. *Августин Блаженный*. Творения: Об истинной религии. Том 1. СПб: Алетейя; К.: УПИММ-Пресс, 1998.
- 2. Аристотель. Политика. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002.
- 3. Данте А. Монархия. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1999.
- Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М.: РОС-СПЭН, 2002.
- Ницие Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2005.
- 6. Ортега-и-Гассет X. Восстание масс. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.
- 7. *Руссо Ж.-Ж.*. Об Общественном договоре, или Принципы политического права. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1998.
- 8. *Спиноза Б.* Трактаты. М.: Мысль. 1998.
- 9. Тертуллиан. Апология. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
- 10. Платон. Государство. СПб.: Наука, 2005.
- 11. Платон. Законы. М.: Мысль, 1999.
- 12. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008.
- 13. Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009.
- Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. І. Кн. 3. М.: Московский Клуб, 1992.

Государство как произведение искусства

На первый взгляд может показаться, что понятия «государство» и «искусство» несовместимы, но в действительности все намного сложнее. Впервые концепция государства как произведения искусства появляется в XIX веке, и связана она с именем Якоба Буркхардта, который описал все виды итальянской государственности XIV-XV веков¹. Вывод, который он делает, заключается в том, что покровительство со стороны государства развитию искусства приводит к расцвету государства и увеличению его престижа и веса в мировом сообществе.

Понятие искусство, использующееся в современной мировой культурной традиции берет свое начало в эпохе античности, в греко-римском понимании этого термина (от лат. *ars* — мастерство, ремесло). Несмотря на обилие определений понятия «искусство», в целом они все дополняют друг друга и выделяют главной целью искусства познание, восприятие и отражение окружающего мира. С течением времени искусство вбирало в себя различные виды освоения действительности, органично соединяя в себе формы созидания человеком не только природы, но и себя самого. Искусство — один из способов постижения мира, это образное осмысление действительности. На сегодняшний день, искусство — важнейшая составная часть духовной культуры; особый род духовного освоения, познания действительности во всем богатстве ее проявлений, так или иначе связанных с человеком². Формой существования искусства является художественное произведение как система художественных образов, составляющих единое целое. Произведение, оставаясь самим собой, исторически меняется, вступая во взаимодействие с новым жизненным и художественным опытом и обретая новые свойства. Вель с каждым новым поколением произведение искусства прочитывается заново, приобретает несколько иной смысл и наполнение, но его сущность при этом остается неизменной. Когда мы говорим, что произведение остается самим со-

Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.,1996.

² Басин Е. Искусство. Энциклопедия Кругосвет. http://www.krugosvet.ru/

бой, то имеем в виду его «сущность», которая всегда и везде одна — она самотождественна и неизменна. Вещь должна оставаться в своей сущности равной самой себе на всем протяжении своего существования¹. Про внутреннюю сущность вещи писал И. Кант (понятие «вещь сама по себе»); по его мнению, она никогда не будет познана разумом, так как не доступна к познанию через опыт. Можно сделать вывод о том, что произведение искусства — ценность еще и потому, что человек вложил в нее частичку своего внутреннего мира; его трудно понять, но от этого произведение не теряет актуальности.

Существует несколько мнений относительно того, что понимать под произведением искусства. Ю. Борев² приводит следующие: произведение — нечто материальное и в то же время духовное. Это материальный предмет, способный в поле культуры выявить свои духовные и художественные свойства и оказать социально значимое воздействие. Произведение личностно и социально: оно и самовыражение художника, и решение общественных проблем, выражение общественной психологии и идеологии. В произведении сочетаются идеи и пластические образы, создающие художественную реальность. Художественное произведение отражает мир во всей сложности его отношений к личности и во всем его эстетическом богатстве (ценностном отношении к человечеству).

Искусство очень часто является отражением действительности, ответом реальности. Ведь всякое произведение многоуровнево, и при этом один из этих уровней — политическая составляющая, определяющая актуальность произведения, его включенность в политическую, идейную атмосферу эпохи, которой оно принадлежит. В литературе примерами включения политической (государственной) составляющей в художественные произведения являются «Бесы» Достоевского, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, в живописи — Ван Гог, пишущий людей с натуры, изображающий жизнь, какой он ее видит. На его полотнах изображены простые рабочие и их быт не в угоду тенденциям, течениям современного ему общества (например, «Едоки картофеля» — в ту пору художник еще не был в полном смысле этого слова импрессионистом). Можно также привести в пример наскальную живопись, изображающую быт и традиции первого человека³ или египетские саркофаги с изображением сцен загробной жизни и религиозными ритуалами. Искусство интересует вся система отношений человека и мира, отношение

¹ *Павленко А.Н.* Теория и театр как орудия представления. СПб., 2006. С 104.

² Бореев Ю.Б. Эстетика: учебник. М., 2002. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Borev/ Index.php

³ По трудовой теории, в первобытном обществе искусство зарождается с видом Homo sapiens как способ человеческой деятельности для решения практических задач.

личности к себе, к другим людям, к обществу, человечеству, природе (и естественной, и искусственной, созданной человеком), ко Вселенной¹. Таким образом, мы видим, что произведение искусства вырастает из окружающей реальности, вбирая в себя все: политику, религию, мораль, науку, философию, но дело в том, что и государство строится на этой же почве, понятой через призму конкретной культуры вместе с главенствующими в ней ценностями, особенностями развития общества в определенный временной период, в определенную эпоху.

Изучив, что входит и подразумевается под понятиями «искусство» и «художественное произведение», необходимо перейти к понятию государство. На протяжении столетий лучшие умы философов, ученых и мыслителей пытались ответить на вопрос, что есть государство, как и для чего оно создается, в чем его смысл и назначение. Неоднозначны и их мнения по поводу того, как оно возникает и развивается, каковы его естественные границы, сущность и пределы вмешательства в частную и общественную жизнь. Каждое новое поколение пытается по-своему ответить на все эти вопросы. Неоднозначность восприятия государства обусловлена, прежде всего, самим временем, в рамках которого оно возникает и развивается, а, следовательно, уровнем развития общества, естественного сознания и мышления. Вместе с тем она в значительной мере предопределяется также сугубо субъективными факторами — неодинаковым восприятием одних и тех же государственно-правовых явлений разными людьми, а, кроме того, сложностью и многогранностью самого государства как явления².

Государство по Аристотелю — это самодовлеющее общение граждан, ни в каком другом общении не нуждающееся, и ни от кого другого не зависящее. Для Платона государство — как бы макромир, которому соответствует микромир в каждом отдельном человеке, в частности в его душе³. Древнеримский оратор, философ и политический деятель Марк Туллий Цицерон спрашивал и одновременно отвечал: «Да и что такое государство, как не общий правопорядок?». У Цицерона было немало последователей в разное время и в разных странах — основатель нормативистской теории права Г. Кельзен, русский экономист и философ П. Струве и т. д. Несколько иной позиции придерживался крупный правовед Н.М. Коркунов. Он утверждал, что «государство есть общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключитель-

¹ Бореев Ю.Б. Эстетика.

² *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. М., 2001. С.73.

³ *Асмус В.Ф.* Античная философия. М., 2005. http://www.i-u.ru/biblio/archive/asmus_antichnaja/03.aspx

ного права принуждения только органам государства»¹. Идеи Цицерона близки и И. Канту, рассматривавшему государство как «объединение множества людей, подчиненных правовым законам»². Выдающийся мыслитель эпохи Возрождения Н. Макиавелли определял государство через общее благо, которое должно получиться от воплощения в жизнь реальных государственных интересов. Известный английский философ XVI в. Т. Гоббс, сторонник абсолютистской власти государства — гаранта мира и реализации естественных прав, определял его как «единое лицо, верховного владыку, суверена, воля которого вследствие договора многих лиц считается волею всех, так что оно может употреблять силы и способности всякого для общего мира и защиты». Создатель идейно-политической доктрины либерализма, английский философ Д. Локк представлял государство как «общую волю, являющуюся выражением преобладающей силы», т.е. большинства граждан, «входящих в государство». Он рассматривал государство в виде совокупности людей, соединившихся в одно целое под началом ими же установленного общего закона. Нередко, особенно в послереволюционный период (после 1917 г.), государство в России представлялось как «особая организация силы», «организация насилия для подавления какого-либо класса». В академических изданиях и в учебной литературе оно трактовалась не иначе как в строго классовом смысле, как «политическая организация классового общества, выражающая в концентрированной форме интересы и волю господствующих классов, материальным носителем политической власти которых выступает публичная власть»³.

В целом, можно сделать вывод, что государство, созданное для объединения общества, является основным институтом политической системы, организующей, направляющей и контролирующей совместную деятельность и отношения людей, общественных групп, классов и ассоциаций.

Обратимся к одной из версий происхождения государства — теории общественного договора, родоначальниками которой являются Т. Гоббс, Д. Локк и Жан-Жак Руссо. Данная концепция объясняет происхождение государства как результата соглашения между людьми. Это соглашение возникло, когда люди осознали, что постоянное пребывание в состоянии войны всех против всех грозит человечеству исчезновением. Именно поэтому было создано государство, которому люди

¹ Алексеев С.С. Теория государства и права. http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=283

² Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. М., 1998. http://www.pravouch.com/page/otgp/ist/ist-16--idz-ax309--nf-149.html

³ *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. М., 2001. С.76.

добровольно передали часть своих прав и свобод взамен на безопасность. Она (безопасность) олицетворяет собой гармонично функционирующий механизм внутренних и внешних элементов государства. Политика есть публичное пространство, где граждане созидают — создают совместное произведение искусства — государство, и то, каким оно будет, зависит именно от нас (граждан). Мы творим свою историю, свою страну, участвуя в выборах, референдумах, проявляя гражданскую осознанность и решая, что нам важнее: Химкинский лес или хорошая трасса на Санкт-Петербург. Договориться и принять общее решение — это искусство дипломатии и умение найти компромисс. Таким образом, поднимается еще одна проблема или составляющая — гражданское самосознание, включенность в политическую жизнь, небезразличность; в своем высшем понимании государство есть отражение идеалов, стремлений, ценностей, мировосприятия всех его граждан. Не стоит забывать, что человек заслуживает не только ту любовь, которая у него есть, но и то правительство, власть, которое он имеет.

По одному из определений, искусство — это «составление» или «составлять». В этом смысле им может быть названо все, что было создано в процессе обдуманного составления некой композиции. Если посмотреть на этимологию ряда слов, то можно заметить, что часть из них имеют отношение и к понятию «государство», и к понятию «искусство», так как имеют общие корни и историю. Такими словами являются: артефакт, артиллерия, военное искусство, искусство ведения переговоров, искусство дипломатии, искусный политик, политология (arts in political science) и другие. Эти неклассические виды искусства имеют отношение к управлению и, следовательно, к государству.

Государство — высшее творение, масштабное и величественное произведение искусства. Структура государства включает в себя множество уровней. Так, когда мы говорим об искусстве как создании/ творении государства, то не стоит забывать и об искусстве и культуре управления им. Культура управления государством в свою очередь включает в себя политическую, правовую и нравственно-этическую. Следовательно, они все являются составными частями понятия «государство как произведение искусства».

Искусство не является некой статичной и застывшей формой во времени и пространстве. Оно развивается и подвергается изменениям, причем ему свойственна и эволюция, и революции. На смену наскальной живописи и родоплеменным отношениям приходят греческие полисы и античная скульптура. Если рассматривать искусство с другой точки зрения (искусство управлять, искусство мыслить), то, обращаясь к древнекитайским и древнегреческим источникам, мы можем

отметить что, в Древнем Китае подразумевался высокий культурный уровень чиновников и были введены специальные экзамены. В Древней Греции, принадлежность к власти была связана с философией, как искусством мыслить и анализировать. В эпоху Возрождения искусство находилось под государственной защитой и покровительством, что и способствовало его бурному развитию в этот период. Дело в том, что государства и их правители считали важными достижения в сфере культуры и искусства для укрепления престижа государства.

Что касается государства, то и здесь нет единых для всех канонов и правил (есть лишь общие тенденции развития), устанавливающих раз и навсегда, каким должно быть государство; именно поэтому существуют различные формы правления, политические режимы, модели избирательных систем и т.д. Институт государства не статичен, он развивается и подвергается изменениям, проходит периоды модернизаций и реформ, переживает революции, как это происходит и в искусстве. Не стоит забывать, что государство является отражением, стержнем общества, оно представляет собой его суть. Мы можем говорить о том, что государство — дух нации, ее душа и высшая форма социальной жизни. Одним их основных и наиболее важных атрибутов государства является его суверенитет — право самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику. Каждое государственное образование — уникально, самобытно, индивидуально. Так же и искусство — оно неповторимо, оно отражает душу и глубинную суть событий, явлений, образа мыслей и жизни. Попытки перенять, механически скопировать и перенести чужое творение на иную социо-культурную почву не увенчаются успехом. Демократическое государство по американскому образцу не построить на земле Ирака или Египта.

Когда мы говорим о государстве как произведении искусства, то стоит также обратить внимание на роль, отведенную культуре и искусству среди приоритетов государства. Культурная функция государства заключается в проведении им культурной политики. Понять отношение государства к сфере культуры и искусства можно из того, что об этом говорится в Конституции, как основном законе страны и какую часть бюджета выделяют на его поддержку и развитие. Конституция гарантирует каждому свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Она подчеркивает, что каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Но предполагает и обязанности со стороны граждан: каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного

наследия, беречь памятники истории и культуры. Интеллектуальная собственность охраняется законом. ¹

Из бюджета России на 2010 год: культура, кино и СМИ -1.1%, образование 3.9%, здоровье и спорт 3.3% и те же 3.3% выделены на социальную политику².

Существует точка зрения, что государство не возникло бы без искусства. Искусство появилось еще на самых ранних стадиях развития общества и постепенно стало мощным орудием осознания мира, великим средством духовного формирования человека. Связь искусства и проводимой государством политики можно проследить на примере знаменитого плаката Д. Моора «Ты записался добровольцем?», который широко пропагандировался во время Второй мировой войны. Этот пример хорошо иллюстрирует мысль, доказывающую, что через силу искусства можно взывать к человеку, направлять его мысли и действия в определенное необходимое государству русло. Искусство имеет огромное влияние на сердца и умы людей, но оно должно служить созидающим, объединяющим началом. У государства и искусства есть, как минимум, одна общая, совместная функция — воспитательная. В данном случае пример с плакатом хоть и является искусством/ приемом пропаганды, но несет в себе огромный позитивный посыл: он взывает к патриотизму человека, страна которого нуждается в нем как гражданине, способном помочь и защитить, но делается это посредством изобразительных, творческих возможностей искусства.

Осознание общественной роли искусства, понимание его как средства социального воспитания можно встретить уже у античных авторов, таких как Платон и Аристотель, а также в древней эстетике Востока — Конфуций. Мыслители эпохи Возрождения (в том числе Кампанелла) обращали внимание на роль искусства во всестороннем и свободном развитии личности. Представители Просвещения подчеркнули нравственно-воспитательную (Шефтсбери) и общественномобилизующую (Дидро) функции искусства. Представители классической немецкой эстетики — Гёте, Шиллер, Гегель — трактовали искусство как «образ свободы», как активную общественную силу в борьбе за освобождение человека. Русские революционные мыслители видели в искусстве «учебник жизни» и высоко ценили его функцию быть «приговором» явлениям действительности³. Все это делает искусство мощным фактором развития человеческой личности.

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Статья 44.

² Федеральный бюджет 2010. http://www.minfin.ru/ru/budget/federal budget/

³ Басин Е. Искусство. Энциклопедия Кругосвет. http://www.krugosvet.ru/

В России переплетение и взаимосвязь понятий «государство» (конституционно-правовая концепция) и «искусство» (эстетическая) в начале XX века осознал и показал Николай Рерих (1874 — 1947). По Рериху, поддержание и развитие духовной общности населения страны — первая обязанность государства, а для успешного выполнения данной задачи необходимо сохранять имеющееся культурное наследие, поощрять развитие культуры и духовного роста людей¹. В его концепции эстетической государственности говорится о том, что мир может быть достигнут лишь когда народы осознают бесполезность вражды, взаимного уничтожения, начнут уважать культурные, религиозные, духовные ценности других народов. Рерих подчеркивает сходство и взаимопроникновение всех религий и культур. Это сходство является предпосылкой для развития культурного и духовного единства, что является в свою очередь основой благополучного и мирного развития государства.

Идеи Николая Рериха признаны международным правом и в 1935 году пакт Рериха был подписан в Белом Доме в кабинете президента США Франклина Д. Рузвельта представителями двадцати одного государства. Там есть следующие положения:

- 1. Защита исторических памятников, музеев, научных, образовательных и культурных институтов, как во время мира, так и во время войны,
- 2. Нейтралитет, защита и уважение памятников и институтов, указанных в статье первой, обеспечиваются принятием «внутреннего законодательства, необходимого для обеспечения защиты и уважения.

Позже (после Второй Мировой войны) положения о необходимости защиты памятников культуры вошли в Конвенцию ООН 1954 года, хоть и в несколько измененном виде.

К сожалению, в нашем государстве того времени не были приняты эти идеи, и Пакт Рериха не стал базой для законодательной защиты культурного наследия его собственной страны. До сих пор Россия не подала заявки для включения в международный реестр объектов культуры, подлежащих международной защите в случае военный действий.

В заключении повторю мысль, что каждый народ заслуживает то правительство, которое он имеет. Это может быть и конституционная монархия, и смешанная модель демократии, а то и вовсе теократическое государство во главе с религиозным лидером.

¹ Баренбойм П., Захаров А. Пакт Рериха как этап внедрения в жизнь эстетической концепции правового государства Николая Рериха. http://www.philosophicalclub.ru/content/docs/k1.pdf

Когда немецкий ученый и публицист Ханс Гюнтер говорил о государстве как произведении искусства¹, то он имел ввиду не только Германию Третьего Рейха, но и Советский Союз времен сталинизма. Этим государствам была свойственна тенденция к насильственной гармонизации всех сфер жизни. Во всем была видна театральность: массовые шествия, демонстрации, митинги. Обращаясь снова к идеям Н. Рериха, мы поймем причину неудачи этих образований — насилие не может привести к гармоничной целостности всех частей одного целого, поэтому на выходе получалась лишь видимость, иллюзия единства. Границы искусства и неискусства были условны и размыты, оно (искусство) являлось лишь инструментом эстетизации действительности. Под искусством понималось лишь полезное с официальной точки зрения, и при этом была жесткая поляризация ценностей².

Существует целый ряд форм правления и политических режимов и поэтому нельзя однозначно сказать, какая форма является наилучшей. Идеальной формой правления по Платону является монархия, если властвует один, либо аристократия, если у власти находятся несколько человек. Аристотель различает идеальную, «абсолютно наилучшую» форму государственного устройства и ту, которая «возможна в действительности и наиболее удобна для всех государств». Что касается государства как произведения демократического искусства, то тот же Аристотель считает, что его можно построить лишь в очень маленьких государствах, обладающих высоким уровнем правосознания. Таким образом, если следовать логике Аристотеля, то государство Лихтенштейн или Монако могут создать демократию, а для мощной и величественной России или огромного Китая такое направление творчества не пригодно — нужно что-то более монументальное/всеохватывающее. В истории России это хорошо прослеживается — у власти всегда был сильный руководитель, «царь-батюшка», который рассудит. Но не стоит забывать, что, не смотря на то, что идеи Аристотеля популярны и актуальны до сегодняшнего дня, само понятие демократии претерпело изменения. Более того, вслед за Робертом Далем, уместнее говорить о политии, под которой понимается реально существующая форма правления, тогда как «демократия» — идеальное и почти эфемерное понятие. Вывод будет следующим: демократические режимы в Италии, Австрии, России, США различны в силу геополитических, стратегических, территориальных и исторических особенностей, но мы сегодня имеем полное право оценивать все эти

² Там же.

¹ *Гюнтер X.* Тоталитарное государство как синтез искусств// Соцреалистический канон: сборник статей. СПб., 2000. http://www.fedy-diary.ru/?page id=4536

государства с позиции демократии, ведь они, так или иначе, имеют одни корни и суть.

Россия сегодня представляет собой сильную президентскую республику. К этому можно относиться по-разному, но главное заключается в том, что для нее это естественное и стабильное состояние в котором она может развиваться. Российская государственность должна строиться по иерархической вертикали. Ницше говорил, что «в архитектурном произведении должна воплощаться гордость, победа над тяжестью, воля к власти; архитектура есть нечто вроде красноречия власти в формах, то убеждающего, даже льстящего, то исключительно повелевающего»¹.

Государство должно быть в первую очередь ориентировано в своей созидательной деятельности на расцвет будущих поколений и на эволюционное построение новой будущей цивилизации с помощью развития и поощрения образования и культуры. Эстетическая модель государства дает науке конституционного права и философии права необходимые подходы для начала разработки доктрины правового государства, которая, в свою очередь, должна обеспечить конституционную основу возрождения в России и создание в ней (говоря словами Рериха) «государства будущего». Сегодня на повестке дня стоит вопрос о возможности достижения идеи правового государства с высокой эстетической составляющей².

Однако для того, чтобы государство процветало как произведение искусства, его граждане, по крайней мере, должны принимать его строительство, жить его идеями и ценностями, они должны быть готовы отстаивать свою государственность и ее уникальность. Государство не должно подавлять, оно должно существовать для народа (а не за счет народа), его интересов и ценностей, не уничтожая в нем волю, творческие порывы и начинания. Тогда его развитие само пойдет по тому творческому пути, которое является наилучшим для его граждан. Граждане, в свою очередь, должны заниматься деятельностью, согласно своей профессии и призванию, кроме того, не стоит забывать о таком важном понятии как профессионализм. Он предполагает усиление социальной активности личности и увеличение степени ее ответственности, как за собственную судьбу, так и за повышение эффективности экономических процессов в обществе³. Таким образом, если каждый будет занят своим делом и выполнять его максимально эффективно, то и государство будет процветать.

¹ *Ницие* Ф. Соч. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 599-600.

² Захаров А.В. Государство как произведение искусства: между эстетизацией и рационализацией. http://www.philosophicalclub.ru/?an=n5

³ Ивык В.А. Профессионализм: опыт социально-философского анализа. М., 2004. С. 9.

Бельчич Д. Ю. Челябинская государственная академия культуры и искусств, кафедра философских наук, 2-й год аспирантуры

Государство как произведение политического искусства

Искусство управлять или политическое искусство — это мастерство, цель которого — продлить жизнь государства. В эпоху античности искусство трактовалась как возвышенная деятельность, в которой человек стремится реализовать свое я. Политическое искусство необходимо предполагает наличие очень изощренных «тонких» инструментов для плодотворного существования государства как целого, органичного соединения людей. Отсутствие или изживание этого «царского искусства» как способа трансляции особых навыков управления грозит снижением витального потенциала государства и, в конце концов, смертью социального универсума. В нашей статье мы будем рассматривать государство как союз, объединение людей. Прежде всего, нас интересует проблема становления государства как живой материи истории, как незавершенного продукта культуры.

В мировой истории сложились несколько подходов к трактовке понятия «государство». Условно выделим — доклассический, классический, неклассический и постнеклассический подходы. В рамках доклассического подхода зародилось понимание государства как некоторой социальной организации, которой присущ ряд атрибутивных свойств. Фукидид выразил этот подход словами: «государство — это, прежде всего, люди, а не стены и не корабли» [9].

Как известно, под влиянием казни своего учителя Сократа, Платон разработал идеалистическую философскую систему. В диалоге «Государство» Платон, описывая свою модель идеального государства, проводит сословное разделение общества в соответствии с тройственной структурой универсума [15]. Благодаря сословному разделению всех жителей на правителей, воинов и ремесленников, каждый человек неотделим от общества. При этом в идеальном государстве отсутствует причина имущественных раздоров и господства корыстных целей — частная/личная собственность: «А где большинство говорит таким же образом и об одном и том же: «Это — мое! или «Это не мое!», там, значит, наилучший государственный строй» [15, с. 260].

«Идеальное государство — это государство, в котором все счастливы, а не какой-либо отдельный слой». Управление государством — согласно Платону — одно из сложнейших и труднопостижимых умений, «царское искусство». Таким образом, Платон, в соответствии со своими представлениями о благе, счастье и справедливости, рисует перед нами некое завершенное произведение искусства, феномен античной культуры. Мы можем им восхищаться, любоваться, негодовать, критиковать, но мы не можем не согласиться, что это образ не воплотившийся в сущем. При этом диалог «Государство» Платона — далеко не единственный в истории мировой философии и литературы пример создания идеального образа социальной организации.

Другой представитель античной мысли — Аристотель — автор принципиально новых подходов к анализу политических явлений, настаивал на отказе говорить об идеале, при обсуждении общественного устройства [1]. Необходимо опираться только на фактический материал. Следовательно, идеал Платона сконструирован в сфере должного, идеал Аристотеля — в сфере сущего.

Таким образом, в античности возникло представление о государстве как явлении уже ставшем (идеал, образец, модель) и явлении становящемся (государство в действительности). Опираясь на эти представления, мы утверждаем, что государство — это явление культуры, созревающий плод, находящийся в процессе непрерывного формирования.

Начиная с работ Н. Макиавелли [10], возник иной (классический) подход, согласно которому, государство — это центральный политический институт, интегрирующий общество и обладающий признаками верховенства.

Рене Декарт (Картезий), — основатель новой философии (XVII в.), ставшей неким маркером, разграничивающим Средневековье и Новое время, — в трактате «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» утверждал, что в мире имеет место некоторое простейшее и непосредственно очевидное бытие «я есть» [7]. «Я тотчас обратил внимание на то, что в это самое время, когда я склонен к мысли об иллюзорности всего на свете, было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал. И заметив, что истина «я мыслю, следовательно, я существую» — столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасения принять ее за первый принцип искомой мною философии» [7, с. 267-268]. Чуть позже трактат Р. Декарта, где он формулирует основные постулаты своей философии, назовут «великой хартией новой философии».

Нам важно понять, что вышеприведенные утверждения Р. Декарта носят онтологический характер. Основа бытия: «я есть» и «я мыслю». Это исходные пункты абсолютной достоверности и очевидности. Подвергая все остальное сомнению, Р. Декарт обнаружил определенную зависимость всего происходящего в мире от действий человека. М. К. Мамардашвили, анализируя картезианский принцип, подчеркивал, что «в этом смысле человек — существо, способное сказать «я мыслю, я существую, я могу» и есть возможность и условие мира, который он может понимать, в котором может по-человечески действовать, за что-то отвечать и что-то знать. И мир, следовательно, создан (в смысле своего закона становления), и дело теперь за тобой» [13]. Иными словами, некоторая возможность реализуется самостоятельно работающим механизмом (Богом, случаем, судьбой, провидением, счастьем, несчастьем), но только мной при условии приложения человеком труда к самоосвобождению. Поэтому мы утверждаем, что государство не реализуется каким-либо сторонним механизмом, но единственно нами (гражданами России) и только при условии нашего труда и усилий к самоосвобождению. Таким образом, государство — это произведение искусства властвовать/политического искусства. Преобразование культуры — доминанта социальных, экономических, политических изменений. Следовательно, культура — сила, преобразующая государство.

В начале XX века неклассический подход к государству стал популярен в западной философии культуры. Немецкий философ Освальд Шпенглер в работе «Закат Европы» представил свою концепцию истории человечества [19]. Согласно концепции О. Шпенглера, в истории есть множество культур «с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал — человечество — свою собственную форму и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть» [19, с. 60]. Локальные культуры, по О. Шпенглеру, это органическая ткань, живые существа высшего порядка, которые вырастают со своей возвышенной бесцельностью подобно цветам в поле. У истории нет никакого смысла и никакой цели, не существует никакого спиралевидного или линейного исторического развития, есть феномен множества мощных культур и «картина вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм». Государство — одна из таких органических форм, нить культуры. Закономерным логическим следствием, исходом культуры является цивилизация. «Цивилизация есть неизбежная судьба культуры» [19, с. 74]. Цивилизацию образуют искусственные состояния, следующие за становлением, как смерть следует за жизнью. Таким образом, культура сродни жизни (становление), цивилизация сродни смерти (ставшее). Цивилизация — это конец культуры, ее застывшее завершение, слепок. Поэтому мы должны тщательнее осмыслить феномен государства, ибо ему грозит риск кануть в небытие вследствие асоциальных «неискусных» способов воспроизводства.

При этом О. Шпенглер утверждал, что сугубо рационально постичь процесс истории возникновения и умирания культур нельзя, ибо история есть великое смешение «произвольных случайностей»: «природу нужно трактовать научно, история требует поэтического творчества» [19, с. 171]. Не случайно на О. Шпенглера особое влияние произвел философский взгляд И. Гёте на историю, в котором особое значение отведено интуиции. У каждой культуры есть судьба (понятие, не поддающееся описанию внутренней достоверности в противоположность причинности, всему рассудочному, законосообразному), идея (внутренние возможности), дух, через которые она становится действительностью. «Всякая культура проживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость» [19, с. 185].

Зададимся вопросом, когда культура стареет, и какие признаки говорят о ее старении? О. Шпенглер отвечает на это достаточно образно: «культура зарождается в тот момент, когда из первобытного душевного состояния вечно-детского человечества пробуждается и выделяется великая душа, некий образ из безобразного, ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего... Культура умирает после того, как эта душа осуществит полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств (курсив автора — Д. Б.) и наук и, таким образом, вновь возвратится в первичную душевную стихию» [19, с. 184]. Таким образом, когда все изобилие внутренних возможностей реализовано во внешнем, тогда культура застывает, силы ее надламываются, она становится цивилизацией и подобно огромному засохшему дереву в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья» [19, с. 185].

Перед нами стоит задача рассмотрения современного государства — становящегося явления культуры, подверженного множеству рисков, которые грозят переходом этой формы культуры в застывшее состояние цивилизации (в трактовке О. Шпенглера), т. е. в завершенное произведение искусства. Другими словами, нам необходимо понять, что мы можем делать для того, чтобы продлевать «незавершенность», если угодно, недооформленность современного государства и пополнять его витальный потенциал. Вполне оправдано зафиксировать требование к пониманию государства как произведения политического ис-

кусства. Применение политического искусства в воссоздании феномена современного государства предполагает процесс расширения круга гражданских прав, благодаря взращиванию чувства ответственности и склонности к самоорганизации и самодеятельности. В сущности, речь идет о необходимости непрерывного повышения гражданских потенций культуры, а так же реализации коллективного суверенитета по отношению к государству (центральному политическому институту). Только в этом случае жизнь государства как социального Универсума представляется произведением искусства, неким органическим процессом, которому грозят «болезни», «старость» и «смерть».

Взяв за основу картезианский принцип, можно утверждать, что мы как создатели органической ткани государства, и единственная сила, которая делает эту ткань живой, обязаны предпринять все возможные усилия против ее омертвения. Это представляется особенно актуальным в связи с наступлением некоторых «пороговых» кризисных состояний в ментальной, нравственной, экологической, политической, экономической, правовой сферах.

Если сравнивать современное государство с видами искусства, то первое, что приходит на ум — динамичный аудиовизуальный образ. Действительно, государство представляет собой нечто подвижное и незавершенное, противоположное художественному полотну, фотографии или скульптуре. Более всего, государство как произведение искусства, походит на кинофильм с неизвестным финалом. При этом в конкретный момент мы можем сказать «продолжение следует» постольку, поскольку мы сами это «продолжение» сотворим.

Итак, мы приходим к выводу, что современное государство непрерывно со-творится гражданами подобно созданию некоего аудиовизуального образа. Аналогия с аудиовизуальным образом оправдана спецификой существования власти в современном обществе в контексте изощренного влияния образов медиа на все стороны коллективного космоса. Неслучайно и произведения искусства наполняются особым отношением к государству (постнеклассический подход), являя собой символические конструкты, в которых отражаются «зомби-ситуации» (в трактовке М. К. Мамардашвили). В фокусе литературных произведений, кинофильмов находится жизнь государства и жизнь человека в сообществе.

Французский философ Жан Бодрийяр утверждал, что вся современная культура — это культура знаков-симулякров [5]. «Симулякр» — центральное понятие в философии Ж. Бодрийяра, которое образовано от латинского слова simulacrum — подобие, видимость. Все стало символично: наша деятельность и вещи вокруг нас. При этом симулякры не могут быть «истинными» или «ложными». К симулякрам просто

неприменима такая оппозиция т. к. они не репрезентуют (не указывают на скрытую за ними реальность), но симулируют. «Симулякр — это фантом сознания, «кажимость», то, что воспроизводит образ объекта вне его субстанциональных свойств» [3, с. 41]. Медиа — по Ж. Бодрийяру — эта «фабрика реальности». «Сфера электронных медиа создает тотальное симуляционное пространство, где все труднее различить собственно власть и образы власти» [18, с. 40]. Симулякр — это копия без оригинала, претендующая на «оригинальную реальность». В этих претензиях скрыта как сила симулякров, так и их «дьявольская сущность». В эпоху симулякров все разговоры об истинном и оригинальном вообще теряют смысл. Ж. Бодрийяр утверждал, что в течение второй половины ХХ века в диалектической связке реальности и образа верх взял образ. Образ навязывает реальности свою имманентную эфемерную логику, логику по ту сторону добра и зла, истины и лжи. Политика и власть действуют в различных фабрикуемых символических полях [4].

В отличие от Ж. Бодрийяра, отводившего симулякрам решающую роль в воздействии на сознание, М. Маклюэн считал, что на сознание влияет само средство и сформулировал ключевую особенность современной медиазависимости формулой «medium is message» («средство есть сообщение») [11]. «Средство коммуникации в информационную эпоху само есть содержание. Сообщением любого средства коммуникации, любой технологии становится изменение масштаба, ритма, модели, привнесенное этим средством в человеческую деятельность» [12, с. 71]. Таким образом, для современной власти трансляция, технология, механизм, вероятно, единственное воплощение, в котором можно уловить ее смысл.

Мы полагаем, что в современных государствах существуют зонысимулякры. Именно эти зоны грозят государству смертью, т. е. превращением в законченное произведение искусства. Под такими «мертвыми зонами» мы подразумеваем странные состояния культуры, которые М. К. Мамардашвили охарактеризовал как «зомби-ситуации, вполне человекоподобные, но в действительности для человека потусторонние... продуктом их, в отличие от Homo sapiens, т. е. от знающего добро и зло, является «человек странный», «человек неописуемый» [13]. «Мертвые зоны» грозят омертвить культуру и государство, ибо грозят разрушить сознание. Отечественный философ М. К. Мамардашвили очень точно характеризовал состояние человека в «мертвой зоне» культуры: «невозможно принимать всерьез ситуацию, когда человек ищет истину так, как ищут уборную, и наоборот, ищет на деле всего-навсего уборную, а ему кажется, что это истина или даже справедливость (таков, например, господин К. в «Процессе» Франца Кафки). Смешно, нелепо, ходульно, абсурдно, какая-то сонная тягомотина, нечто потустороннее» [13].

Само искусство призывает нас постичь смысл и необходимость политического искусства. Вспомним фильм Ф. Ф. Кополлы «Апокалипсис сегодня», в котором прекрасно проиллюстрирована «мертвая зона» современной культуры и современного государства. Война представлена в фильме как социальное пространство, сводящее человека с ума. Самый главный «злодей» в фильме — полковник Куртц, попытался сопротивляться абсурдности бытия. Он — умный и талантливый человек, сделавший удачную карьеру военного, но осмелившийся постичь смысл войны, в которой он участвует. И вот Куртц становится занозой в мягком теле своего государства, потому что перестал подчиняться по существу лицемерным приказам и законам, мотивированным корыстными интересами. Куртц — избыточное явление, абсцесс, порожденный раздувающейся властью. Он стал сам себе госполином и сам себе властью. И в то же время он довел действия США во Вьетнаме (действия бесконечно расширяющейся власти) до логического конца. Он пытается найти выход из «зомби-ситуации» и находит его в обособлении себя от лживого и бессмысленного мира, который зиждется, подобно Содому и Гоморре, на ненасытном стремлении к наслаждению и упоении властью. Полковник Куртц создает собственный мир, сопротивляется миру, который его создал и за это приговорен к смерти. К такому анализу «мертвых зон» культуры подходят слова С. Жижека: «общественному животному трудно, крайне болезненно признавать то, что его жизнь — это не просто бестолковый процесс воспроизводства и получения удовольствий, но что она является служением Истине» [8, с. 80]. Таким образом, именно «зомби-ситуации» задают завершенность государству как произведению искусства властвовать. Убийство полковника Куртца в «Апокалипсисе» — завершает образ, но «мертвая зона» ничем не ограниченной Власти никуда не исчезает, потому что войны продолжаются и у этих войн свои Куртцы.

Итальянский философ Умберто Эко в эссе «Осмысляя войну» подчеркивал, что в связи с особенностями современной войны (отсутствие фронта и двух противников, диффузность и точечность власти (в трактовке М. Фуко [17]), особая роль масс-медиа), в коллективном космосе должно происходить инстинктивное табуирование войны [20]. Известно, что табу не провозглашается каким-либо моральным и интеллектуальным декретом. Табу самообозначается, но мы можем подгонять темпы его вызревания. Для этого необходимо признать, что сегодня «интеллектуальный долг — утверждать невозможность войны» [20, с. 46]. Вообще борьба с «мертвой зоной» культуры обозначается интеллектуальным и моральным долгом.

В повести «Ювенильное море (Море Юности)» А. Платонов противопоставляет активному энергичному человеку-творцу культуры Николаю Вермо, бездеятельного бюрократа Адриана Умрищева [16]. Николай Вермо «мгновенно превращал внешние факты в свое внутреннее чувство» и «не умел жить без чувства и без мысли, ежеминутно волнуясь различными перспективами или томясь неопределенной страстью» [16, с. 33]. Он неустанно «боролся со своим отчаянием, что жизнь скучна и люди не могут побороть своего ничтожного безумия, чтобы создать будущее время» [16, с. 19]. Николай Вермо — символ живой культуры. Его оппонент — Адриан Умрищев — символ «мертвой зоны» в культуре, ибо он, соединяя все противоречия превращал их силой своей мысли в ничто.

Творчество А. Платонова блестяще иллюстрирует «мертвую зону» языка как феномена текста. А. Платонов обнаружил некие новые измерения слова. Трудно не согласиться с И. Бродским, который подчеркивал в послесловии к «Котловану», что язык А. Платонова в себе самом обнаруживает тупиковую философию: «язык, не поспевая за мыслыю, задыхается в сослагательном наклонении и начинает тяготеть к вневременным категориям, конструкциям; вследствие чего даже у простых существительных почва уходит из-под ног, и вокруг них возникает ореол условности» [6]. Безусловно, происхождение «зомби-ситуаций» в языке А. Платонова, связано с историческим контекстом и тем состоянием культуры и государства, в которых рождались его тексты.

«Зомби-ситуации» мы обнаруживаем в государстве в нравственной, политической, экономической, правовой и экологической культурах. При этом в «мертвых зонах» выявляется необыкновенный синкретизм проблем: ментальное переплетается с властным и с экономическим в некий тугой узел. Например, Грегори Бейтсон в книге «Экология разума» иллюстрирует синкретизм экологических и ментальных проблем термином «экоментальная система» [2]. Согласно логике Г. Бейтсона, мы забываем, что экоментальная система, называемая озеро Байкал, — это часть более широкой экоментальной системы, и если озеро Байкал свести с ума, то его сумасшествие инкорпорируется в большую систему нашего мышления и опыта. Таким образом, Г. Бейтсон связывает ухудшающееся состояние окружающей среды с ухудшающимся ментальным состоянием человека. При этом второе обуславливает первое, но не наоборот.

Еще одна особенность «мертвой зоны» состоит в том, что оказавшись в ней, мы поразительно быстро свыкаемся со сложившимся состоянием. Ситуация, которая, казалось бы, считалась невозможной, превращается в нашем сознании в «нормальное состояние», воспринимается как составная часть нормального хода вещей и, более того, обосновывается как возможное. Таким образом, мы свыкаемся с катастрофой. Но мы упускаем из виду то, что «мертвая зона» культуры — это явление, ко-

торое лишает человека возможности создать смысл, а значит, в значительной степени умаляет реализацию ресурсов человеческого духа. Под смыслом мы имеем в виду нечто значимое и ценное, т. е. то, для чего совершается поступок, производится вещь, создается продукт культуры. Поэтому здесь мы говорим о тех смыслах, которые человек создается. По всей видимости, в современном мире отсутствие процесса создания смысла замещается созданием симулякров. И хотя симулякр вовсе не тождественен бессмыслице, мы наблюдаем локализацию производства смыслов. Следует подчеркнуть, что, поскольку разрастаются «мертвые зоны», постольку современное государство превращается в автоматизированную фабрику производящую симулякры, особую дискурс-субстанцию.

Можно сравнить расширение «мертвых зоны» культуры и государства с пенетрацией. Термин «пенетрация» (от лат. репеtratio — проникать) в русском языке имеет несколько значений: 1) распространение патологического процесса за пределы органа или части тела (медицина), 2) мера проникновения конусного тела в вязкую среду, параметр, характеризующий свойства нефтепродуктов (геология) [14]. Речь идет о проблеме пенетрации сознания, проявляющуюся в том, что коллективное сознание «вязнет» в нерешенных задачах «мертвых зон» подобно конусному телу, вязнущему в нефтепродуктах. Эта патологическая ментальная «вязкость» не может не отражаться на жизни современного государства. Мрачная энергия наполняет наши чувства и мысли, и мы наполняем мраком мир, увы! Мы стараемся смеяться и делаемся оттого смешными.

Таким образом, борьба с «мертвыми зонами» государства — есть борьба за головы, т. е. преодоление пенетрации сознания. Эта борьба страстная, поскольку страсть правит над миром. Действовать в такой борьбе необходимо невероятным терпением и изощренным благоразумием. Это не жизнь ради борьбы, но борьба за жизнь, для которой нужна благодатная почва. Мы считаем, что такой почвой является гражданская культура, ибо культура — сила, преобразующая государство. Государство не реализуется каким-либо сторонним механизмом, но единственно нами (гражданами России) и только при условии нашего труда и усилий к самоосвобождению (эти навыки мы называем политическим искусством). Гражданская культура и, основанная на ней борьба с «мертвыми зонами», обеспечит жизнь государству как становящемуся произведению искусства властвовать. Поскольку происходит пенетрация «мертвых зон», постольку современное государство превращается в автоматизированную фабрику производящую симулякры. Важно то, что разрастающаяся власть конституирует «мертвую зону».

Резюмируя рассуждения о движении концепта «государство» от античности до сегодняшнего дня и необходимости применения поли-

тического искусства к управлению социальным организмом, следует отметить, что важнейшим условием жизнеспособности современной России является реализация коллективного суверенитета по отношению к государству (центральному политическому институту). Именно применяя, ненасильственное тонкое политическое искусство мы способны справится с угрожающе разрастающейся властью, с социальными полями коллективной безответственности и иными «мертвыми зонами». В связи с этим, нам представляется закономерным продолжением данного исследования — изучение становления гражданской культуры современной России. На наш взгляд, здесь важнейшее значение имеют: анализ способности социального субъекта к самоизменению и исследование фрагментации (полярности некоторых конфликтующих субкультур) культуры современной России.

Литература

- 1. *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376-644.
- 2. *Бейтсон Г.* Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
- 3. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000.
- 4. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. 1992. №10. С. 64-70.
- 5. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001.
- 6. *Бродский И. А.* Послесловие к «Котловану» А. Платонова [электронный ресурс] / Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/br platonov.txt
- 7. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250-295.
- 8. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
- 9. История Древней Греции. Географическая и экономическая структура [электронный ресурс] / Режим доступа: www.ellada.spb.ru
- 10. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
- 11. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003.
- Маклюэн М. Осмысляя средства коммуникации: новые измерения человека // Искусство кино. 1994. №2. С. 67—71.
- Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. Доклад на III всесоюзной школе по проблеме сознания, Батуми, 1984 [электронный ресурс] / Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/ mamar02.htm
- 14. Словари и энциклопедии на Академике. Пенетрация [электронный ресурс] / Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/114083/
- 15. Платон. Сочинения. В 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3.
- 16. Платонов А. П. Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1998.
- 17. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
- Шабурова О. В. К проблеме классического / постклассического в развитии политической философии // Социемы. 1997. № 6. С. 36-43.
- 19. Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
- Эко У. Осмысляя войну // Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2005. С. 25—49.

Кудряшов И.С. Новосибирский государственный университет, факультет философии, 2-й год аспирантуры

Государство как произведение искусства

Традиционно в философии вопросы государства рассматривает политическая и социальная философия, а искусство осмысляет эстетика, и прямое соединение этих двух сфер очень часто подразумевает подчинение одной сферы другой. Так, например, современная эстетика часто вынуждена ссылаться на идеологию и политическую конъюнктуру, тем самым выходя за рамки проблемы прекрасного. И напротив, в постмодернистском дискурсе нередко склоны сводить функционирование современного общества к канонам развлекательных жанров (например, Ги Дебор в «Обществе спектакля»). Однако здесь следует вспомнить любопытное совпадение: первые философы — теоретики государства не просто не игнорировали, а были глубоко заинтересованы в осмыслении искусства и его роли в жизни. Фактически, Платон, призывавший изгнать аэдов и лириков из идеального государства, уже признавал существенную и довольно сложную связь между политикой и эстетикой. А его ученик Аристотель видел в катарсическом искусстве значимую для полиса социальную функцию. Более того, следует помнить и то, что сами понятия порядка и организации, на коих зиждется идея государства, были взяты пифагорейцами из практики искусств (преимущественно из музыки). И искусство, и государство в своих предельных рассмотрениях касаются одних и тех же идей: идей, которые, можно сказать без преувеличения, конституируют нашу субъективность. Государство, как и искусство, претендует (хотя и в другой форме) на осуществление таких фундаментальных понятий, как свобода и справедливость, и поэтому эстетику можно считать одним из центральных нервов политической теории на протяжении всей ее истории.

Ключевым вопросом для политики и политической философии является вопрос власти. Практическое осуществление власти и его осмысление всегда ставят вопрос о форме: как эта власть существует, как осуществляется, как сохраняется, в то время как излишне метафизические рассуждения об истоках и внутренней природе власти могут оставить чистой теории. Однако эту форму, сам механизм и ло-

гику осуществления власти нашему мышлению дает эстетика. Эстетика подробно разработала проблемы произведения и авторства, что дает мышлению о власти необходимые формы, как для самой мысли, так и для продукции и рецепции этой мысли. На это указывал также Рансьер, который в одном из выступлений подчеркнул, что модели эстетической мысли годны для политики поскольку они выступают «в развитом и обнаженном виде», причем обе сферы напрямую касаются разделения чувственного.

Первые теории государства отталкивались в своих построениях от идей блага, гармонии и космической соразмерности, равно как и искусство стремилось к воплощению тех или иных идеалов. В теоретическом плане искусство намного раньше осознало и подвергло деконструкции свои основания, нежели теория государства: в наше время мы уже имеем искусство без идеала, без гармонии, без тоталитарной тяги к порядку. В это же время теории государства до сих пор не преодолели своей ограниченности идеалом и благом. Одну из интересных попыток показать возможность политического устройства без идеала, без навязчивого стремления к его достижению на мой взгляд предложил Янис Ставракакис в своей работе «Лакан и Политическое». В ней он опирается на идеи лакановской этики психоанализа и показывает, что подлинная демократия строится на нехватке, на приятии доли неопределенности и хаоса, а в конечном счете, нуждается в ином понимании государства и его роли. Его идея о необходимости отказаться от любого блага и идеала как ориентиров политической практики мне кажется весьма полезной, т.к. показывает выход из определенного (исторически не раз проявившегося) тупика. Таким тупиком является неизменное обращение стремления к стяжанию блага или утверждению идеала в стремление к господству и насильственному контролю. В целом же я считаю, что нам вообще будет трудно понять специфику современного искусства без обращения к понятию Реального. Современное искусство — это практика произведения искусства как сильной формы, в которой воплощается поиск Реального. Начиная с эпохи модернизма, искусство стремилось выделить некий остаток Реального из социальной реальности, продемонстрировать неполноту нашего обыденного видения вещей. И весь ХХ век прошел под знаком именно художественно-политического претворения «страсти к Реальному» — в беспрецедентных экспериментах, революциях и авангардных концепциях. Иными словами, современное искусство научилось не игнорировать проблему Реального (что правда порой вырождается в навязчивое желание Реального, при котором оно всегда ускользает), и было бы хорошо представить себе государство тоже как произведение, воплощающее и учитывающее Реальное.

При этом идея о необходимости рассмотреть эстетическую составляющую как весомую компоненту в понимании сущности государства отнюдь не нова. Фактически, концепция государства Гегеля уже совершает этот ход: в его понятии «государства как обладающей самосознанием нравственной субстанции» очень важно отметить, что «актами» такого самосознания являются именно формальные ритуалы, институты и атрибуты государства. Иными словами, самосознание здесь понимается как рефлексивные акты самоутверждения, которые в государстве почти всегда имеют форму законченных эстетических объектов — от символики страны (гербы, флаги, знаки отличия, денежные знаки и т.д.) до ее публичных ритуалов (парады, присяги, государственные праздники, судебные ритуалы и т.д.). Без уникальной композиции этих эстетических объектов, складывающейся в единое произведение искусства невозможно понять ни государство вообще, ни какое-то в частности. Тот, кто в мысли пропускает эти феномены как сопутствующие или формальные, упускает самую суть: государство — это то, что навязывает себя субъекту, правдоподобно ему самому инсценирует его (субъекта) принадлежность государству в качестве подданного (разве не в этом второе значение слова «субъект»?). Подобный феномен обращения идеологии к человеку в форме эстетических и других явлений Альтюссер назвал интерпелляцией, однако в его анализе нам не хватает заостренности на проблеме государства. В самом деле, является ли государство само по себе «злом», как нередко его выставляют критики. Это вопрос, обсуждавшийся бурно анархистами, социалистами и другими течениями XIX века, и сегодня оказывается актуален.

Зачем нам государство и единственный ли это путь? — вопрошают сеголня многие.

Государство уже давно стало главной мишенью самых разных критиков культуры, общества, политического устройства и т.д. Государство презрительно называют «система», вкладывая в это ценностное утверждение необходимости с «системой» бороться. Однако возникает вполне законный вопрос: а справедливо ли в полной мере такое представление о государстве (не страдает ли оно одиозной однобокостью), и так ли хороши альтернативы (если они вообще предлагаются или существуют)?

Надо сказать, что даже для анархизма вопрос о государстве никогда не был «решенным окончательно», многие мыслители этого течения ратовали за обновление структуры и устройства государства, а не за его отмену. Примечательным образчиком, особенно в эстетическом плане, может служить работа Иван Щеглова «О новом урбанизме. Свод правил» (опубликована в 1963 г.), в которой он предлагает проект

переустройства города-государства по экзистенциально-эстетическим принципам. Этот и многие другие примеры в разрезе нашей темы следует понимать не только как подтверждения значимости эстетического аспекта в понимании государства. Другим выводом для нас является представление о том, что сама власть в своем функционировании порождает эстетические феномены, сама ее практика всегда будет стремиться к выражению в сильных формах возвышенного, прекрасного или их противоположностей. Это возможно только потому, что власть глубоко проникает в субъекта и касается самой сердцевины его Реального, и как замечает Лакан в семинаре «Этика психоанализа» идея прекрасного стоит к нему (Реальному) ближе чем идея блага.

Но как бы то ни было в сегодняшних дискуссиях о государстве до сих пор большинством управляет идея блага, стяжание которого ведет одних к утверждению государства, а других к его отрицанию. И именно в наши дни, в том числе в России, многие устремляют свои надежды на проекты другого рода объединений: от возврата к традиционным формам до построения новых универсальных и всеобщих. В связи с возвратом к традиции возникают самые разные идеи и течения: новый трайбализм, воскрешение идеологии семьи и рода (особенно у родноверов), различные формы этнического национализма и т.п. Другие же течения напротив подчеркивают свою современность, проповедуя новый номадизм, универсум атомарных индивидов или транснациональные общности. И те, и другие следует подвергнуть критике, прежде чем воспринимать как панацею от проблем, списываемых на факт существования государства.

Прежде, чем обратиться к сути этих проектов, я считаю целесообразным очертить свою позицию. В одном из своих недавних выступлений словенский философ Славой Жижек высказал суждение о том, что сегодня критически настроенные интеллектуалы и «левые» должны парадоксальным образом изменить направление своей критики. По его мнению, им следует выступить на стороне государства (не частного, а самой идеи), тем самым консолидируясь против как различных транснациональных корпораций и финансовых организаций, так и против локальных объединений на основе частных (этнических, религиозных и др.) идеологий. Я полностью согласен с этой идеей, потому как считаю, что государство — сегодня это последний оплот подлинно демократических принципов, светской власти и универсальных гражданских прав. Стратегический поворот на поддержку идеи государства — это необходимый шаг для сохранения политической сферы как таковой, для поддержания хоть какой-то ее автономии. Причем вопрос о государстве мы должны рассматривать в условиях глобализации, при всей ее проблематичности.

О глобализации в наше время говорят и пишут очень много, и обычно не по делу. Дабы избежать пустословия обратимся к корректным формулировкам самих идейных сторонников глобализации. Здесь нельзя не заметить насколько прямолинейно и настойчиво глобализация противопоставляется государству, как например в определении Тома Палмера: «глобализация — это частичная или полная ликвидация установленных государствами ограничений международной торговли и возникновение в результате этого сложной общемировой системы производства и обмена, приобретающей все более интегрированный характер». Таким образом, нам навязывают вывод, что перед каждым сегодня ставится выбор: либо частное государство с его ограничениями, либо международная торговля и взаимодействие? Однако так ли все просто? Сам Палмер говорит, что этот вопрос равносилен вопросам: «можно ли позволить американским фермерам покупать мобильные телефоны у финнов?», «следует ли разрешать швеям из Ганы продавать скроенные ими рубашки и брюки рабочим немецкого автозавода?» и т.п. — и здесь нельзя не заметить некоторую подмену. Глобализация — это вопрос не о конкретном человеке, а о той цене, которую мы все (жители мира) заплатим за ее последствия или за последствия того, что она «не состоится». И, говоря о цене, не будем забывать, что необходимо еще уточнить какова она будет совокупно, и как будет распределена меж людьми (в равномерное распределение я просто не поверю). Переход к насущным реалиям конкретных индивидов звучит как «правда жизни», а не некие отвлеченные величины. Однако ссылки на частности в теоретическом рассуждении то же, что переход на личности в споре или апелляция к эмоциям. А глобализация — это в первую очередь некое теоретическое построение (выявляющее общие связи и закономерности), в реальности нет никакой глобализации — только миллионы различных процессов и событий. Поэтому, говоря о цене вопроса, можно сказать, что в каком-то смысле это вопрос выбора: нельзя ничего достигнуть, не отказавшись от чего-либо в той же или другой сфере. И нужно терпимее относиться к ограничениям, связанным не только с экономической политикой государства, но и с традициями, культурой и пр. Слепо поставить торговлю выше частных ограничений государств мне просто не позволяют очевидные контрпримеры: торговля оружием, наркотиками, рабами, детьми, органами, государственными и частными секретами и т.д. Поэтому, следуя логике Гегеля, мы стоим перед выбором: Закон и права (в их частной, всегда конкретной форме) или его бессилие (подчинение другому принципу свыше — Мировая торговля). Иными словами, абстрактные Закон и Право чтобы стать действительными должны воплотиться в конкретной стране с ее культурой, обычаями и т.п., поэтому у Всеобщих прав нет действительности (за таковые выдаются вполне конкретные правовые нормы стран Запада). И, конечно, каждое такое воплощение неидеально, но значит, ли это, что мы должны отказаться от них? Я считаю, что невозможно воплотить какую-либо абстрактную идею без опосредования особенным. Поэтому Жижек вполне справедливо определяет, что для Гегеля «единственным способом для действительного участия индивида во всеобщем человечестве служит полная идентификация с особенным национальным государством — я являюсь «человеком» только как немец, англичанин...». Тоже самое и с Законом — либо он есть и конкретный (со всеми его недостатками), либо его нет — он всего лишь декларация «благих пожеланий» (которую можно использовать в своих интересах, в т.ч. геополитических).

Таким образом, не следует видеть в государстве тормоз мирового развития, но напротив, нужно серьезно задуматься: существуют ли альтернативные сценарии глобализации, без ненужного противопоставления государству? Здесь мы оставим вопрос глобализации и непосредственно перейдем к тем альтернативам государству, которые муссируются в наши дни.

Если попытаться вывести результирующую противопоставления государства как частным и натуральным общностям, так и глобальным, транснациональным и квази-натуральным общностям, то она будет следующая. Привлекательность идеи государства заключается в ее открытости, государство как общность — это принципиально открытая и формальная структура, где понимание основ и самих процедур интерпретации этих основ не принадлежит кому-то с необходимостью, структурно. Всякое частное лицо, воплощающее те или иные функции государства, является лишь опосредующим моментом формального принципа, в то время как в естественных обществах — оно неотъемлемо присуще конкретной позиции в структуре (лидер, глава семьи или рода, шаман, жрец и т.д.). Иными словами, в формальном объединении «свобода» и «справедливость» существуют помимо частных определений конкретных индивидов, решающих что таковыми считать, а в естественных общностях никакого «помимо» не существует — эти представления есть только то, что ими определяют, причем определяют немногие.

Говоря в терминах свободы, в обществах с неформальными принципами устройства моя свобода определяется всеобщим мнением, а не самой идеей существования свободы как таковой. Общества с неформальной структурой связей — это закрытые общества, замкнутые в себе, тупиковые для любой личности. Подобно тому, как Кьеркегор настойчиво доказывал, что язычество было не радостным состояние

духа, а было пронизано меланхолией и ощущением тупиковости, которые разрешились с приходом христианства, так же и мы считаем, что государство было способом «размыкания мира». Говоря точнее, представляется неверным концепция о том, что государство было изобретено, чтобы объединить большее число людей, когда прежние формы родовых связей уже не справлялись. Напротив сама возможность ощущения единства большим количеством людей, нежели это возможно напрямую, была заложена в новом формальном принципе — в государстве, которое имеет своих подданных.

И в связи с этим мне видится большая опасность в различных идеологиях, призывающих к традиции, к прежним формам социального единения (этнос, субэтнос, род, племя, клан и пр.), во многом потому, что они становятся источником социальной нестабильности и насилия. Но давайте посмотрим на состоятельность этих идеологий с теоретической стороны. Казалось бы естественные общности сохраняются и сегодня — семьи, кланы, роды, и мы привычно оцениваем их как позитивные связи, почему же следует отринуть тенденцию к ренатурализации связей во всем обществе? Я считаю, что никакая ренатурализация невозможна, «возврат к корням» — это всегда идеология псевдотрадиции, поскольку традиция либо укоренена в нас, либо утеряна. Традиция — не набор артефактов, который можно заново присвоить, поэтому спекуляции на тему происхождения (славянского, арийского, и т.п.) на деле идеология в чистом виде. Задачи такой идеологии — вписать все имеющиеся социальные конфликты в простую форму, с «чужими» в роли виноватых за все. Классическим примером такой стратегии стал фашистский национализм, который также испытывал тягу к поэтике крови, рода, почвы и т.д. Однако на мой взгляд эта эстетизация и мифологизация призвана лишь затушевать глубинные проблемы — у современного человек нет никаких древних корней, никакая традиция или кровь не хранит его сущность. У человека вообще нет позитивной сущности, воплощенной в субстанциальном ядре (его этничности и т.п.) — и это вызывает тревогу, вызывает страх и насилие, которое идеологи естественных общностей пытаются направить в нужное им русло.

Еще большая опасность таится в усилении транснациональных корпораций и вообще во всей этой риторике универсальных прав и свобод. Как я уже отмечал идеи о глобальной торговле или всеобщей коммуникации упускают из виду опосредующий момент — увы, человечество не способно вступать в телепатический контакт на уровне коллективного сознания, и потому любое взаимодействие уже опосредовано (и в первую очередь культурой и государственностью). Но большая проблема заключается в транснациональных корпорациях.

Они умело сочетают в себе формальные и неформальные связи, причем, именно сегодня особенно стали важны последние: корпорация стремится быть семьей или общим делом, для чего настойчиво укрепляет корпоративный дух и мифологию. Однако в своей сути корпорация всегда была локальным объединением, т.к. управляется она частными людьми с их частными — и во многом сугубо экономическими и властными — интересами. Именно поэтому корпорации не просто нарушают правовые нормы, но и способствуют их размыванию, лоббируя свои интересы. Кстати, именно поэтому корпорации несут наибольшую угрозу для экологии: просто потому что для них любая собственность — лишь вложение капитала, а значит, манипуляции с ней не ограничены ничем, кроме выгоды (т.е. они попросту не видят в этом земли, природы, биосферы, части планеты).

И если вернуться к вопросу возникновения государства, то можно заметить следующее. Фактически, я думаю, что подлинный переворот в человеческой истории уже случился: государство возникло и теперь нам лишь остается понять его суть и смысл. Если до сих пор государство рассматривалось как инструмент принуждения и ограничения, то нам всего лишь необходимо увидеть в этом потенциал, диалектическое движение к реализации свободы и справедливости. Иными словами, государство и есть инструмент принуждения поскольку мы не видим в нем ничего другого сами. Подобно классической идее «отрицания отрицания»: государство раз оно возникает как жесткий централизующий аппарат уже только поэтому содержит в себе семя противоположности — свободы, права, справедливости и автономий. На мой взгляд, передача ряда организационных функций от естественных обществ к формальному институту таило в себе освободительный потенциал, который может быть раскрыт лишь благодаря радикализации идеи государства.

И в этом пункте никак нельзя обойти вопрос о культуре. С одной стороны, культура «старше» государства и является его почвой, но с другой стороны без государства вряд ли мыслимо то развитие культуры, что мы имеем. Можно даже предложить следующую метафору, парадоксально осмысливающую этимологию слова «культура»: сама культура есть почва, государство же — это рациональное пользование, «культивация» этой почвы. Вообще я думаю, что спор о том, что важнее по значимости культура или государство — это спор о первичности формы или содержания. Мы можем судить из истории о том, что культура существует и в других формах, в то время как государство без культуры немыслимо, однако, это вовсе не следует трактовать прямолинейно: дескать, вопросы культуры первостепенны и государство должно поставить их во главу угла. На мой взгляд, вся диалектическая

сложность этой проблемы заключается как раз в том, что именно понимание и построение государства как института, осознающего значимость культуры для своего нормального функционирования, является первостепенным вопросом, так сказать первым моментом диалектического становления. Нельзя ожидать положительных свершений от культуры в условиях прежнего государства, пусть и обязанного хранить и поддерживать культуру, без изменения самой идеи государства.

Поэтому концепция Буркхардта или всякая другая, утверждающая необходимость сохранения достижений культуры как центральную задачу государства, на мой взгляд, вряд ли справедливо может быть названа теорией государства как произведения искусства, скорее это теория государства как музея искусств. Но речь здесь вовсе не о формулировке, а о сути: задача сохранения культуры должны быть дополнена задачей сохранения субъектов культуры. Сохранение культурной памяти человечества — это достойный ориентир для государства, но он требует определенных условий для реализации, а таковыми является культурный и моральный уровень граждан. Проблема здесь в том, что само по себе сохранение культуры, увы, еще не означает сохранения или повышения культурного уровня, именно поэтому у государства как произведения искусства должна быть и педагогическая роль. Поддержание творческих и интеллектуальных способностей в гражданах — уже создает запрос на сохранение культуры. И даже если культурное наследие (по каким-то причинам) утеряно, то уж лучше государство «изобретателей велосипедов», чем страна «музеев велосипедов», в которой никто не умеет на них ездить.

В конечном счете, нет смысла ни в одной концепции государства и ни в едином государстве, если в них нет необходимости человеку. Если бы существовали альтернативы реализации каких-то «необходимых вещей» без государства, то можно было бы и не «умножать сущности», но я пока таковых не знаю. Я «за» государство, но против идеологических спекуляций, которые пытаются свои идеологические интерпретации выдать за подлинный аутентичный и единственно верный смысл произведения. Государство как произведение искусства шире конкретных истолкований и в этом одновременно его сильная и слабая сторона.

Я вообще не считаю себя сторонником «сильного государства», мне больше импонирует идея государства, создающего «сильных людей». Государство должно быть сильно своими принципами и настойчивостью в их реализации, оно должно быть сильно по отношению к своим «врагам» (корпорации и пр.), но оно не должно быть местом собирания силы и власти, т.к. автоматически становится аппаратом усиления одних граждан за счет других.

Нам ненужно государство, которое представляет собой ничто иное как предприятие с частными интересами, стремящееся сохранить себя во что бы то ни стало. Напротив нам нужно государство, осознающее себя как структурно необходимую форму, как аппарат реализации функций, неотъемлемых от процесса осуществления подлинных свобод и справедливости. Задачей государства является собственное существование только постольку, поскольку оно необходимо для организации необходимого пространства для личности и общества. Причем в его задачи входит понимание себя как такого инструмента также как и просвещение самих людей в такой необходимости «для-других». Иными словами, государство должно быть подобно чистому желанию, а не частному. В то время как частное желание желает любым способом продолжаться, меняя форму, цель и объект, но сохраняя свое содержание, чистое желание есть форма, которая структурно необходима чтобы человек оставался субъектом — оно попросту должно быть, не имея никакой привязки к определенному содержанию.

Государство — это историческое явление, однажды оно было изобретено и вполне вероятно, что когда-нибудь исчезнет. Однако дабы не сводить это суждение к диалектическим банальностям, стоит отметить, в чем собственно заключается процесс становления государства как идеи. Подлинно диалектическим мне представляется следующее представление: государство возникает как аппарат насильственной власти и идеи свободы, справедливости, равенства укореняются в нем медленно, с борьбой и упорным трудом. Последнее следует расценивать как знак подлинности процесса, а не наоборот (как противоестественное навязывание чего-то неприсущего). Однако постоянным имманентным пределом любым свободам в государстве является само государство с его аппаратом власти. И мысль о том, что однажды человечество разом отменит государство, представляется чересчур наивной. В то же время если государство сохраняется, то вся история человечества остается лишь чередой «захватов власти». Это было уже вполне очевидно Ленину, который показал в «Государстве и революции», что революция должна не просто захватить власть, но затем постепенно разрушить сам аппарат государственной власти, сделать ее ненужным. Историческая ошибка Ленина заключалась в попытке непосредственно перейти к реализации этого проекта, когда для него совершенно не было предпосылок. Именно этот внутренний конфликт принципов свобод и прав с существованием аппарата власти и принуждения является ключевым определением самого государства. Но преодолим ли он?

Здесь возможно два типических решения: первое — конфликт преодолим и противостояние исторически конечно, второе — конфликт неизживаем, но мы должны бесконечно стремиться к его смягчению. Я считаю, что оба неудовлетворительны. Первое решение может обернуться как чересчур скорым переходом к устранению конфликта, что выливается в террор и насилие, так и может стать бесконечным выжиданием «подходящих условий», когда ситуация дозреет. Второе решение также чревато — либо потерей перспективы (движение — все, цель — ничто), либо самоуспокоением, когда симуляция действия принимается за сами действия (пресловутый реформизм, когда можно менять и обсуждать только то, что не меняет самой сути, самих правил игры).

Конечно, следует попробовать найти третий путь в соединении этих двух. С одной стороны, необходимо продолжать борьбу за свободы «снизу», т.е. самими гражданами. С другой же стороны, государство должно подвергнуть само себя демонтажу, но только при создании для этого условий. Под условиями демонтажа я имею в виду вот что: государство должно не отказываться от своих функций, но формировать для них «преемников» в социуме, т.е. государство сперва должно создать граждан, на которых можно переложить функции, прежде бывшие в ведении государства. Само собой на создание таких граждан и такого общества потребуется много времени, однако история показывает, что это возможно. Другими словами, демонтаж государства будет происходить как делегирование функций тем, кто уже в силах или де факто их исполняет, т.е. это скорее стратегия минимизации государства, целью которой является не увеличение власти каких-то других агентов, но высвечивание необходимых неотъемлемых функций государства. Такое постепенное делегирование подобно эвристическому поиску: как только мы отвоевали у государства нечто, что необязательно перекладывать на него, мы тут же задаемся вопросом «а что еще можно демонтировать в государственном аппарате без ущерба для общества?».

Однако такой эволюционизм и мелиоризм в представлении о концепте государства необходимо ограничить конкретным историческим анализом. Этот анализ ставит нас перед пониманием государства как воплощения социального антагонизма. Именно это я имею в виду под концепцией государства, учитывающего Реальное. В трактовке Реального, как компонента конструирования концепта государства, необходимо не просто учесть факт нескольких трактовок Реального в лакановском психоанализе, но строго настаивать на эволюции от одного понимания к другому. Как отмечает в своей статье Н.С. Савченкова, Реальное у Лакана сперва понималось как травма, затем как

до- и пост-символическое, а затем как «полная речь». Эта эволюция понятия неслучайна и в целом повторяет динамику частного анализа: переход от вытесненной травмы к полной речи о себе. То же самое необходимо сделать и с понятием государства: перейти от понимания элемента Реального в государстве как травматического к принятию его позитивной роли в механике нашего взаимодействия с реальностью. Если обозначить эту мысль о «полной речи» максимально просто, то она заключается в переходе от обезличивающего «Я — это гражданин России» к наполненному смыслом и чувством «Гражданин России — это Я». Проблема здесь конечно же в том, что и само устройство государства не расположено к такому переходу, впрочем с «благими намерениями».

Иными словами, государство берет на себя «жертвенную функцию»: оно амортизирует нестабильность, разрывы социума. Это особенно видно на отношении, распространенном в нашем обществе: мы склонны винить во всем государство, игнорируя тот факт, что непопулярные решения принимают вполне конкретные люди, силы, партии. И проблема не только в нехватке политической культуры (когда граждане винят государственный аппарат, а не партии, принявшие законы), но и в переизбытке «жертвенности» в наших отношениях с государством. Государство «привыкло» требовать от нас жертв ровно настолько насколько мы сами готовы «быть жертвами» и «делать жертвы» — и это не просто социальная проблема, но и психоаналитическая. Лакан указывал, что существует «искушение жертвоприношения», и оно часто становится последней опорой субъекта в отказе от принятия неполноты Другого. Гражданам нашей страны необходимо избавиться от излишней жертвенности, что разрывает порочный обмен и парадоксальным образом открывает возможность отношения любви. Любить государство — это не принимать его как оно есть (с его несовершенствами), а любить его, понимая, что недостатки устранимы, что само отношение любви не задается никакими частными содержаниями (форма правления и т.п.) В конечном счете, прежде чем взывать к какому угодно изменению государства нужно понимать главное. Главное, я считаю в том, что всякая частная форма государства — это попытка найти форму для вписывания этого антагонизма и хотя она всегла неулачна, в ней всегла есть смысл (спасение от полной дезинтеграции общества).

Полулях Д.С.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, факультет политологии, 3-й курс

Государство как произведение искусства

Введение

Концепция «государства как произведения искусства» никогда не теряла и до сих пор не теряет своей актуальности. Тезис, выдвигаемый нами, таков: все существующие государства активно стремятся к идеалу «государства как произведения искусства» сегодня. Но почему они к нему стремятся? Ответить на этот вопрос — вот задача, которая стоит перед нашим исследованием.

Но для того чтобы оно не превратилось в поток ассоциативных фантазий, необходимо к основным дефинициям привязать определения.

Основной теоретический вопрос заключается вот в чем. Что на ближайших двенадцати страницах мы будем понимать под «государством как произведением искусства»? Рассмотрим варианты толкования этого феномена, проанализировав само выражение. Первый вариант понимания подразумевает центральным, исходным понятием «искусство», а «государство» попадает в зависимость от него по причине того, что является *продуктом*, произведенным этим «искусством». Второй вариант в некотором смысле противоположен первому и подразумевает иное толкование прежде всего слова «произведение», которое в этом случае является девербативом и может заменяться словами «производство», «воспроизведение». Здесь мы можем наблюдать своеобразный переход количества в качество, или, если быть точнее, здесь государством зовется сам процесс произведения (воспроизводства) форм культуры и искусства. Третий подход обращается к «произведению искусства» как устойчивому выражению. Здесь государство сравнивается с полотном, с книгой или, скорее, с домом культуры, выставкой, музеем. Приближая данное определение к области политико-философского знания, мы можем рассматривать государство как гармонию, созданную неким творцом.

Только на первый взгляд кажется, что нам придется отдавать предпочтение какому-то одному из приведенных толкований. На самом деле в каждом из этих случаев имелся в виду один и тот же феномен.

А тройное понимание позволяет лишь глубже проникнуть в сущность «государства как произведения искусства», показывая данный феномен в динамике, связывая все три понимания в одно неразрывное кольцо. Проясним заявленную выше мысль. Понимание государства как продукта культуры подразумевает строгую каузальную, импликативную связь, где государство возникает только тогда, когда есть культура, которая выступает стартером государственно-политического процесса. Она есть движущая сила государства, его вдохновение. В такой схеме государство выступает исполнителем, выразителем воли культуры, а сама она становится лоббистом, который непременно выступит за продвижение своих интересов. В чем же эти интересы? Они в большей своей части лежат в области продвижения, заботы о культуре, ее распространения в государстве. Эгоистическое и наиболее сильное побуждение культуры, вследствие довольно медленного внедрения ее идей в общественный дискурс, заключается в том, чтобы продвигать себя. Культура, по крайней мере, на первых порах, исполняя программу-минимум, заинтересована в собственном пиаре. Кроме того, искусство осознает то, что его влияние на государство обеспечено только до тех пор, пока оно (искусство) сильно, пока оно дотируется. Это тоже толкает его в политику заботы о себе. А результатом такой заботы с посредничеством государства является заполнение территории, лимитированной государственными границами, различными культурными объектами и традициями. Как результат, государство наполняется духом культуры и приходит в равновесие, становясь на этой стадии подлинным «произведением искусства». Третья стадия не является концом пути, а в восточной циклической традиции переливается обратно в первую стадию, в самое его начало. То есть культурная гармония выступает плодотворной почвой для подпитки государственных сил, для определения ее повестки дня.

Я.Буркхардт, говоря о рассматриваемом нами концепте, считал, что государство как произведение искусства — это государство, определяемое культурой. То есть в этом лаконичном определении он описывает «первую стадию» нашего цикла, непременно подразумевая дальнейшее движение круговорота культуры в государственном механизме как логичное, естественное и закономерное продолжение. Именно этот круговорот, способный развернуться из любой стадии своего движения, мы и описали выше.

В нашем только начавшемся исследовании мы не раз уже употребили слово «культура», а также «искусство». Нет сомнений, что в данной работе мы можем рассматривать эти концепты как взаимозаменяемые. Доказательством тому служит определение из «первоисточника», дан-

ное выше, где, по сути, между этими понятиями ставится знак равенства. Культура, искусство — это продукты человеческой духовной (или материально-духовной) деятельности, как личной, так и общенародной. Культура — это и живопись, и литература, и музеи с театрами. Но, понимай мы искусство в такой узости, наше исследование получилось бы весьма ограниченным. Нам представляется необходимым понимать под культурой, а, следовательно, и искусством, также ментальность нации, придающую этой самой нации неповторимость. Точнее не саму ментальность, а те повседневные механизмы, тот еле уловимый каждодневный дух, который и делает из нации нацию. Нам кажется невозможным отделить то, что зовется «произведениями искусства», от народного духа, который, между прочим, считался О. Шпенглером самым непосредственным проявлением культуры¹. Подтверждения этого читатель не раз найдет в дальнейшем изложении наших мыслей.

А пока положим старт нашему исследованию, проверив на прочность данную концепцию в современных условиях.

Государство как основной источник культурной жизни

Насколько современная эпоха дает развиваться миру в направлении идеала, описанного выше? В частности, почему к культуре мы привязываем именно государство? Почему мы считаем, что именно оно, а не частные или интернациональные силы могут взять культуру под опеку?

Чтобы ответить на эти вопросы для начала обратимся к истории. Время рождения этой концепции — XIX век. Это время Вестфальской системы, эпоха, когда мир представлял собой совокупность национальных государств как универсальных акторов. В эту пору было естественно все заботы возлагать именно на институт государства. Однако уже тогда пробуждался английский буржуазный дух, стремившийся оставить в руках государства лишь функцию ночного сторожа. Поэтому особенность концепции объясняет личность Якоба Буркхардта, который впервые и заговорил о «государстве как произведении искусства». Он учился в Берлине и Бонне, а также испытал влияние Леопольда фон Ранке, что сказалось на его глубоко государственнической концепции.

Итак, насколько соответствует нашим временам этатистская концепция, рожденная в XIX веке? Конечно, двадцатый век внес свои коррективы, отраженные Н. Рерихом, который занимался продви-

¹ В отличие от живописи, музыки, литературы и остальных «искусств». Впрочем, идеи немецкого мыслителя точно ложатся на карту нашего исследования, так как то, что делают вышеперечисленные искусства, и есть, правда отчасти, манифестация культуры народа.

жением идеи международного договора, то есть он уже втягивал в политико-культурную проблематику межгосударственные институты. Но к этому мы еще вернемся. Сейчас же нас интересует основа концепции, а именно — место государства в социально-духовной жизни людей, в сфере защиты объектов культуры.

Мы можем констатировать, что по сегодняшний день государство является самым надежным и последовательным культурным агентом, который единственный способен обеспечить духовно-культурный комфорт людей. Одним словом, с тех времен мало что поменялось. По крайней мере, в рассматриваемой нами культурно-политической сфере.

Само понятие государства в современном консервативном мире приобретает сакральный смысл. Вся текущая международная жизнь сходится на нем. В современном мире явно намечается тренд релокализации.

Это объясняется в первую очередь тем фактом, что в современных условиях потребность в государстве — колоссальная. Все чаще политики обращаются к термину «государство безопасности», которое, по сути, является смягченным вариантом понятия «полицейское государство». Нужду в сильном государстве иллюстрируют практически все крупные события последнего времени. Рубиконом стал теракт 11 сентября 2001 года в США. Многие исследователи берут эту дату как точку отсчета новой эпохи. Действительно, западные страны за считанные годы после этой акции поспешили закрыть свои наивные объятия доверию и терпимости. Прямым следствием теракта стало принятие в 2002 г. Конгрессом США «Патриотического закона», расширявшего полномочия спецслужб. Свою порцию терактов получили и другие развитые страны в 2001-2005 гг., после чего в западных умах забрезжила ностальгия по сильному, «классическому» национальному государству. Наконец, красноречивым подтверждением того, что рубежи государства — не эфемерны, стала граница между Америкой и Мексикой, которая начала усиленно укрепляться с целью остановки массовой нелегальной миграции на север. Евросоюз, казалось бы, демонстрирует неподатливость этим трендам, но это только на неискушенный взгляд. На самом же деле последние события в этой политии говорят как раз о том же самом. Приняв в 2009 г. Лиссабонский договор, ЕС расписался в своей неспособности смело идти по пути наднационализации. Ведь намного более радикальная Конституция провалилась в 2007 г. и, чтобы не раздражать приверженцев национального суверенитета (евроскептиков), был разработан облегченный вариант конституции, который по понятным причинам потерял статус конституции и стал через два года называться просто договором (Лиссабонским), являющимся, по сути, Конституцией light.

К чему это, собственно, было сказано? Мир в XXI веке осознанает, что слепое доверие в современных условиях опасно. Либерализм может держаться только на доверии, самосознании, лояльности. Поэтому он сейчас сменяется закрытостью «классического» государства. Кто-то может разглядеть в этой современной закрытости «откат» от «прогрессивного» принципа демократии. В этом есть правда, но кто сказал, что демократия — это идеал и прогресс, а тем более, что именно в этом — сущность идеи «государства как произведения искусства»? Я. Буркхардт допускал существование данной идеи и в тираниях. Это он выразил в своей работе следующими словами: «в городах-республиках, так же, как и в государствах с тираническим образом правления, эта тенденция (появление государства как «сознательно задуманного построения, как произведения искусства» — П.Д.) сказывается существенным образом и определяет как их внутренний облик, так и их внешнюю политику»¹.

Однако оставим тему демократии. Ведь даже «закрытие» государства не обязательно ведет к урезанию прав, а тем более к отказу от самосознания, самостоятельности и самоопределения. «Закрытие» государства означает по сути лишь то, что отныне государственные границы становятся рамками, формочкой, куда теперь и будет сыпаться благотворный песок культуры и искусств.

Сильное государство — несомненная мода в современных международных отношениях. США, являясь символом всякого новшества, представляют собой сильное единое государство. Правители не могут смотреть на то, как транснациональные угрозы нависают над его гражданами и ничего не предпринимать. Опасности, опасения, незащищенность существенно сказываются на моральном духе граждан. Угрозы могут поселить в сердцах граждан страх, так и чувство единения со своим народом. Но как и в одном, так и в другом случае гражданин обращаетсяк государству.

Что все это доказывает? Это доказывает особую ценность государства как феномена в современной эпохе. Это бесценный бриллиант, который жизненно необходимо беречь для того чтобы чувствовать себя в безопасности и комфорте. Ясно, что только государство может быть источником культуры и только на основе культуры оно сможет уберечь своих граждан в эпохи социальных катаклизмов.

¹ Буркхардт Я. Культура Возрождения Италии. Опыт исследования. http://www.gumfak.ru/kult html/italy/content.shtml

Негосударственные акторы как культурные агенты

Негосударственные акторы, будь то террористы, нелегальные мигранты или даже надгосударственные органы EC, — это те диверсанты, которые хотят в современных условиях расшатать национальное государство и как следствие уничтожить его культуру. Мы говорим о силах, которые убежали из-под теплого, но колючего одеяла государственного суверенитета и претендуют на независимость, в том числе культурную. Они иногда сами хотят быть источниками культуры, а некоторые даже используют ее, как машины используют бензин.

Итак, каково будущее этих фрондеров в сфере культуры? Возьмем транснациональные корпорации, работающие в сфере шоу- и медиабизнеса, как пример могущественных, независимых от государства субъектов, способных проводить свою политику в области культуры. Но это только на первый взгляд кажется, что многое в мире зависит от воли частных лиц. Штаб-квартира транснациональных корпораций размещена не в воздухе, а находится в чьих-то владениях, а значит и под чьим-то влиянием. Широко известна совместная деятельность американской администрации и «United Fruit Company» по свержению правительства Гватемалы в 1954 г. ТНК размещают свои резиденции также не на нейтральном участке, а на территории определенных государств. «Антикорпоративисты» забывают, что не только ТНК обладают рычагами влияния, но и принимающее государство имеет свои силы, которые зачастую перевешивают ресурсы корпораций. Ведь именно государство организует их инфраструктуру, обеспечивает их деятельность. Кроме того, чтобы внедриться в определенную культуру, ТНК приходится, следуя заветам «глокализации», подстраиваться под эту культуру. Что в данном случае влияет на что?

Особую категорию образуют общественные некоммерческие силы. Они в каком-то смысле так же как и государства могут выступать «произведениями искусства». В качестве примера можно вспомнить массовое образование «бойцовских клубов» после выхода одноименной книги, а особенно одноименного фильма. Но нас интересуют гораздо более влиятельные движения. Например, «движение за глобальную демократизацию» (которое иногда называют «новым антикорпоративным» или «антиглобалистским» движением). Что происходит с ним? В данное время — ничего хорошего. Внешние неудачи усугубляются внутренними проблемами, такими как, например, раскол, подобно государствам, на «север» и «юг». По-простому говоря — на «антиглобалистов» развитых стран и их коллег из «третьего мира». Последние, обладая желанием, не находят выхода своей энергии, а первых разлагает излишняя демократизация, децентрализация и та-

буированная тема дисциплины. Неспособность на мобилизацию дополняется отходом от дел радикального крыла, которое и было, как оказалось, генератором идей. Об отсутствии финансирования можно даже не говорить.

Все это играет на руку нациям-государствам, которые с любовью принимают своих «блудных сынов» назад под свою защиту. Дело даже не в том, что «нетрадиционные» акторы не способны в настоящих условиях являться подлинными «произведениями искусства». Просто именно государство является самодостаточным и ответственным институтом, который может действовать максимально разумно, как старший брат или отец (в отношении своих граждан или других субъектов политики).

Говоря о негосударственных акторах, нельзя не упомянуть ООН и прочие межправительственные организации. Дело в том, что ООН значительно окрепла за последнее время, по сравнению с биполярным периодом истории. Обратимся к статистике. С 1945 по 1990 г. Совет Безопасности смог всего дважды применить «право на вмешательство»; за это же самое время было развязано около 80 войн. С 1990 по настоящее время были зарегистрированы всего два случая вооруженного вмешательства без санкции ООН. За этот же период Совету Безопасности более чем в 10 случаях удавалось добиваться консенсуса и санкционировать международное вооруженное вмешательство. Это говорит нам о том, что авторитет организации возрос, а значит, что она и в сфере охраны культуры в необходимых случаях будет действовать намного эффективней, чем раньше. Определяющей роли ООН не помешают даже такие элитарные структуры как «большая восьмерка» и «большая двадцатка». Их легитимность до сих пор под сомнением, а эффективность деятельности падает с каждым годом: в последнее время «большая восьмерка» превращается из института, принимающего важные решения в форум для выявления новых проблем человечества.

Авторитет ООН не ставится под сомнение, и пока есть такая организация, человечество может быть спокойно за свое культурное наследие. Эта мирная организация вовсе не планирует становиться неким «мировым правительством» и тем самым претендовать на превращение в «произведение искусства». ООН слишком консервативная структура для этого, и вследствие этого, более «международная», нежели «мирополитическая». Ее задача — способствовать мирному развитию (в т.ч. культурному) государств. Одним словом, движение к «государствам как произведениям искусства» в надежных руках.

¹ К тому же она, как выяснилось не так давно, слабо поддается реформированию.

Государство и культурная идентичность

Но на всякую ли культуру может опираться государство? Любое ли творчество необходимо поддерживать для оздоровления внешнего и внутреннего климата?

Здесь, прежде всего, остро стоит вопрос культурного плюрализма. Может ли государство «погнаться за двумя зайцами»? Мы считаем такой сценарий невозможным. Если и «гнаться за двумя зайцами», то необходимо, чтобы они непременно бежали в одну сторону. Государство может опираться на культуру и определяться ей, только если она единая, только если она скрепляет общество. Государство принимает однозначные решения, следовательно — в культуре должен присутствовать хотя бы минимум объединяющего элемента. Поэтому мы приходим к дополненной концепции «государства как произведения единого искусства». Наш вывод подтверждается словами Н. Рериха о том, что первой обязанностью государства является поддержание и развитие духовной общности проживающего в нем населения.

Для политиков всех стран это вопрос чрезвычайной важности. Ведь культурное единство — это легкий на подъем народ, это взаимопонимание и отсутствие конфликтов, гармония, о которой мы говорили.

Жажда сплотить население проявляется в жарких дискуссиях на тему иммиграции, которые ведутся в либеральных демократиях по настоящее время. Ведь многим уже сложно сдерживать свое неодобрение в тесных стенах толерантности. Пока что мысли политиков и общественных деятелей западных стран сходятся на том, чтобы принимать эмигрантов, но только при условии того, что они смогут влиться в образцы поведения, принятые в этих странах.

Некоторые государства особенно болезненно воспринимают всякое вторжение со стороны инородных культур, для них особенно важна идентичность. Взять, к примеру, некоторые страны Восточной Европы, где институт государства, по сути, оказывается собственностью одной этнической группы. Например, Эстония и Латвия построили свои конституции на концепции «этнической демократии», из которой вытекает положение, о том, что лицам, не принадлежащим к титульной нации, попросту не предоставляется гражданство. Схожие настроения чувствуются и в одной из самых значительных западных стран — во Франции. Сюда относится знаменитый запрет на демонстрацию религиозных символов в школах, который, несомненно, главным образом был направлен против исламского хиджаба. А осенью 2010 г. практически единогласным решением был введен запрет на ношение паранджи во Франции. Все указывает на то, что в России тоже будет сделан упор на культурное единство. Одно из надежных

доказательств этой мысли — нынешние идеология, программа и ценности партии ЛДПР, которая особо чутко прислушивается к изменениям общественных настроений, к текущим чаяниям народа, к его дискомфорту, а соответственно — и ко времени.

Но мало для кого является секретом то, что обеспечение культурного единства России — задача не из легких. Мыслители нашей страны бьются над этой задачей еще со времен Б. Ельцина. А все из-за того, что проблема лежит в первичном коде $P\Phi$ и сводится к вопросу: кто мы — национальное государство или «империя» 1?

Дело в том, что несмотря ни на какие попытки первого президента $P\Phi$ сделать нас национальным государством, в России до сих пор уживаются множество разных трудно совместимых культур (как, в принципе, и идеологий). Национальному государству гораздо проще объединить народ, но в современном мире хватает различных неоимперий, латентных или «оскопленных» империй, и им приходится действовать более изворотливо.

Принципиальная многонациональность не позволяет им в качестве объединяющего элемента выбрать национальную или близкую только титульной нации культуру. Что же их тогда может объединить? Для ответа на этот вопрос обратимся к одной многонациональной «империи», которой довольно неплохо удается объединять свой разношерстный народ.

США. Так и хочется назвать это государство «Богемской рапсодией». Что такое «Богемская рапсодия» в данном случае? Это и есть, по сути, империя нового типа. Это — разнообразие, опоясанное общей идеей. Всем многонациональным государствам следовало бы взять США в качестве примера для подражания, для ответа на вопрос о том, что же может объединить таких разных людей. Но, надо заметить, что если Соединенные Штаты и «произведение искусства», то произведение коммерческое (или, по крайней мере, слишком вещественное), потому что единственное, что объединяет всю поликультурность Америки — это материалистическая «американская мечта».

Пока Евросоюз не продвинулся слишком далеко на юг и восток, ему тоже есть, что поставить в центр. Эти страны объединяют хоть и абстрактные, но все же единые европейские ценности.

Только про те политии можно сказать, что они имеют *народ*, где людей объединяет общее стремление. Населять «государство как про-изведение искусства» может только народ. Большинство современных государств, вследствие продуманной политики, имеют именно такие

¹ Здесь под «империей» мы понимаем многонациональное государство, руководимое, чаще всего, какой-либо идеологией или идеей (не являющейся национальной).

порядки. Но, конечно, существуют отстающие, чаще всего это «винегретные государства», в рамках которых уживаются несколько закрытых, не пересекающихся друг с другом субкультур, а каждый человек думает лишь о своем, поэтому такие государства имеют только «население», но никак не народ.

Западные государства, как уже отмечалось, в этом отношении успешны. Их объединяют общие ценности: идеи Французской революции, забота об экономическом процветании, заветы демократии. В России ситуация не такая однозначная, но нет сомнений, что «шампур», хоть и тонкий как зубочистка, но уже вонзен в нашу действительность.

Для *России* существующее в ней невероятное разнообразие субкультур, идеологий, верований¹ — помеха в разработке объединяющей идеи, позволяющей действовать исходя из своей культуры.

Спор о русской национальной идее выходит за рамки нашего исследования, поэтому о ней мы говорить здесь не будем, ограничившись предположением, что костяком здесь могла бы стать идея сильного лидера, которая незаметно для большинства из нас уже пробивает себе дорогу.

Итак, жажда преодолеть границы своего государства означает лишь бесповоротную деградацию культуры. Сердце нации — это культура, а сердце должно быть единым. Множество разрозненных культур не образуют некую метакультуру, потому что культура подразумевает единство менталитета, что очень важно сохранить в текущих условиях.

Якоб Буркхардт писал в своей работе «Культура Италии в эпоху Возрождения»: «Там, где... эгоизм теряет мрачную окраску и уступает почему-либо место другим побуждениям, возникает новая историческая жизнь и государство приобретает характер творчески построенного здания, другими словами, оно становится произведением искусства»². А эгоизм умирает там, где он подчиняется общему.

Государство как производитель культуры

Следующий волнующий нас вопрос заключается вот в чем. Как у государств обстоят дела с практикой поддержки национальной культуры и искусств внутри и за рубежом? Ведь это, без преувеличения, является ядром всей концепции.

Здесь мы можем с полной уверенностью сказать, что тема поддержки национальной культуры волнует любую уважающую себя

¹ В этом отношении наша страна демонстрирует плюрализм, которым не каждая развитая демократия сможет похвастаться.

² http://www.ng.ru/science/2010-06-23/12_art.html

страну, причем волнует очень сильно. Самый яркий пример — поддержка государством так называемой высокой культуры. Она не является коммерческой и поэтому не окупает себя, и лишь понимание неких социально-духовных истин заставляет государство поддерживать жизнь классической музыке, а также многим другим формам высокой культуры через премии, фестивали, стипендии.

Государство точно уловило связь между зарождением определенных идей в головах граждан и социально-экономическими или иными общественными удачами. Предметы культуры и искусства все чаще выступают носителями раскрываемой сознательно или подсознательно идеи, нужной государству и развитию. В нашей стране в последнее время появился определенный сорт популярных книг, явно предназначенных для того, чтобы несколько сместить мировоззрение читателя в сторону определенных идей. С телевидением дело обстоит даже красноречивей. Мы имеем в виду определенные программы (точнее целый сноп одинаковых программ), многие из которых нещадно и изящно препарировала в своих статьях культуролог Екатерина Сальникова, выявляя их подоплеку, связанную с официальным государственным курсом. Но не стоит воспринимать это как пропаганду, направленную на поддержание у власти определенной группировки. Ведь зачастую эти программы пробуждают в подсознании реципиента вполне здравые с точки зрения сохранения и развития общества стремления, связанные, например, с решением проблемы «русского креста» и «правового нигилизма».

Кинематограф остается очень важным искусством даже для уже капиталистической России. В настоящее время государство применяет практику поощрения «социально значимых» картин. Известно также, что деньги от государства получают основные российские режиссеры. Но Россия здесь отнюдь не исключение. Что Франция, что Италия, что скандинавские страны — все они дотируют национальный кинематограф, как и многие другие сферы национальной культуры.

Возможно, требуется доказать, что приведенные факты — это не набор случайных событий. Доказательство же заключено в логике, которой руководствуются правители. Они солидарны с Н. Рерихом в оценке той роли, которую играет искусство в социуме. Наполнение человека определенными идеями и эстетическими переживаниями непременно сказывается и на его повседневной жизни, а если под это влияние попадут целые группы, то крупная перемена в обществе неминуема. Именно эту идею в некоторых своих трудах разрабатывал американский ученый Дж Розенау. Он говорил о том, что модели, ко-

http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=114&Itemid=1

торые поддерживают глобальный, да и любой другой, порядок, действуют на трех уровнях: 1) на идейном (сюда можно отнести чувствование, восприятие, понимание человеком общественно-политических механизмов; это установочные и перцептивные сетки, через которые проходят события прежде чем вызвать действие или бездействие); 2) на поведенческом (это регулярные и шаблонные действия, выражающие идейные понимания) 3) и на совокупном, когда определенные институты проводят курсы, свойственные идейным и поведенческим моделям. Крупные общественные изменения начинается с «малого», с индивидуального. Вспомним пример из истории, который предоставляет нам Д.И. Писарев: «Преобладанию аристократии во Франции пришел конец, когда перевес ума, таланта и образования оказался в рядах достаточной буржуазии»¹. Идейные мотивировки у человека есть всегда, и он действует в соответствии с ними, а заботиться о том, чтобы эти действия были полезные и честные, необходимо государству. А эффективней всего это делать через формирование идейных установок.

Производство культуры и «мягкая сила»

Лучшим эпиграфом к этому небольшому дополнению к предыдущей главе стали бы слова Н. Рериха: «Сперва опознаем и сбережем Культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными».

Русский мыслитель говорит о политическом ходе, который заключается в том, что поддержка национальной культуры ведет к повышению престижа государства на международной арене, и как следствие государство получает возможность пользоваться своим заработанным престижем в других областях. Еще Буркхардт обращал внимание на то, что итальянские государства XIV-XV вв. считали достижения в сфере культуры и искусства крайне важными для укрепления своего престижа.

Эту идею можно признать в качестве главного практического следствия концепции «государства как произведения искусства». Сейчас такая тактика имеет свой осязаемый и достаточно проработанный концепт. Речь идет о «мягкой силе», в противоположность «жесткой». Если последняя акцентирует внимание на «традиционных», то есть военно-политических средствах достижения целей, то первая подразумевает использование государством нематериальных властных ресурсов культуры и идеалов.

¹ Писарев Д.И. Очерк из истории труда. http://az.lib.ru/p/pisarew d/text 0430.shtml

² Исслелователем Лж. Наем.

В современных условиях данная тактика признается более действенной, чем жесткие методы, которые непременно получат немалую долю осуждений от пацифистов (а также популистов) всех сортов. В XXI веке это умело продемонстрировал Китай, выдвигая, в частности, лозунги «гармонического общества» и «гармонического мира», корни которых (якобы) уходят в древнекитайскую культуру. Эти и многие другие проявления «soft power» (такие как пропаганда успехов экономических реформ и миролюбия внешней политики, повышение привлекательности китайской культуры в мире) возымели действие, и уже в 2005 году США рассматривали КНР как «ответственного участника» международных отношений, то есть отказались прежних от косых взглядов и холодного недоверия, от идей «китайской угрозы» и «китайского падения».

Сейчас такой работой пытаются заниматься все. Выходит же это у того, чьи культурные успехи громки, а информационные ресурсы используются по назначению. Словом, концепция «государства как произведение искусства» не сходит сегодня с повестки дня.

Государство как продукт искусства

В этой главе мы сосредоточимся на том, как искусство трансформирует социальное бытие. Какие конкретные результаты, достигнутые благодаря элементам рассматриваемой нами концепции, мы можем вспомнить?

Внутригосударственные изменения мы уже рассмотрели достаточно подробно в предыдущих главах, так что здесь хотелось бы переключиться на внешнюю политику, международные отношения.

Сразу заметим, что показывать примеры благотворного влияния культуры на взаимодействие государств — довольно трудная задача. Если и можно это сделать, то только апофатическим путем. Ведь самый реалистичный международный эффект, который можно ожидать от этой концепции — это отсутствие войны. Вместо нее за границей восхищаются нашим Большим театром, аплодируют Российскому национальному оркестру, которые прилагают все усилия для того, чтобы донести другим народам дух нашей страны, охватить едиными объятиями искусства людей разных стран.

Искусство наполняет сердца любовью к человеку, к миру и прощению. Тот народ, который растет в культурной среде, не может оставить без внимания жестокость и несправедливость, творящиеся в мире. Сколько американцев протестовали против вторжения в Ирак? Это неодобрение стало фатальным для бывшего президента Буша, рей-

тинг которого после авантюры стал стремительно скатываться. А когда пришло время выборов, народ избрал человека, выступающего за немедленное окончание Иракской войны. Конечно, такая система возможна только при демократии, однако, даже авторитарные режимы будут испытывать давление мировой «культурной» общественности под предводительством соответствующих государств.

Но если существует такая логика и если, как мы заявляем, большинство государств уже сейчас в удовлетворительной степени определяются культурой, откуда берется вся жестокость и «дикость» в мировой политике? Как объяснить появление «внеструктурных» явлений?

«Черных лебедей» на международной плоскости действительно хватает. Зачастую в них назло нашим идеям конфликтность обуславливается как раз таки заботой государств о культуре. Интересный случай в этом отношении представляет для нас исламский фундаментализм, который является примером культурного (или религиозного, если быть точнее) национализма. Этот феномен проникнут нетерпимостью к «неверным», но в то же время является в некотором смысле заботой «исламских государств» о своей культуре. Так почему возникает такая ситуация? Ответ зарыт в идеях Буркхардта, который говорил об исламском мире отдельно. Он считал, что исламские страны направляются скорее не культурой, а религией. Этот факт может объяснить львиную долю современных конфликтов. Говоря тезисно, конфликты продолжают существовать оттого, что не все государства мира определяются культурой.

Но все же современное напряжение не исчерпывается особенностью ислама, а также поведением некоторых «бескультурных» государств. На первый взгляд становится непонятно, откуда взялась иракская операция и лагерь в Гуантанамо, если Америка, как и большинство стран мира, определяется культурой. Можно предположить, что ее культура слишком искажена материей и пестротой, но это будет только отчасти правдой. Ведь существует и другие измерения проблемы, другие страны и другие побуждения.

В качестве примера возьмем страны Прибалтики, в которых трепетное отношение, любовь к своим собственным культурам оборачивается резко негативным отношением к носителям других культур. Разрешить возникший парадокс может менее возвышенный, но трудноопровержимый аргумент, говорящий о том, что наивно было бы ожидать совершенно нерационального для жестких условий мировой политики идеалистического поворота в государственном курсе. Мы живем в «мире вещей» и по природе своей не можем воплощать в своих действиях чистые идеи. Идея любви легко разбавляется эгоизмом и нетерпимостью в определенном «теле».

Такое объяснение толкает нас в совершенно другую плоскость, и мы приходим к выводу, что наибольший отпечаток на эстетическую концепцию государства налагают условия реального мира (в противовес смоделированному в уме). К этим условиям можно отнести особенности лидеров, а также саму «бренность» реального мира. То есть культура, добираясь до верхних, исполнительных этажей проходит через призму, искажающую более-менее чистую идею персональными наклонностями и комплексным характером реальности.

Конечно, вряд ли когда-нибудь какой-нибудь правитель возьмет текст Буркхардта или Рериха в качестве буквального сценария своей жизни и деятельности. Отчасти, как уже было замечено, оттого, что не все государства жаждут сотрудничества, то есть не все в одинаковой степени заряжены культурой. Отчасти из-за искажений, без которых не существует реального мира. Отчасти из-за того, что уже давно никто не хочет, как хотел Платон, ставить во главу государства философа, человека, способного до основания пропитаться истинными флюидами искусства. Не надо пытаться найти причину в том, что все культуры разные. Рерих говорил, что в своей глубине вся культура, все искусство едино. Война отнюдь не всегда возникает в результате непонимания другой культуры или подразумевает это. Даже вторжение в Ирак было лишь результатом влияния пресловутой реальности с ее конечностью и исчерпаемостью.

Но вышеперечисленные факты и рассуждения не отменяют того, что государство как произведение искусства существует в мире. Его дух живет в разных состояниях в каждом государстве, а его миролюбивый аспект активно борется с эгоизмом и жадностью внутри каждого государства. Как и Буркхардт, многие из нас мечтают о том, чтобы искусство смогло, наконец, уравновесить все эгоистические стремления, проявляющиеся как внутри, так и вне государства.

Искусство как источник социальной гармонии

Итак, у государства нет другого выхода, кроме как стремиться к идеалу Буркхардта и Рериха, что они и делают в современных условиях. Но делает ли со своей стороны то же самое искусство? Рассмотрим другой полюс нашего исследования.

Другими словами, ставя вопрос, заслуживает ли искусство в наш век такого внимания со стороны государства? Не равнодушно ли оно к общественным делам и к преображению человеческой души?

Наши предыдущие рассуждения приводили нас к мысли, что не всякое искусство может стать источником социального движения и соци-

альной гармонии. Государство считает также, и поэтому в плане объекта поддержки избирательно. В первую очередь, по понятным причинам, необходимые средства получает культурное наследие; оставшемуся же искусству приходится рассчитывать на собственную привлекательность для населения. Если опираться в этой проблеме на Рериха, то он недвусмысленно акцентировал внимание на предметах старины: «Памятники древности во всем их очаровании будут лучшими устоями государства». Но кроме того, Рериха интересовало культурное воспитание молодежи. Памятники древности, конечно, сыграют свою роль, но очевидно, что если молодежь и интересуется искусством, то по большей части современным. Вдобавок, для современного общества текущая тенденция выступает намного более влиятельной силой, чем традиция. Писатель, как, в принципе, и читатель, отдает предпочтение современному стилю, идущему в резонанс с современным общественным настроением.

Таким образом, установки реципиента складываются под непосредственным влиянием современной культурной парадигмы. Теперь перед нами стоит задача, последняя перед итогами, выяснить, что представляет собой актуальное искусство, какого отклика оно ждет от реципиента?

Практически нет сомнений, что любое классическое произведение направлено на очищение души, и тем самым оно делает из человека хорошего, ответственного гражданина. Но какой приговор мы можем вынести культурной тенденции современности?

Для начала зададимся вопросом: сказалась ли «смерть Бога» на современном искусстве? На это мы можем не задумываясь ответить утвердительно. Но мы имеем в виду вовсе не того Бога, о котором говорил Ницше. Ведь Ницше не убивал Бога, он его создал. Посудите сами. Бог Ницше, этот источник нигилизма, оказался намного более внушительным, мощным, реальным и правдивым, чем предыдущий, почти эфемерный. Отрицать неочевидное проще, поэтому в нигилизм ницшеанскому человеку поверить проще, в этого Бога, которого, однако же, мы можем назвать мертвым к нашему времени. Для кого-то это кажется возвращением ко лжи, призракам, а для кого-то — возвращением к обществу, к государству и человеческой жизни. В этом — суть современной культуры.

Постмодернизм, как все французское, всем быстро приелся. Если кто-то возразит, что эпоха постмодерна не могла так быстро пройти, то стоит напомнить, что постмодерн — это вовсе не эпоха, а ситуация, увлечение, которое само себя исчерпало, начав под конец проповедовать своеобразную неоклассику, выражающую вполне классические смыслы и традиционные побуждения. Роман А. Проханова «Виртуоз» демонстри-

рует то, как происходит закат постмодерна. В тяжелые периоды истории общество всегда нуждается в единстве, которое может обеспечить только классика или ее современное выражение. В романе высшее руководство страны осознает это и вызывает модного писателя, давая ему задание своим новым произведением покончить с постмодерном. Мода всегда кем-то навязывается. В данном случае, как в романе, так и в реальности, некий сигнал поступил сверху. Желая, чтобы новый смысл поселился в стране, государство обратилось ко второй стадии круговорота культуры. Таким образом, начиная с одной стадии, мы непременно пройдем все три, и в результате государство еще сильнее будет определяться распространившейся осмысленной культурой. Но мы не можем утверждать, что в данном случае государство полностью доминировало над сферой культуры, управляло ей. Возможно, что зерно новой культуры неоклассики, будто Ид, притаившись внутри политика, тайно управляла всеми его действиями. Так что стадии неразделимы; контроль государства над культурой неотделим от контроля культуры над государством.

Мы обратимся к самому яркому доказательству доминирования осознанных, социально-значимых и конструктивных идей в культуре. Оно заключается в тенденции антикоммерциализации искусства, которая воплощена в сети Интернет. Миллионы жителей Земли пользуются сервисом по видеохостингу «Youtube», люди из разных стран получают бесплатной рассылкой электронные журналы наподобие «Revolutionart». Даже пиратство — и оно является средством борьбы с коммерцией, хотя есть творцы, которые по собственной воле выкладывают свои книги и музыку для бесплатного скачивания. Несомненно, у сторонников бесплатного искусства есть не менее сильный оппонент, выступающий за строгое соблюдение авторских прав, призывающий к борьбе с «пиратами». По терминологии Е. Чеботаревой, которую она использует в одной из своих статей, первых мы можем обозначить как кибер-коммунистов¹, а вторых — как киберлибералов. Идеалы первой группы с удовольствием выражает в своих действиях английская рок-группа «Radiohead», а вот Боно из «U2» напротив считает, что бесплатное размещение произведений искусства в Интернете ни к чему хорошему не приведет. Можно только предположить чем закончится эта битва. Скорее всего «Radiohead» как представители более позднего поколения чувствуют тренды острее. Представляя будущее в тонах первой идеи, мы видим настоящий шведский стол, пир искусства и культуры.

¹ Эту идеологию описали в своей «Калифорнийской идеологии» Р. Барбрук и Э. Камерон.

Но мало того, что искусство становится доступней, что теперь уже не надо никуда выходить (кроме Интернета), не надо ни за что платить (кроме подключения), чтобы приобщиться к культуре. Такая система означает еще и очищение культуры от рынка, который ведет ее совсем не в ту сторону. Это означает свободное выражение мыслей, смыслов, уход коммерческой безыдейности. По крайней мере, это означает то, что культура наконец становится чистой. Ты делаешь все так, как ты хочешь. Интернет — это конец заказных работ, это — реальное проявление народного духа. У свободного доступа, конечно, есть свои недостатки, но главное, что он дает выход позитивной и правдивой энергии.

Многие неверно связывают Интернет с размыванием культурных границ, со вторжением «дяди Сэма» или других влияний в национальную культуру стран. Отвечая на этот упрек, мы говорим, что Интернет способствует не вторжению культур и, как следствие, конфликту, а их взаимопониманию и, как следствие, предупреждению конфликтов. Ведь реального вторжения не происходит, потому что Интернет — это не реальный мир. Интернет скорее противопоставлен ему как теория — практике, как мир идей — миру вещей. Все процессы, происходящие во «всемирной паутине», относятся к сфере духовной культуры, к искусству. Интернет в этом смысле — мощный двигатель искусства, создающий мотивационный и мировоззренческий фундамент человечества, который способен повлиять на каждого пользователя Земли, в результате чего их установки выльются в действия, а действия — в изменения.

Конечно, в Интернете антикоммерциализация идет рука об руку с анархизацией. Многие даже думают убежать от президента в сеть, но их усилия напрасны, ведь президент идет следом за ними в Интернет, где теперь имеет возможность поговорить с людьми почти по душам. Интернет отнюдь не только разделяет нацию, он ее может еще и связывать, объединять вокруг президента, вокруг государства.

Интернет предоставляет широкие возможности всем — и консерваторам, и либералам. От него никуда не денешься, поэтому надо пользоваться тем, что предоставляет это мощнейшее в мире оружие.

Постмодернизм, постструктурализм, увлечение маргиналами — все это мертво, ведь оно и тяготело к смерти. Классика говорит о жизни, о традиционной жизни в государстве, где и у отдельного человека, и у целого государства есть цель, и они находятся в гармонии. Современное искусство, освобожденное, уже говорит и должно говорить еще громче об этом.

Выводы и заключение

Итак, с чем же мы пришли к финишу нашего исследования? Основа всего исследования — государственно-культурный механизм, который можно уподобить вечному круговороту, состоящему из трех стадий, трудноотделимых, перетекающих друг в друга: культура строит государство, представляющее собой в первую очередь аппарат по производству культуры, влияние которой рождает в обществе духовную гармонию, определяющую облик и сущность государства. В ходе этой трансформации культурной стихии происходит постепенное (или же мгновенное) изменение основ общества. Это внутреннее влияние, кроме которого существует и внешнее, когда разрозненные искры культуры, или же их целенаправленный поток, исходит из государства вовне, преобразуя тем самым и международную систему.

Это, безусловно, идеализированный вариант. Для каждого государства эта система будет со своими коррективами. Но неизменно то, что везде работать с культурой будет именно институт государства, символ стабильности и самодостаточности. Даже в этом мы можем увидеть эстетику.

Несомненно, государству уже для самого своего существования, для превращения ее граждан из безликого населения в осмысленный народ необходимо печься о культурном единстве (не однородности, а именно единстве). Момент такой трансформации как раз и зачинает в стране «государство как произведение искусства», ведь только единая культура может работать в качестве побуждающей силы.

Государство с мертвой культурой никому не интересно, никто его в серьез не воспринимает. Если государству нечем гордиться, то граждане не будут уважать такое государство, у них не будет побуждений жить и трудиться ради него.

Все это доказывает нам, что сама идея государства подразумевает в себе элемент эстетической идеи. А если так, то стремиться к идеалу Буркхардта для них естественно. Таким образом, мы выполнили цель нашего исследования, ответив на вопрос «что побуждает государства стремиться к эстетике?». Ответ таков: его природа.

Искусство сегодня — великая преобразующая сила, которая возрастает благодаря внедрению новых технологий. Законы функционирования культуры толкают государства на освоение этих новых пространств. Поэтому в будущем стоит ожидать улучшения культурной ситуации, а следовательно, и условий существования.

Но реальность — не схема. Поэтому для более полного воплощения исследуемой нами концепции непременно нужны правила, которые будут руководить поведением государства как внутри, так и на

мировой арене. Мир имеет необходимую структуру для этого — это Организация Объединенных Наций. Внутригосударственный регулятор образуется лишь при условии существования развитого правового государства и учета «интересов культуры» при распределении государственного финансирования. Юридическое закрепление сделает государства более предсказуемыми в сфере поддержки культуры. Это будет гарантировать не только жизнеспособность национальных искусств, но и внутренний и международный порядок. Миру следует двигаться в этом направлении.

В заключение нельзя не сказать пары слов о России как традиционно мощном культурном центре и сильном государстве. Наша страна имеет отличные перспективы стать государством эстетическим, причем опередив в этом отношении все другие страны. Ведь российский народ, как и российская государственность, всегда выделялись среди других своими приоритетами и особым видением действительности. Пирамида потребностей Маслоу в российской истории нередко переворачивалась и в течение длительного времени балансировала на своей вершине. Наша страна хоть и меняла названия, но суть в ней оставалась все та же. Суть эта всегда была завязана на высокой идее, причем к идеалам стремились как правители, так и простой народ.

Сегодня силы российского общества при обязательной поддержке государства должны построить новую Россию, Россию как региональный и мировой культурный центр. Надежда на природу и тренды — ничто без собственной активности. Ведь реальная движущая сила истории — человек.

Содержание

Совместное заседание Московско-Петербургского философского клуба и Флорентийского общества по теме Государство как произведение искусства	
Где же искусство?	31
Логика подмены	33
Ненужность мысли	36
Искусство как критерий	38
Этическое и эстетическое	42
От искусственного к искусству	46
Антонов Я.В. Государство как произведение искусства	49
Вступление	49
Общая характеристика эволюционных преобразований	
идейного содержания государства	50
Организационный компонент	60
Политический компонент	60
Правовой компонент	63
Экономический компонент	75
Социальный компонент	76
Системообразующий культурный компонент	78
Рационально-эстетический аспект	84
Государство как произведение искусства: системное	
понимание	85
Сехин И.В. Государство как произведение искусства	90
Гибадатова Л.И. Государство как произведение искусства	100
Елена Садовникова. Государство как произведение искусства	108

Скуба А.В. Государство как произведение искусства	123
Феденко Е.В. Государство как эстетическая ценность	
Введение	133
1. Понимание государства	134
2. Аксиология государства	
3. Государство сегодня и завтра	
4. Право как основной социальный регулятор государства	
Заключение	
Хамитова Г.Ш. Правовой нигилизм молодежи как социальная	
проблема российского государства	
Соколов Е.С. Государство как произведение искусства:	
конфигурации новоевропейского государства, войны	
и субъективности	181
,	
Мехед Г.Н. Государство и эстетика	195
11.0000 1.111 100 JAup 0.120 11 0010111111	170
Полынин И.М. Государство как произведение искусства	205
Введение	
Глава I. Государство с точки зрения этики и эстетики	
Глава II. Сакрализация государства	
Заключение	
Suidio idinio	210
Апаева А.Ю. Государство как произведение искусства	217
Введение	
Онтология искусства	
Онтология государства	
Заключение	
Suidio idinio	251
Барковская А. Государство как произведение искусства	233
zeprocenium i cej Auperze num npeneze Aerme nenjeerzummini	
Бельчич Д. Ю. Государство как произведение политического	
искусства	243
, ••	
Кудряшов И.С. Государство как произведение искусства	253
11) opsimoo 11 oo 100 jaap	
Полулях Д.С. Государство как произведение искусства	265
Введение	
Государство как основной источник культурной жизни	
Негосуларственные акторы как культурные агенты	

Государство и культурная идентичность	272
Государство как производитель культуры	
Производство культуры и «мягкая сила»	
Государство как продукт искусства	277
Искусство как источник социальной гармонии	279
Выводы и заключение	283

Государство как произведение искусства: 150-летие концепции

Ответственный редактор А.А. Гусейнов



Редактор А.В. Павлов

Художник П. Ефремов Компьютерная верстка Ю. Балабанов

Издательство «Летний сад». 121069, Москва, ОПС 69, а/я 46. Сайт: http://letsad.info

E-mail: letsad@letsad.info

Книжные магазины «Летний сад»: Москва, ул. Воздвиженка, 3/5 (в здании Российской Государственной Библиотеки, 3-й подъезд); Москва, Калашный пер., 4 (м. «Арбатская»). Тел. (495) 690-43-57.

Подписано в печать 03.02.2011. Печ. л. 18,0. Бумага офсетная № 1. Формат 60х90 1/16. Тираж 1000 экз.





В сборник включены материалы "Круглого стола", проведенного при участии Флорентийского общества, и избранные работы конкурса молодых ученых, посвященные одной и той же теме: "Государство как произведение искусства". "Круглый стол" состоялся 14 апреля 2010 года в Институте философии РАН как совместное заседание философов и юристов, академических специалистов и практикующих гуманитариев; он был приурочен к 150-летию публикации книги швейцарского историка Якоба Буркхардта "История культуры Ренессанса: Попытка исследования" и 75-летию Пакта Рериха действующего международного договора о защите культурных ценностей от военных действий государств, подписанного по инициативе президента США Франклина Рузвельта, но разработанного и вдохновленного знаменитым русским мыслителем и художником Николаем Рерихом. в честь которого договор официально и был назван. Конкурс молодых ученых, проходивший в период с мая по сентябрь 2010 года, охватил студентов, аспирантов и молодых преподавателей философских, юридических и других гуманитарных специальностей из 20 регионов России. Оба мероприятия были организованы Институтом философии РАН и Московско-Петербургским философским клубом в рамках их совместных усилий по разработке и публичному обсуждению проблем философии права.